

Проект ЮЛИЯ ЗЫСЛИНА
«ВАШИНГТОНСКИЙ МУЗЕЙ
РУССКОЙ ПОЭЗИИ И МУЗЫКИ»

www.museum.zislin.com

Юлий Зыслин

Анна Ахматова и Марина Цветаева

Вашингтонский музей
русской поэзии и музыки

ХРОНИКА
СОПОСТАВЛЕНИЯ
АННЫ АХМАТОВОЙ
и МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

AARCE

Американская ассоциация русского языка, культуры и образования
www.aarce.org

WMRPM

Вашингтонский музей русской поэзии и музыки
www.museum.zislin.com

АННА АХМАТОВА (1889-1966) — МАРИНА ЦВЕТАЕВА (1892-1941)

ХРОНИКА СОПОСТАВЛЕНИЯ ЗА 1912-2008 ГОДЫ

МУЗЕЙНОЕ СОБРАНИЕ
Юлия и Светланы Зыслиных
Вашингтон

500 цитат
с добавлениями и приложениями

Континент. Чикаго. 2009

AARCE

Американская ассоциация русского языка, культуры и образования
www.aarce.org

WMRPM

Вашингтонский музей русской поэзии и музыки
www.museum.zislin.com

АННА АХМАТОВА (889-1966) МАРИНА ЦВЕТАЕВА (892-1941)

ХРОНИКА СОПОСТАВЛЕНИЯ ЗА 1912-2008 ГОДЫ

Uli Zislin.

***Anna Akhmatova (1889-1966).
Marina Tsvetaeva (1892-1941).
Chronicle of correlation. 1912-2008.***

ISBN: X-XXX1194-9-1

Copyright © 2009 by author
Photos and illustrations copyright © 2009
Chicago, USA 2009
All rights reserved including the right of reproduction in whole or in part in any form

Published by «KONTINENT»
www.kontinent.org

Сопоставить их – задача неизбежная...

Она возникает перед каждым, кто искренне и глубоко вдумывается в судьбы нашей литературы...
Поэт Павел Антокольский

...Цветаева была женщиной и поэтом, сравнение с Ахматовой было неизбежно...

Проф. Джейн Таубман (Jane A. Taubman, USA)

...Ахматова и Цветаева... Поэты в нашем представлении нередко «ходят парами», скованные, как каторжники, одной цепью.

Поэт Александр Кушнер

Континент. Чикаго. 2009

Анна Ахматова и Марина Цветаева.
Композиции Людмилы Варламовой.
Публикуется впервые.

Книга является литературным и дизайнерским проектом кандидата технических наук, культуролога, коллекционера и барда Юлия Зыслина, бывшего москвича, проживающего с 1996 года в столице США.

В книге представлены собранные автором проекта и его женой литературные и иллюстративные материалы по сопоставлению великих русских поэтов-женщин XX века Анны Ахматовой и Марины Цветаевой почти за 100 лет.

Книга содержит расположенные в хронологическом порядке цитаты десятков авторов в количестве более 500 и дополнена биографическими данными рассматриваемых поэтов, диаграммой распределения цитат по годам, диалогом-дискуссией, графическими и фото-сопоставлениями.

Юлий Зыслин – автор трёх сборников стихов («Долги»–1992, Москва, «Штрихи»–1996, Москва, «Блики»–2000, Вашингтон), книги эссе («Мир по-прежнему тесен. Встречи. Поиски. Находки», Континент, 2008, Чикаго), 25-ти музыкально-поэтических композиций и двухсот песен на стихи более 50-ти русских поэтов.

Юлий Зыслин основал в Вашингтоне «Музей русской поэзии и музыки» (1997 г.), «Аллею русских поэтов и композиторов» (2003 г.), организовал и провёл 207 тематических заседаний музыкально-поэтического камерного клуба «Свеча» (186, Москва, 1979–1995 и 21, Вашингтон, 1996–2001), был инициатором «Вашингтонских Цветаевских костров» (с 1996 г.) и «Всемирного Цветаевских костра» 2002 года.

Выступал в России, США, Франции, Израиле, Грузии, Греции.

Публиковался в журналах «Слово \Word» (Нью-Йорк), «Новый журнал» (Нью-Йорк), «Журнал для родителей» (Нью-Йорк), «Маленькая компания»

(Нью-Йорк), «Большой Вашингтон» (Вашингтон), «Вестник» (Балтимор), «Зеркало» (Миннеаполис и Сент-Пол), «Собеседник» (Джерси Сити), «Побережье» (Филадельфия), «Вестник Род-Айленда» (Провиденс), «Ренессанс» (Киев), «Музыкальная академия» (Москва), «Музыкальная жизнь» (Москва), «Музыкальный клуб» (Москва), «Весёлые картинки» (Москва), «Рабинович+Иванов» (Санкт-Петербург), «Музейный вестник» (Елабуга), «Диалог» (Тбилиси), «Римон» (Реховот, Израиль) и в ряде газет России и США.

Специальные графические иллюстрации по сопоставлению Ахматовой и Цветаевой выполнены Людмилой Варламовой (Москва).

Другие иллюстративные материалы взяты из архива «Вашингтонского музея русской поэзии и музыки».

Организатор спонсорской поддержки проекта – Президент корпорации NBAC и Председатель совета директоров Ассоциации AARCA Борис Фоксман.

Спонсоры: Президент Ассоциации AARCE Светлана Соколова, Первый вице-президент фирмы Morgan Stanley Smith Barney in Washington, DC Виталий Назлымов, Управляющий юридической фирмы «femida.us» Дмитрий Дубограев и Менеджер той же фирмы Светлана Дубограева, Президент Home Inc. Рустам Аливерди, Президент Jessa Medical Supplies Inc. Муслим Алиев.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора проекта	8
Биографическая справка об Анне Ахматовой и Марине Цветаевой	11
Иллюстрации к биографической справке	14
Хроника сопоставления АА и МЦ	
<i>Часть 1. 1912 – 1929 гг.</i>	23
<i>Часть 2. 1936, 1940 – 1945 гг.</i>	38
<i>Часть 3. 1956 – 1966 гг.</i>	43
<i>Часть 4. 1967 – 1984 гг.</i>	53
<i>Часть 5. 1985 – 2008 гг.</i>	72
Дополнения к Хронике	
Диаграмма распределения цитат по годам 1912–2008	163
Перечень стихотворений Марины Цветаевой и Анны Ахматовой, посвящённых друг другу	166
Диалог двух культурологов по теме «Ахматова и Цветаева – современницы. Их общность и взаимное влияние».	170
Краткие выдержки из Хроники об общности и взаимном влиянии Ахматовой и Цветаевой	190
Послесловие автора проекта	199

ПРИЛОЖЕНИЯ

Именной указатель цитируемых в Хронике авторов

Материалы, поступившие в музей в 2009 году и не вошедшие в основной текст

Стихотворения Ахматовой и Цветаевой в программе автора проекта «Диалог, который был и не был»

Избранные стихи автора проекта, посвящённые Ахматовой и Цветаевой

О «Вашингтонском музее русской поэзии и музыки»

О художнике Людмиле Варламовой

Информация об ассоциации AARCE (АРКА по-русски)

Информация о спонсорах издания

Анна Ахматова. Фрагмент портрета.
Художник Моисей Лянглебен.
Москва–Чикаго.

Марина Цветаева. Фрагмент портрета.
Художник Руслан Фридман
Санкт–Петербург.

Из архива «Вашингтонского музея русской поэзии и музыки»

ОТ АВТОРА-СОСТАВИТЕЛЯ ХРОНИКИ

При подготовке музыкально-поэтической программы «Анна Ахматова и Марина Цветаева. Диалог, который был и не был» и в последствии собрался немалый материал по сопоставлению двух великих поэтов-женщин. Соответствующие цитаты были распределены в хронологическом порядке (Марина Цветаева: «Хронология – ключ к пониманию...», «Хронология – дорожный посох»). Это было сделано почти за 100 лет, начиная с 1912 года (в основной текст Хроники вошли цитаты до 2008 года включительно; цитаты же из публикаций начала 2009 года помещены в приложения). Было сделано предположение, что имеющийся материал может быть интересен не только для экспозиции «Вашингтонского музея русской поэзии и музыки» (www.museum.zislin.com), но и для историков русской литературы, и для широкой публики. В Хронике предпринят широкий охват материалов, использованы разнообразные высказывания, взятые из многочисленных источников и помещённых под одной обложкой.

Приведённые в Хронике цитаты иллюстрируют изменения во времени характера и объёма сопоставлений, включая противопоставление и сравнение двух великих поэтов-женщин XX века, что сопровождало их творческое состояние и сопутствует их посмертной славе. Из Хроники также видно, как трансформировался в России литературный процесс в отношении Анны Ахматовой и Марины Цветаевой.

Разделение цитат на группы вызвано, во-первых, наличием двух промежутков времени по несколько лет, в течение которых соответствующей информации нами не найдено, и, во-вторых, возникновением в Советском Союзе сначала «оттепели», а потом и «перестройки», когда закрытая ранее информация стала сначала частично, а потом и в большом объёме доступной широкому кругу читателей. Год смерти Анны Ахматовой также взят как некоторый рубеж. По желанию читателя, границы частей по годам можно, наверно, исключить и, не мудрствуя лукаво, рассматривать хронологический перечень цитат, как единое целое.

Так как цитаты находятся в Хронике вне общего текста источников, из которых они взяты, автор-составитель счёл необходимым в отдельных местах делать некоторые пояснения, поместив их в круглые скобки, или добавлять недостающие по смыслу слова, обравив их угловыми скобками. Каждая цитата взята в кавычки, даже, если несколько цитат приведены из одного источника. В книге используются некоторые общепринятые сокращения: АА – Анна Ахматова, МЦ – Марина Цветаева, М. – Москва, СПб. – Санкт-Петербург.

Все иллюстрации в книге, включая обложки, тоже являются элементами сопоставления и выстроены таким образом, что Анна Ахматова размещена слева, а Марина Цветаева – справа, и они преимущественно обращены лицами друг к другу.

Цитаты не проходили какого-либо отсева по их смыслу, тем более по характеру сделанных в них оценок Ахматовой и Цветаевой. В Хронике представлены разные точки зрения от неудержимых восхвалений до хулы и нелицеприятия.

В книге приведено всё то, что удалось обнаружить в имеющихся в «Вашингтонском музее русской поэзии и музыки» источниках.

Музей был открыт для посещения в 1997 году. Коллекции для музея собирались автором Хроники с 1977 года (автор переехал в США из Москвы в 1996 году).

В книге не ставилась задача создания литературоведческого труда и тем более справочника. По-видимому, подобная Хроника создаётся впервые. Отдельные её фрагменты были автором опубликованы в журналах Америки и Украины.

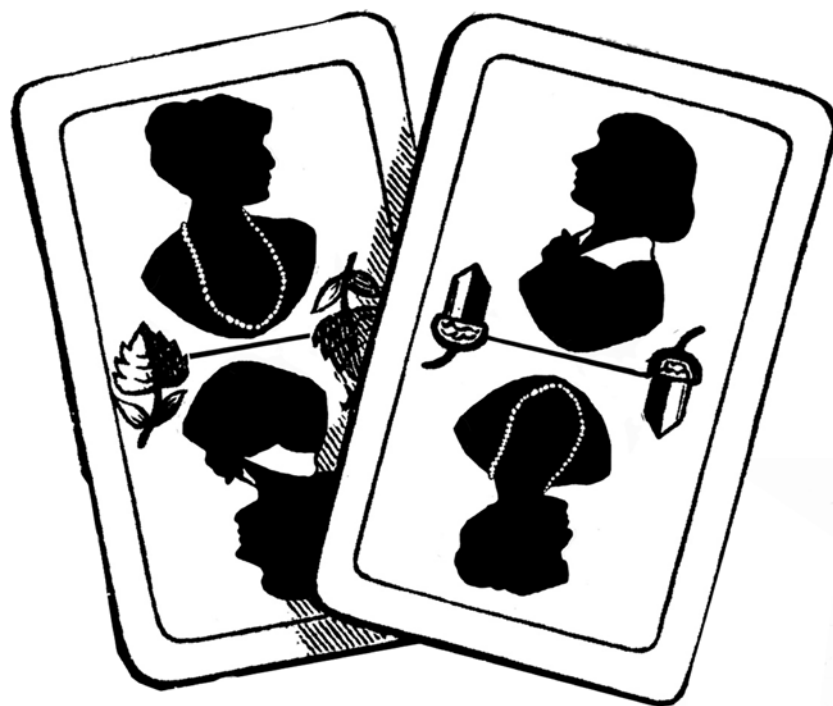

Автор композиции Илий Зыслин

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА О ПОЭТАХ АННЕ АХМАТОВОЙ И МАРИНЕ ЦВЕТАЕВОЙ

Хроника предваряется краткой биографической справкой (в виде таблицы) о выдающихся поэтах XX века, ярчайших представительницах Серебряного века русской культуры – Анне Ахматовой и Марине Цветаевой. В частности, в справке приводится для общего представления примерная статистика объёма их творчества. Данные справки по существу несут информацию по сопоставлению Ахматовой и Цветаевой. Справка дополнена некоторым количеством различных иллюстраций, которые тоже являются элементами сопоставления.

	Анна Ахматова	Марина Цветаева
Год и место рождения	1989 г., 23 июня, г. Одесса, Российская империя, на Ивана Купала.	1992 г., 8 октября, г. Москва, Российская империя, на Иоанна Богослова.
Отец	А.А.Горенко. Потомственный морской офицер, капитан 2-го ранга в отставке, инженер-механик, дворянин во втором поколении, надворный советник, статский советник, преподавал в Морском училище и детям Ф.Достоевского, не чужд литературной и общественной деятельности, жизнелюб.	И.В.Цветаева. Из духовного сословия, известный учёный, историк, археолог, филолог, искусствовед и культуролог, действительный член Петербургской Академии художеств и член-корреспондент РАН, профессор Московского, Киевского, Варшавского университетов, директор Румянцевского музея в Москве, собиратель, основатель Московского музея изящных искусств им. Александра III (ныне музей изобразительных искусств им. А.С.Пушкина), тайный советник, трудолюб.
Мать	И.Э.Горенко (урождённая Стогова). Богатая помещица, потомок старинных и древних русских и татарских родов, владелица имения в селе Слобидка-Шелеховская (Украина).	М.А. Цветаева (урождённая Мейн). Пианистка, художница, переводчица, потомок старинных польских родов.
Образование	Русские гимназии, юридическое отделение Высших женских курсов в Киеве, курсы по истории и литературе Н.П.Раева в Петербурге.	Русские гимназии, немецкие пансионы, школа французского языка (Париж).
Отношение к православию	Активное, не расставалась с Библией.	Сдержанное.
Тип темперамента	Флегматик, по оценке И.Бродского (см.1991 г. Хроники).	Холерик, по оценке И.Бродского (см. там же).
Революционные настроения в семье	Мать и сёстры отца тяготели к народолюбцам. Мать помогала террористке Вере Фигнер.	МЦ – поклонница Наполеона. В отцовском доме в окружении сводной сестры Валерии витали революционные идеи.
Первые стихи	В 11 лет.	В 6 лет.
Первые публикации стихов в журналах	1906 г. – «Сириус» (Париж) и 1907 г. – журналы Петербурга (1911, «Аполлон»).	1908 г. – московские журналы, «Антология» издательства «Муссагет».
Выход первых книг	1912 («Вечер»), 1914 («Чётки», книга до 1922 г. имела ещё 8 изданий).	1910 («Вечерний альбом»), 1912 («Волшебный фонарь»), 1913 («Из двух книг»).
Количество прижизненных книг	Лирика – 14 (а также две неизданных книги и одна в наброске; книга «Чётки» до 1922 издавалась 9 раз).	Лирика – 11 (а также две неизданных книги), сказки–3, отрывок пьесы – 1.
Количество стихов	Более 600	Более 800

Композиция Людмилы Варламовой

Когда судьба-злодейка тасовала свою колоду,
карты Анны Ахматовой и Марины Цветаевой оказались
в одном литературном пасьянсе
Серебряного века русской культуры.

Количество поэм	7	17
Количество прозаических произведений	Порядка 40	Порядка 50
Количество пьес	3	8
Количество писем	Известно около 40 (общее количество установить нельзя, т.к. многие письма были уничтожены, остальные не найдены)	Более 1000
Год и место смерти	1966, Домодедово (Подмосковье)	1941, Елабуга (Татария)
Продолжительность жизни	76 лет, 8 месяцев и 8 дней	48 лет, 10 месяцев и 24 дня
Место погребения	Комарово (под Петербургом).	Елабуга (Татарстан; место мемориальной могилы и место захоронения не совпадают).
Памятники АА: «Я тоже мраморною стану...».	Петербург(3), Москва, Одесса, село Слобидка–Шелеховская (Украина), Бежецк (в группе с Николаем и Львом Гумилёвыми)	Елабуга, Таруса, Москва, Святые горы (Украина), село Усень–Ивановское (Башкирия)
Музеи	Два музея в Петербурге: Гос.музей «Фонтанный Дом» и Муниципальный музей «Анна Ахматова. Серебряный век», Москва («Серебряный век » на пр. Мира и «Всё об Анне Ахматовой» у Баженовых), Киев (у Е.Ольшанской), Царское Село, Комарово, село Слобидка–Шелеховская (Украина), «Мангалочий дворик» (Ташкент), Вашингтон («Русская поэзия и музыка»), собрание Г.М.Аболянина (г.Новосибирск).	Александров, Болшево, Москва, Таруса, Феодосия, Усень–Ивановское (Башкирия), Новые Талицы (Иваново), Елабуга (Татария), Днепрпетровск (Украина), Вашингтон (США). Частные собрания Л.А.Мнухина (г.Москва), А.В.Ханакова (г.Москва), М.Д. Кацевой (Бостон), А.Пчелина (г.Казань), Г.М.Аболянина (г.Новосибирск), Л.Н.Козловой (г.Ульяновск), А.С.Балакина (г.Королев, Болшево), Т.П.Мельниковой(г.Видное, Подмосковье), С.А.Айдиняна (г.Москва), В.М.Головки (г.Ставрополь), В.К. Лосской (Париж).
Прижизненная иконография	Около 200 портретов	Несколько портретов
Посмертные издания в СССР и России (зарубежные издания здесь не учитываются)	1974, 1976, 1977, 1983 гг. и многократные после 1985 года, включая собрание сочинений в 6–ти томах, два двухтомника.	1961, 1965, 1967, 1979, 1980, 1984 гг. и многократные после 1985 года, включая собрание сочинений в 7–ми томах, двух и трёхтомники, дневники, неизданные тетради, проза.
Прижизненная слава	Российская слава и поклонение с первых же книг и в последствии всемирная слава (триумфы первых книг, выступления в Москве в 1946 году, поездки за границу в 1960–х гг.)	Ограниченная известность при жизни и огромная посмертная всемирная слава, поклонение и творческий триумф.

Некоторые дополнительные моменты биографии:		
Выход замуж	Первый раз в 1910 г., венчание в пригороде Киева (позже были ещё браки).	1912 г., венчание в Москве.
Дети	Сын Лев от первого брака, рождён 1 октября 1912 г.	Дочь Ариадна, рождена 5 сентября 1912 г. Ещё дети: Дочь Ирина (1917–1920) и сын Георгий (Мур, 1925–1944).
Посещение Италии	1911 (Северная Италия), 1912 (Сицилия).	1902 (Неври), 1912 (Сицилия)
Осуществление переводов на русский язык	С более 30–ти языков более 150 авторов, в том числе: из древнеегипетской, китайской классической, корейской классической, индийской, португальской, итальянской, французской, сербской, польской, болгарской, румынской, чешской, словацкой, украинской, литовской, латышской, армянской, татарской, еврейской, осетинской, грузинской поэзий, а также письма Рубенса и стихотворение Райнера Марии Рильке «Одиночество».	Из австрийской, английской, испанской, немецкой, французской, болгарской, польской, чехословацкой, грузинской, еврейской, украинской поэзий, а также английские народные баллады, немецкие народные песни, бретонские народные песни, песни из белорусских евреев, письма Райнера Марии Рильке и французский роман «Новые надежды» Анны Элизабет. Переводы своих стихов Пушкину и стихов Лермонтова на французский язык.
Учёба музыки	Видимо, не обучалась.	Серьёзно и успешно занималась музыкой в детстве.
Пробы рисования	Известны 2 карандашных автопортрета и один автопортрет из пластилина.	В архиве Российской государственной библиотеки зарегистрировано 8 рисунков, опубликованных автором проекта в 2006 и 2008 гг. (карандаш, портреты неизвестных женщин и мужчин). В тетрадях поэта имеется множество рисунков–набросков.

ИЛЛЮСТРАЦИИ К БИОГРАФИЧЕСКОЙ СПРАВКЕ

ОТЦЫ

А.А.Горенко

И.В.Цветаев.

МАТЕРИ

Инна Эразмовна Горенко
(урождённая Стогова)

Мария Александровна Цветаева
(урождённая Мейн)

ДЕТСТВО

Ане 11 лет

Марине 11 лет

Ане 15 лет

Марине 13 лет

ХАРАКТЕРЫ

Николай Гумилёв

МУЖЬЯ-воины

Сергей Эфрон

Смотрящие прямо

АА. 1927. Художник Николай Тырса

МЦ. 1931. Художник Арон Билис.

Смотрящие вниз

АА (фрагмент портрета)
Ксилография Владимира Фаворского,
между 1955 и 1958 гг.

МЦ
Рисунок Константина Родзевича,
1960-е гг.

Рисунки самих поэтов.

АА. Автопортрет. 1926. Уголь.

МЦ. Женская голова.
<1910-е годы>. Карандаш.

Могилы поэтов

Могила АА, Комарово.

Могила МЦ, Елабуга, Татарстан
(согласно уточнениям и официальной
регистрации, проведённым проф. Лилит Козловой)

СПб. Николо-Богоявленский
Собор (Николы Морского)
Здесь отпевали АА.

Москва. Церковь Бориса и Глеба,
на которую перекрестилась
МЦ при отъезде в эмиграцию.

Елабуга. Покровская церковь
Здесь была посмертная
панихида после прощания
церковью самоубийства МЦ.

Памятники «сидячие», бронза

АА.
Петербург, 2004.
Гос. университет, двор филфака.
Скульптор Вадим Трояновский.
Фото А.Дроздова.

МЦ.
Москва, Борисоглебский пер., 2007.
Дом-музей Марины Цветаевой.
Скульптор Нина Матвеева
Фото А.Ханакова.

Юбилейные мини-календари

2009 г, 120-летие АА.
Международный Союз «Русский клуб», Тбилиси

1992 г., 100-летие МЦ.
Всесоюзное общество «КНИГА», Москва

Экслибрисы

АА. Из собрания Ирины и Марка Баженовых. 1995 г.

МЦ. Из собрания Зинаиды Партис, художник Ренат Фридман, СПб. 1967 г.

Из собрания «Вашингтонского музея русской поэзии и музыки»

Анна Андреевна Ахматова

Ex Libris
Ю.Зыслина

Марина Ивановна Цветаева

Ex Libris
Ю.Зыслина

Автор Сергей Стукалов. Публикуется впервые.

Ex Libris Евдокии Ольшанской
Художник Юрий Черепанов

Художник Сергей Стукалов

СИЛУЭТЫ

Анна Ахматова

Автор С.Рудаков

Марина Цветаева

Автор М.Яндоленко

Автор С.Рудаков

Автор А.Эфрон

СИЛУЭТЫ

Анна Ахматова

Автор М.Яндоленко

Марина Цветаева

Автор Е.Кругликова

Силуэты выполнены художником Николаем Стрижак (СПб).
Из собрания Вилена Бялого (Балтимор)

ХРОНИКА СОПОСТАВЛЕНИЯ АА И МЦ

ЧАСТЬ 1. 1912 — 1929 ГГ.

АА, 1915

МЦ, 1912

1912 г.

Поэт и композитор Михаил Кузмин (Санкт-Петербург) – в предисловии к первой книге А.Ахматовой «ВЕЧЕР»:

«Среди совсем молодых поэтов... есть... стремящиеся к тонкой и, мы сказали бы, хрупкой поэзии, но, в то время, как одни ищут её в описании предметов, которые принято считать тонкими: севрских чашек, гобеленов, каминов, арлекинов, рыцарей и мадонн (Эренбург), другие в необыкновенно изощрённом анализе нарочито-причудливых переживаний (Мандельштам), третьи в иронизирующем описании интимной, несколько демонстративно-обыденной жизни (Марина Цветаева), – нам кажется, что поэзия Анны Ахматовой производит впечатление острой и хрупкой потому, что сами её восприятия таковы, от себя же поэт прибавляет разве только Лафоровскую, на наш вкус, приятную манерность».

1912 г.

Марина Цветаева – в письме к сестре мужа:

«Вчера купила книгу стихов Анны Ахматовой («Вечер». – Ю.З.), которую хвалила критика...Есть трогательные строчки, например:

Ива по небу распластала

Веер сквозной.

Может быть, лучше, что я не стала
Вашей женой.

Эти строчки, по-моему, самые грустные и искренние во всей книге. Её называют утончённой и хрупкой за неожиданное появление в её стихах розового какаду, виолы и клавесин».

1913 г.

Французский поэт, переводчик, автор «Антологии русских поэтов» Жан Шюзвиль (Jean Chuzeville, Anthologie des poetes russes, 1914, Paris) – в статье «Футуризм, акмеизм, адаизм и проч.», «Mercure de France», о которой в примечаниях к 38-й рецензии Н.Гумилёва из цикла «Письма о русской поэзии» (Москва, Современник, 1990) сказано:

«В статье <Ж.Шюзевиль> даны характеристики Гумилёва, Городецкого, Ахматовой и Цветаевой».

«Мечта». К циклу АА «Вечер».
Рисунок Л.Варламовой.
Публикуется впервые.

Ахматова, 1913

Цветаева, 1914

Журналистка, сторонница женской эмансипации Ольга Огинская – в статье «О поэзии Анны Ахматовой», «Женское дело», №10, 1914:

«Рождаются женщины-поэты, художники, скульпторы... Многие ли читали Аделаиду Герцык, Любовь Столицу, Марину Цветаеву, Анну Ахматову? О них почти никто не знает, ими никто не интересуется. А между тем это подлинные поэты, подлинные художники. Они оригинальны, они самобытны. В их творчестве раскрывается выявлявшаяся до сих пор лишь в творчестве мужчины сущность женской души, женская стихия».

1915 г.

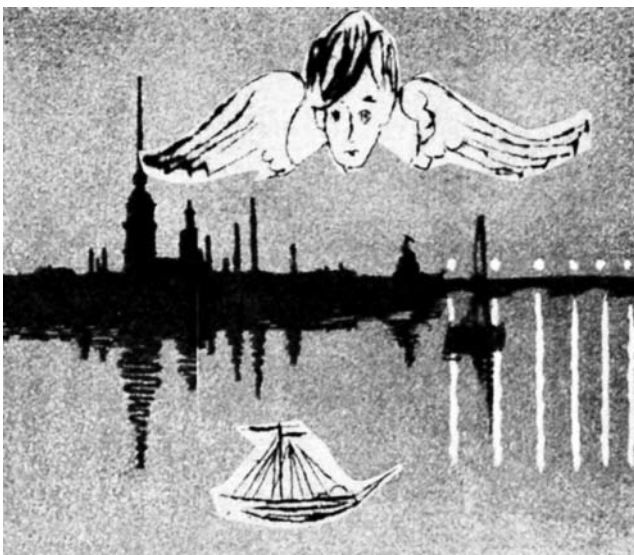
Марина Цветаева – запись в тетради:

«...При каждой моей строке – сравнение нас (а в ком и стравливание) не только Ахматовой и меня, а ... Петербурга и Москвы».

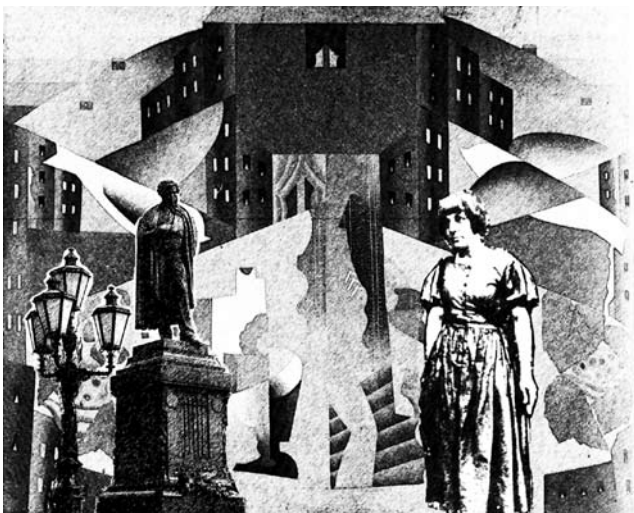
1916 г.

Александр Блок – в письме Анне Ахматовой о её поэме «У самого моря»:

«...Не надо мёртвого жениха, не надо кукол, не надо «экзотики», не надо уравнений с десятью неизвестными; надо ещё жёстче, неприглядней, больше...».

«Петербург Ахматовой». Рис. Л.Варламовой. Публикуется впервые

Москва цветаевская. Рис. Л.Варламовой. Публикуется впервые

1916 г.

Осип Мандельштам – в неопубликованной при жизни поэта статье «О современной поэзии (К выходу «Альманаха муз»)». (В этом альманахе, вышедшем в Петрограде в 1916 г., были помещены стихи, кроме А.Ахматовой, – ещё И.Анненского, Б.Анрепа, А.Герцык, Г.Иванова, О.Мандельштама, М.Цветаевой и др. – Ю.З.):

«Сочетание тончайшего психологизма (школа Анненского) с песенным ладом поражает в стихах Ахматовой наш слух, привыкший с понятием песни связывать некоторую душевную элементарность, если не бедность».

1916 г.

Марина Цветаева Анне Ахматовой – в стихотворении «О, Муза плача...»:

«Мы коронованы тем, что одну с тобой / Мы землю топчем, что небо над нами – то же!..».

1917 г.

Поэт, художник, философ, теософ Максимилиан Волошин (Москва, Коктебель) – в статье «Голоса поэтов», «Речь», № 129, 1917:

«У последних пришельцев стих подошёл гораздо интимнее, теснее к интимному, разговорному голосу поэта. В старшем поколении это уже предчувствовалось в Ин.Фед. Анненском и намечалось в Кузmine. Теперь это слияние стиха и голоса зазвучало непринуждённо и свободно в поэзии Ахматовой, Марины Цветаевой, О.Мандельштама, Софии Парнок. В их стихах всё стало голосом. Всё их обаяние только в голосе.

...Хочется прислушиваться к самим звукам их голосов, настолько свежих и новых в своей интимности».

1917 г.

Максимилиан Волошин – из наброска (плана) той же статьи:

Голос Цветаевой: «То голос разумного дитя, то мальчишески ломающийся и дерзкий, то с глубоко национальными и длинными бабьими нотами».

Голос Ахматовой: «Прекрасный и полный голос истинной певицы, которая любит вставлять среди пения неожиданные ремарки прозой для того, чтобы увеличить остроту лиризма».

1917 г.

Марина Цветаева – запись в тетради:

«...Ахматова, не написав ни одной отвлечённо-общественной строчки, глубже всего – через описание пера на шляпе – передаст потомкам свой век... Какой трудный и соблазнительный подарок поэтам – Анна Ахматова!».

1918 г.

Марина Цветаева – запись в тетради:

«Анна Ахматова! Вы когда-нибудь вонзались, как ястреб, в грязную юбку какой-нибудь бабы – летучие вокзальные молочные хвосты – в 6ч. утра – на Богом забытом вокзале, чтобы добыть Вашему сыну – молоко?!».

1918 г.

Поэт, переводчик, критик, литературовед Владислав Ходасевич – из двух статей об Анне Ахматовой:

«У Ахматовой, действительно, «бесславная слава», похожая на моду. Если модниц и модников прогонит она прочь от себя, то эта слава смоеется забвением, воистину «осиянным». Говорю это потому, что люблю Ахматову, а поклонников её не люблю».

«<Песня Ахматовой> «сладостна, слишком доступна для всех, кто не прочь погреться у чужого огня... Потому-то так любят Ахматову томные дамы и фешенебельные юноши...У Ахматовой, действительно, «бесславная слава», похожая на моду.

...Сквозь все несогласия с её (Цветаевой. – Ю.З.) поэтикой и сквозь все досады – люблю Цветаеву».

1921 г.

Поэт и переводчик Константин Бальмонт – в статье в журнале «Современные Записки» (Париж):

«Наряду с Анной Ахматовой, Марина Цветаева занимает в данное время первенствующее место среди русских поэтесс».

1921 г.

Марина Цветаева – в письме Анне Ахматовой от 26 апреля 1921 г.:

«Вы мой самый любимый поэт...».

1921 г.

Анна Ахматова – надпись на книге для Марины Цветаевой:

«Милой Марине Цветаевой моему таинственному другу съ любовью». (правописание и пунктуация Ахматовой – Ю.З.).

1921 г.

Анна Ахматова в письме Марине Цветаевой:

«...Благодарю Вас за добрую память обо мне и иконки».

«То, что Вы пишете о себе, и страшно, и весело.

Желаю Вам и дальше дружбы с Музой и бодрости духа...».

1921 г.

Анна Ахматова в письме Марине Цветаевой:

«...Мечтаю почитать Ваши новые стихи».

1921 г.

Поэт Георгий Иванов – в статье о новых стихах Анны Ахматовой, журнал «Дом искусств», №2, 1921, Петроград:

«Ахматова принадлежит к числу тех немногих поэтов, каждая строчка которых есть драгоценность».

1921 г.

Марина Цветаева – из двух писем Анне Ахматовой:

«Я понимаю каждое Ваше слово: весь полёт, всю тяжесть. “И шпор твоих легонький звон”, это нежнее всего, что сказано о любви».

«На днях буду читать о Вас – в первый раз в жизни: питаю отвращение к докладам, но не могу уступить этой чести другому! Впрочем, всё, что я имею сказать, – осанна!».

1921 г.

Анна Ахматова – в письме Марине Цветаевой:

«...Я не пишу никогда и никому, но Ваше доброе отношение мне бесконечно дорого. Спасибо Вам за него и за посвящение поэмы...».

1921 г.

Поэт, писатель, публицист и общественный деятель Илья Эренбург – в статье «Русская поэзия и революция» (журнал “Signaux de France et de Belgique”, №4, 1921, в переводе на французский язык) сгруппировал, по словам Бориса Фрезинского (статья «Эренбург и Мандельштам», «Вопросы литературы»,

№ 2, 2005), лучших поэтов по их отношению к революции:

«Противники: Цветаева и Бальмонт; сторонники: Брюсов и Маяковский; промежуточная группа: Вяч.Иванов, Мандельштам, Волошин, Ахматова, Пастернак, Блок, Белый и Есенин»

1921 г.

Поэт, писатель, публицист, общественный деятель Илья Эренбург – в письме Е.А.Ляцкому от 1 апреля 1921 г.:

«Я привёз:

...5. Моя книга «Портреты русских поэтов» (Бальмонт, Брюсов, Белый, Блок, В.Иванов, Сологуб, Кузмин, Маяковский, Ахматова, Есенин, Цветаева, Пастернак, Балтрушайтис, Мандельштам). Статьи <и> очерки поэтов-людей, 2–3 листа. Рукопись».

1922 г. (или несколько ранее).

Композитор Артур Лурье, по воспоминаниям поэта и критика Георгия Адамовича, обратился как-то к Ахматовой со следующими словами:

«Вы относитесь к Цветаевой, как Шопен относился к Шуману».

Далее мемуарист поясняет, что «Шуман обожал Шопена, а тот отделивался уклончивыми замечаниями» (см. также ниже: 1967 г. Георгий Адамович, «Мои встречи с Анной Ахматовой». – Ю.З.).

1922 г.

Поэт, издатель, критик Валерий Брюсов – в статье «Вчера, сегодня и завтра русской поэзии» для журнала «Печать и революция» (в статье осуждается творчество Ф.Сологуба, А.Белого, А.Ахматовой, М.Цветаевой, В.Ходасевича):

«Иные, может быть, и пошли вперёд, как творческая индивидуальность и как мастера, но не вышли за грани, очерченные символизмом уже десятилетие назад, не дали ничего самостоятельного ни в содержании, ни в форме. Таковы Марина Цветаева (“Вёрсты”, 1922), В.Ходасевич (“Путём зерна”, 1922) и т.д.»

1922 г.

Поэт, писатель, теоретик символизма Андрей Белый – о сборнике Марины Цветаевой «Разлука» в своём берлинском письме ей:

«Я весь вечер читаю – почти вслух, и – почти распеваю. Давно я не имел такого эстетического наслаждения. А в отношении к мелодике стиха, столь нужной после расхлябанности Москвичей и мертвенности акмеистов, ваша книга п е р в а я (это безусловно)».

1922 г.

Аноним – в рецензии на книгу М.Цветаевой «Вёрсты», возмущившей писателя и поэта Илью Эренбурга (см. его статью «О некоторых критиках», «Новая русская книга», №6, 1922), журнал «Утренники» (ред. Д.А.Лутохин), №2, 1922, Петроград:

«Очень слабый сборник <М.Цветаевой «Вёрсты»> и потому посвящение “Анне Ахматовой” звучит оскорбительно».

1922 г.

Поэт, прозаик, переводчик Борис Пастернак – в письме Марине Цветаевой

от 14 июня 1922:

«Я собираюсь за границу. Непременно захочу Вас видеть иначе, нежели всегда хотел, а хотел и всегда, как хотел бы видеть Ахматову...».

1922 г.

Марина Цветаева – в письме Пастернаку от 29 июня 1922 г., вспоминая их встречу в Москве на похоронах Татьяны Фёдоровны Шлёцер, жены композитора А.Скрябина:

«Потом <Вы> рассказывали об Ахматовой. Я спросила об основной её земной примете. И Вы, вглядываясь:

– Чистота внимания. Она напоминает мне сестру.

Потом Вы меня хвалили...

– Знаете, кому очень понравилась Ваша книга? – Маяковскому».

Это была большая радость: дар всей чужести, побеждённые пространства (времена?)» (слова в последней строке выделены самой Цветаевой. – Ю.З.).

1923 г.

Литературовед Константин Мочульский – в статье «Русские поэтессы. М.Цветаева и А.Ахматова», «Звено» №№ 5, 7, 11, 1923, Париж:

«Марина Цветаева – одна из самых своеобразных фигур в современной поэзии... А рядом – другой образ – другая женщина-поэт – Анна Ахматова. И обе они – столь непостижимо различные – современницы».

«Пафос Цветаевой – Москва, золотые купола, колокольный звон..., и сказка, и песня... Ахматова – петербуржанка; её любовь к родному городу просветлена воздушной скорбью».

«...Цветаева всегда в движении... Она – непоседа. Ахматова – говорит медленно, очень тихим голосом: полулежит неподвижна...».

«Цветаева – вихрь, Ахматова – тишина... Цветаева вся в действии – Ахматова в созерцании...».

«Лирика Ахматовой насквозь элегична – страдальческая любовь, «душная тоска», муки нелюбимой... Поэзия Цветаевой пышет здоровьем, налита знойной молодой кровью, солнечна, чувственна...».

«Искусство Ахматовой – благородно и закончено. Её стихи совершенны в своей простоте и тончайшем изяществе. Поэт одарён изумительным чувством меры и безукоризненным вкусом... Цветаева... всё ещё не может отыскать

себя... Мечется между Брюсовым и Блоком, не избегает влияния А.Белого и Маяковского, впадает в крайности народного жанра и частушечного стиля. У неё много темперамента, но вкус её сомнителен, а чувства меры нет совсем... И всё же... голос её не забывается».

1923г.

Поэт и писатель Андрей Белый – в статье «О “России” в России и о “России” в Берлине», «Беседа», №1, 1923:

«Скажу откровенно: таланты и продолжались, и рождались лишь там <в России>: там творил Сологуб, рос Замятин, рождались Серапионовы братья, явился: Всеволод Иванов, Пильняк; Ходасевич сказался большущим поэтом, сказалась Марина Цветаева; творчески жили: и Гумилёв, и Ахматова...».

1924 г.

Политик Лев Троцкий – в статье «Внеоктябрьская литература»:

«Лирический круг Ахматовой, Цветаевой, Радловой и иных действительных и приблизительных поэтесс очень мал. Он охватывает самую поэтессу, неизвестного, в котелке или со шпорами, и непременно бога – без особых примет...».

1924 г.

Критик Е.А.Зноско-Боровский – в статье «Заметки о русской поэзии». «Воля России». 1924. №3:

«Что Анна Ахматова – “колдунья из логова Змиева” (Гумилёв. – Ю.З.), это мы знаем давно; но когда читаешь эти, обращённые к ней стихи (“Кем полосынька твоя...”, Цветаева, 1921. – ЮЗ..), она кажется простой, наивной и не-лукавой рядом с Мариной Цветаевой, которой знакомы все заклятья, покорны все зелья».

1924 г.

Советский критик Г.Лелевич – в статье «1923 год. Литературные итоги. Бесплодная смоковница», Москва, «На посту», № 1(5), 1924 (текст даётся в изложении Галины Ванечковой. Летопись бытия и быта Марины Цветаевой в Чехии. 1922–1925., Национальная библиотека Чешской республики и Дом-музей Марины Цветаевой. Прага-Москва. 2006. – Ю.З.):

«Автор утверждает, что в “буржуазно-дворянской” литературе меньшего внимания заслуживает А.Ахматова, большего – М.Цветаева. Но Цветаева – “целиком эмигрантка”, её книга «Ремесло, – “зловещая эмигрантская книга”, и сердца читателей-трудящихся не могут “ответно забиться”, читая её».

1924 г.

Марина Цветаева – в письме Пастернаку, <июль 1924 г.>:

1920-е годы

Середина 1920-х годов

1925

«То, от чего так неу<мело>, так по–детски, по–женски страдала Ахматова>..., мною перешагнуто».

1925 г.

Борис Пастернак – в письме М.Цветаевой от 1 июля 1925 г.:

«Не говоря уже о Маяковском, о живых ещё, по счастью, Соллогубе и Ахматовой, я Мандельштама и Асеева ставлю Выше как поэтов. Но не в этом дело. Я был бы рад делить поэтический уровень только с Вами».

1925 г.

Поэт и критик Георгий Адамович в статье «Литературные беседы», «Звено», №129, 20 июля 1925 г.:

«Конечно, шириной, размахом, диапазоном голоса Цветаева значительно превосходит Анну Ахматову. Если же мы, не задумываясь, отдадим “пальму первенства” Ахматовой, то только потому, что стихи – не песня, и поэзия всё-таки не музыка».

1925 г.

Анна Ахматова – в дарственной надписи на поэме «У синего моря»:

1925 г.

Марина Цветаева – в письме Борису Пастернаку, 20–22 марта 1925 г.:

«Б.П., Вы посвящаете свои вещи чужим – <Михаилу> Кузмину и другим, наверное. А мне, Борис, ни строки. Впрочем, это моя судьба: я всегда получала меньше, чем давала: от Блока – ни строки, от Ахматовой – телефонный звонок, который не дошёл...».

1926 г.

Марина Цветаева – в письме Борису Пастернаку, около 27 марта 1926 г.:

«Борис. А пока вы с Ахматовой говорили обо мне в Москве, я в Лондоне говорила с эстрады тебя и Ахматову. Последовательность: Ахматова, Гумилёв, Блок – Мандельштам, Есенин, Пастернак, я... Слушали изумлённо и – благоговейно... Вроде откровения. Невинно. Трогательно».

1926 г.

Марина Цветаева – в письме Борису Пастернаку, около 28 апреля:

«Ахматова в 1914, кажется, году написала и напечатала

Отними и ребёнка и друга

И таинственный песенный дар.

Я всегда (и тогда и сейчас) читала эти строки с содроганием. На что – ре-

шилась! Что на себя взяла! (Гумилёв – следствие).

Я бы не только не написала этих строк, я бы их не подумала, а если бы нечаянно подумала, то с содроганием откестилась бы и отплюнулась».

1926 г.

Борис Пастернак – в письме Марине Цветаевой от 3 апреля:

«Писать о тебе будет Д.С.Усов, тебя очень любящий. Он и обо мне пишет, и о Блоке, и об Ахматовой...»

1926 г.

Борис Пастернак – в письме Марине Цветаевой от 20 апреля:

«Мне понабило написать Волошину и Ахматовой. Два запечатанных конверта скоро легли в сторону. Меня потянуло поговорить с тобой, и тут я измерил разницу. Точно ветер пробежал по волосам».

АА. 1921–1922.

Фото М. Наппельбаума. СПб.

В музейной коллекции автора хранится экземпляр такой фотографии (дарение Л.Егоровой), на обороте которой рукой Анны Ахматовой написаны слова, обращённые к поклоннице из Америки: «Галине Васильевне на берегах Невы на память об А.Ахматовой. 3 апр.1963».

МЦ. 1925.

Фото П. Шумова. Париж.

1926 г.

Борис Пастернак – в письме Марине Цветаевой от 11 июля:

«Тихонову очень понравился <твой> Крысолов. Потом я ему дал П<озму>Конца. Он в восторге. Он сказал, что после Ахматовой это первый серьёзный большой голос в поэзии».

1926 г.

Критик Н.В.Яковлев – в рецензии («Речь», Берлин, 1926) на книгу Е.Ф.Никитиной «Русская литература от символизма до наших дней: Литературно-социологический семинарий» (Москва, 1926). Цитируется Романом Тименчиком в статье «"Записные книжки" Анны Ахматовой», «Эткиндовские чтения II–III», Санкт-Петербург, 2006:

«...Ходасевичу, Ахматовой и Цветаевой в этой книге уделено недостаточно внимания».

1926 г.

Марина Цветаева – в письме Анне Ахматовой от ноября 1926 г.:

«Целую и люблю – вот уже 10 лет (лето 1916 года, Александровская слобода, на войну уходил эшелон)».

1928 г.

Поэт и критик Георгий Адамович – в статье «После России (Новые стихи Марины Цветаевой)», «Последние новости», № 2493:

«Обманчиво-тяжёлую словесность её дальше одухотворять невозможно – всё уже достигнуто. Поэтому сейчас, непосредственно, вот в данную минуту, Цветаева кажется "поэтичнее" Пастернака. Но, конечно, её поэзия – цветок быстро вянувший. По сравнению не только с Пастернаком, но и со стихами умной и ясновидящей Ахматовой».

1928 г.

Поэт Владимир Маяковский – в ответе на записку во время выступления в Харьковском театре: «Как вы относитесь к поэзии Ахматовой и Цветаевой? Кто вам больше нравится?» (кинофильм «Личное дело Анны Ахматовой», «Ленфильм», 1989, авторы сценария Семён Аронович и Елена Игнатова):

«Ахматова, Цветаева? Обе дамы. Одного поля».

1929 г.

Борис Пастернак – в письме Анне Ахматовой:

«Я хочу написать стихотворенье Марине, Вам, Мейерхольдам...».

В. Маяковский: «Обе дамы»:

АА. Конец 1920-х годов

МЦ. 1928

Кольцо и перчатки АА

Украшения МЦ

АА. Розовое (слева) и тёмно-синие платья. Представлено на выставке в Киеве, 2008.

Образцы платьев

МЦ. Синее платье. Архив ДМЦ в Москве.

ХРОНИКА СОПОСТАВЛЕНИЯ АА И МЦ

ЧАСТЬ 2. 1936, 1940-1945гг

1940 г.

1936 г.

Марина Цветаева – в очерке «Нездешний вечер» (журнал «Современные записки», Париж, 1936, № 61):

«...Последовавшими за моим петербургским приездом стихами о Москве я обязана Ахматовой, своей любви к ней, своему желанию ей подарить что-то вечнее любви, то подарить – что вечнее любви».

«...Соревнование, в каком-то смысле у меня с Ахматовой было, но не “сделать лучше неё”, а – лучше нельзя, и это лучше нельзя – положить к ногам. Соревнование? Рвение. Знаю, что Ахматова потом в 1916–17 году с моими рукописными стихами к ней не расставалась и до того доносила их в сумочке, что одни складки и трещины остались. Этот рассказ Осипа Мандельштама – одна из самых моих больших радостей за жизнь».

«...Одни душу продают – за розовые щеки, другие душу отдают – за небесные звуки. И – все заплатили... Гумилев – жизнью, Есенин – жизнью, Кузмин, Ахматова, я – пожизненным заключением в самих себе, в этой крепости – вернее Петропавловской ».

1936 г.

С.Риттенберг – в статье, опубликованной, по данным Л.Мнухина (Лев Мнухин. «Итоги и истоки. Избранные статьи». Болшево. Московская область. Мемориальный дом-музей Марины Цветаевой в Болшеве, 2008), в «Журнале содружества». Выборг. №8, 1936:

«Кто, кроме Цветаевой, мог бы с такой остротой передать и внутреннюю простоту за внешним, кажущимся жеманством Кузмина – одного из самых непосредственных лириков, – и восторг, который вызывала Ахматова...».

1940 г.

Марина Цветаева – запись в тетради:

«Да, вчера прочла – перечла – почти всю книгу Ахматовой <«Из шести книг»> и – старо, слабо. Часто (плохая примета) совсем слабые концы, сходящие (и сводящие) на нет...».

1940 г.

Искусствовед и коллекционер Николай Харджиев о второй и последней встрече Цветаевой и Ахматовой в 1940 г. у него в Москве – в книге Э.Бабаева «Воспоминания», СПб., 2000:

«...Я (Н.И.Харджиев. – Ю.З.) подумал: до чего чужды они друг другу, чужды и несовместимы.

АА. 1936

МЦ. 1935.

Когда Цветаева... ушла, Ахматова сказала:

– В сравнении с ней я тёлка.

Я рассмеялся:

– Но у вас есть одно преимущество, которого нет у Цветаевой. Ваши стихи совсем не виртуозны...».

1941 г.

Писательница Лидия Чуковская – в книге «Записки об Анне Ахматовой» в трёх томах. Том первый, Москва, Согласие, 1997:

« Анна Андреевна расспрашивает меня о Цветаевой...Опять много рассказывала о “злом озорстве” Марины. Биография Цветаевой чрезвычайно занимает её...

Опять говорила о Цветаевой...»

(Кстати, в этих трёхтомных «Записках» Лидии Чуковской, Москва. 1997, представлено по крайней мере 48 ахматовских упоминаний имени Марины Цветаевой, в том числе, по годам: 1939 – 1, 1940 – 3, 1941 – 3, 1942 – 7, 1955 – 1, 1956 – 4, 1957 – 3, 1959 – 5, 1960 – 6, 1962 – 7, 1963 – 5, 1964 – 2, 1965 – 1, а в «Записных книжках Анны Ахматовой (1958–1966)», Российский государственный архив литературы и искусства, Москва – Torino, 1996, Giulio Einaudi editore, – насчитывается 58 упоминаний. – Ю.З.).

1942г.

Анна Ахматова о себе в разговоре с писательницей Лидией Чуковской – в книге

Ахматова

Цветаева

1940 год

«Записки об Анне Ахматовой» в трёх томах. Том первый, Москва, Согласие, 1997:

«Я – лошадь, на которую они все (Эфрос, Шервинский, Липскеров и “другие эстеты”. – Ю.З.) ставили в противовес Хлебникову, Маяковскому, Цветаевой и другим».

1942–1943 гг.

Анна Ахматова о Марине Цветаевой в разговорах в Ташкенте с поэтом, писателем, литературоведом Эдуардом Бабаевым – в его эссе «На улице Жуковской...», «Литературное обозрение», № 7, 1985:

«Марина Цветаева много обо мне думала. Наверно, я ей очень мешала».

1942 г.

Георгий Эфрон (Мур) об Ахматовой и о своей матери Марине Цветаевой – в письме из Ташкента к сестре Ариадне Эфрон в лагерь, 7 сентября 1942 г.:

«Несколько слов об Ахматовой. Она живёт припеваючи, её все холят, она окружена почитателями и почитательницами, официально опекается и пользуется всякими льготами. Подчас мне завидно – за маму. Она бы тоже могла быть в таком «ореоле людей», жить в пуховниках и болтать о пустяках. Я говорю: могла бы. Но она этого не сделала, ибо никогда не была “богиней”, сфинксом, каким является Ахматова. Она не была способна вот так просто, сидеть и слушать источаемый ртами мёд и пить улыбки. Она была прежде всего человек и человек страстный, неспособный на бездействие, бесстрастный, неспособный отмалчиваться, отсиживать, отлёживаться, как это делает Ахматова. Марина Ивановна всегда хотела деятельности, работы, она была энергичным, боевым существом. Последние её стихотворения говорят – о смешное выражение, применяемо к ней! – о творческом росте. А последние военные стихи Ахматовой – просто слабы, последняя её поэма – “1913 год” – сюрреализм. Ахматова остановилась раз и навсегда на одной эпохе; она умерла – и умерла более глубоко, чем мама...».

1945 г.

Анна Ахматова о Марине Цветаевой в ленинградской беседе с английским либеральным мыслителем оксфордской философской школы, социологом и литературоведом Исaiем Берлиным – в его очерке «Встречи с русскими писателями», «Slavica Hierosolymitana», 1981; «Personal Impressions». Oxford University Press, 1982; Анатолий Найман «Рассказы о Анне Ахматовой», Москва, ХЛ, 1989; «Воспоминания об Анне Ахматовой», СП, 1991: «Марина – поэт лучше, чем я».

АА. Ташкент. 1942.

МЦ. Москва. 1941

ХРОНИКА СОПОСТАВЛЕНИЯ АА И МЦ

ЧАСТЬ 3. 1956-1966гг

Анна Ахматова
Фотография 1956 года

Марина Цветаева
Рис. А.Эфрон начала 1930-х годов

1957 г.

Писатель Варлам Шаламов – по информации осведомителя госбезопасности, приведённой в публикации следственного дела (журнал «Знамя», 2001, №6):

«Это неважно, что не печатают хороших стихов. Их будут печатать и петь. Всё, что написано кровью сердца, зазвучит. Есенин уже зазвучал...Начинает звучать большой поэт Блок...Зазвучит М.Цветаева. Об Ахматовой я не говорю, потому что она уже стара...».

1957 г.

Партийный критик Александр Дымшиц в «Литературной газете» от 22 мая: «Сейчас снова поднимают Цветаеву. Что же тогда делать с Ахматовой? Ведь в сравнении с Цветаевой Ахматова неизмеримо выше. Цветаева – явление крошечное...».

1957 г.

Поэт и советский литературный «генерал» Алексей Сурков – в «Литературной газете», 1957, 22 мая:

«Мы издали собрание сочинений Ивана Бунина...Будет напечатана книга Марины Цветаевой. Нормально и естественно переиздание стихов Бориса Пастернака или Анны Ахматовой...».

1957 г.

Анна Ахматова – в разговоре с дочерью М.Цветаевой Ариадной Эфрон (запись А.Эфрон 1957 года (Ариадна Эфрон «О Марине Цветаевой: Воспоминания дочери», М.: СП, 1989):

«Я (Ахматова. – Ю.З.) знаю, существует легенда о том, что она покончила с собой, якобы заболев душевно, в минуту душевной депрессии – не верьте этому. Её убило то время, нас оно убило, как оно убивало многих, как оно убивало и меня».

1958 г.

Критик Виктор Панков – в статье «Главный герой» (журнал «Знамя», 1958, №5):

«Неумеренно завышенные оценки, особенно попытки противопоставить одних поэтов другим. Путают критерии и вредят самим авторам. Когда творчество Анны Ахматовой или, например, М.Цветаевой рассматривается без претензий сделать их «знаменем», в верном соотношении с действительностью, с развитием советской поэзии, рассматривается исторично, объективно, тогда правильно определяется роль, значение, место каждого из писателей».

1958 г.

Литературовед Владимир Щербина – в статье «Ответ фальсификаторам» (журнал «Коммунист», 1958, № 11):

«В изображении буржуазного литературоведения центральными, наиболее значительными фигурами оказываются О.Мандельштам, Б.Пастернак, А.Ахматова, А.Белый, М.Цветаева, А.Мариенгоф».

1958 г.

Писательница Лидия Чуковская – в книге «Записки об Анне Ахматовой» в трёх томах. Том второй, Москва, Согласие, 1997:

«Я прочитала ей (Ахматовой. – Ю.З.) отрывок (он ходит по рукам в машинописи) из цветаевской прозы “Нездешний вечер”. На ту страницу, где рассказывается, как Ахматова носила в сумочке цветаевские стихи, ей посвящённые, и всем их без конца читала, измывая их чуть не до дыр, Анна Андреевна отзывалась восклицанием, отчётливым и гневным:

– Этого никогда не было. Ни её стихов у меня в сумочке, ни трещин и складок».

1959 г.

Анна Ахматова о Марине Цветаевой в разговоре с филологом Вяч.Вс.Ивановым о болгарских и югославских поэтессах – в его эссе «Беседы с Анной Ахматовой», «Воспоминания об Анне Ахматовой», СП, 1991:

«Наша Марина была не такая. Она была москвичка начала века. Декадентка”. Эти слова были произнесены с интонацией явной похвалы: вот, мол, какая она была, не чета вам!».

«Две музы». Рисунок Л.Варламовой. Публикуется впервые.

1959 г.

Анна Ахматова записывает о встречах с Мариной Цветаевой в 1941 г. в Москве: «Страшно подумать, как бы описала эти встречи сама Марина, если бы она осталась жива, а я бы умерла 31 августа 1941 года».

1962 г.

Анна Ахматова о Марине Цветаевой в разговоре с писательницей Лидией Чуковской – в её книге «Записки об Анне Ахматовой» в трёх томах. Том второй, Москва, Согласие, 1997:

«...Незачем сопоставлять меня и Марину. Это неплототворно» (см. также ниже воспоминания Льва Озерова в 1996 гг.—Ю.З.).

1962 г.

Писатель, редактор и журналист Андрей Седых – в очерке «Бальмонт» в книге «Далекие, близкие. Воспоминания». Москва, Захаров, 2003:

« <Бальмонт> охотно декламировал Есенина, Ахматову, Цветаеву».

1962 г.

Журналист Д.Бург – в статье «"Холодная война" на внутрилитературном фронте». «Социалистический вестник». 1962. №5–6:

«О круге московского университета в 1952–1954 гг. см. воспоминания очевидца: "...по рукам продолжали ходить списки: Пастернака, Цветаевой, Ахматовой..."».

1962 г.

Поэт и переводчик Мария Петровых – в стихотворении «Ахматовой и Пастернака, Цветаевой и Мандельштама неразлучимы имена...»:

**«Ахматовой и Пастернака,
Цветаевой и Мандельштама
Неразлучимы имена.
Четыре путеводных знака –
Их горний свет горит упрямо,
Их связь таинственно ясна.
Неугасимое созвездье!
Навеки врозь, навеки вместе.
Звезда в ответе за звезду.
Для нас четырёхзначность эта –
Как бы четыре края света,
Четыре времени в году.
Их правотой наш век отмечен.**

**Здесь крыть, как говорится, нечем
Вам, нагоняющие страх.
Семья, где две сестры, два брата,
Изба о четырёх углах...».**

1963 г.

Анна Ахматова, вспоминая о встрече с Мариной Цветаевой в 1941 г. в Москве, «Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966)», Москва–Torino, 1996:

«...Она вернулась в свою Москву такой королевой и уже навсегда...».

«Когда в июне 1941 года я прочла М.Цветаевой кусок поэмы (первый набросок)

["Поэмы без героя". – Ю.З], она довольно язвительно сказала: "Надо обладать большой смелостью, чтобы в 41 году писать об арлекинах, коломбинах и пьеро

1963 г.

Переводчица и редактор Ника Глен – в дневниковой записи, «Воспоминания об Анне Ахматовой», Москва, СП, 1991:

«Она считает себя более значительным поэтом, чем Пастернак и Цветаева. Ревнует к их славе и за гробом».

В этом московском доме по Большой Ордынке, 17, у Ардовых, встретились в 1941 году Ахматова и Цветаева. Вид со двора. Справа памятник Ахматовой.

Комната Алексея Баталова с окном во двор, где обычно располагалась Ахматова, останавливаясь у Ардовых, и где состоялась её беседа с Мариной Цветаевой.

1963 г.

Писательница Лидия Чуковская – в книге «Записки об Анне Ахматовой» в трёх томах. Том третий, Москва, Согласие, 1997, запись от 22 февраля 1963:

«Анна Андреевна... прочитала пять стихотворений памяти Марины Цветаевой. Автор Арсений Тарковский... Особенно понравилась <присутствующим> “Стирка белья”... Жаль, Анна Андреевна как раз “Стирку белья” не одобрила».

1963 г.

Ленинградский прозаик Давид Дар (1910–1980) – в частном разговоре с Александром Твардовским (свидетельство литературоведа и редактора Владимира Лакшина в книге «“Новый мир” во времена Хрущёва. Дневники и попутное (1953–1964)» М., 1991):

«Слушайте, я выражаю мнение народа, а народ говорит, что Твардовский пишет всё лучше и лучше и временами приближается к поэзии Ахматовой и Цветаевой».

1964 г.

Парижский социолог Benno R. – в докладе на симпозиуме “The Political Aspect” // Soviet Literature in the Sixties. An International Symposium. New York; London, 1964 :

«Мандельштам и Цветаева, самые значительные из влияний сегодня, явились открытием только последних двух–трёх лет. Ахматова и Хлебников – фигуры более отдалённые и экзотические...».

1965 г.

Переводчица и редактор Ника Глен – в дневниковой записи, «Воспоминания об Анне Ахматовой», Москва, СП, 1991:

«Вспоминали Марину Цветаеву, которую Анна Андреевна видала в 1941 году перед войной. Анна Андреевна её, конечно, не очень любит, а стихи принимает в самых гомеопатических дозах. В Москве Марина была в полубезумном состоянии (перед их встречей арестованы были у неё муж и дочь). Очень привязалась она к Анне Андреевне, очень тянулась к ней в своей растерянности...».

1965 г.

Писатель и редактор Марк Слоним, друг Марины Цветаевой, – в статье «На литературные темы. Об одном сборнике стихов». Газета «Новое русское слово». 1965. 6 июня. Нью-Йорк:

«Почти все хорошо написанные стихи не только движутся под знаком Пастернака, Цветаевой, Заболоцкого, но и возвращаются к Мандельштаму и

ранней Ахматовой. Тут снова подтверждается тайный закон жизненных циклов: деда оказываются ближе детям, чем отцы».

1965 г.

Редактор Владимир Орлов – во вступительной статье к книге «Марина Цветаева. Избранные произведения». Библиотека поэта. Большая серия. Второе издание. Советский писатель. Москва–Ленинград. 1965:

«...Любовная лирика <Марины Цветаевой>, как и вся её поэзия, громогласна, широкомасштабна, гиперболична, неистова:

**“Где бы ты ни был – тебя настигну,
Выстрадаю – и верну назад.**

**Ибо с гордыни своей, как с кедра,
Мир озираю: плывут суда,
Зарева рыщут... Морские недра
Выволочу – и верну со дна!**

**Перестрадай же меня! Я всюду:
Зори и руды я, хлеб и вздох,
Есмь я и буду я, и добуду
Губы – как душу добудет бог...”**

Такие стихи резко противоречили всем традициям женской любовной лирики, в частности – поэзии цветаевской современницы Анны Ахматовой. Трудно представить себе бóльшую противоположность, – даже когда они пишут об одном и том же, например – о разлуке с любимым. Где у Ахматовой камерность, строгая гармония, как правило – тихая речь, почти молитвенный шёпот, там у Цветаевой обращённость ко всему миру, резкие нарушения привычной гармонии, патетические восклицания, крик, «воплé вспоротого нутра»».

До 1966 г.

Анна Ахматова о Марине Цветаевой – в разговоре с Иосифом Бродским, Бродский и Цветаева: Интервью, эссе. М.: «Независимая газета», 1998):

«Марина часто начинает стихотворение с верхнего до».

1966 г.

Поэтесса и переводчица Елизавета Тароховская (сестра поэтессы С.Я.Парнок) – в заметке «Первая встреча с М.Цветаевой», «Марина Цветаева в воспоминаниях современников: Рождение поэта», Москва, Аграф, 2002:

«Когда я вспоминаю покойную Марину Цветаеву и недавно умершую Анну Ахматову, тоже значительную поэтессу, то первая (то есть Марина) кажется мне яркой молнией, а вторая тихой лампадой, и их обеих, лучших русских поэтесс, травили и довели до гибели. А обе они были настоящими патриотками».

1966 г.

Поэт Павел Антокольский – запись в дневнике:

«Анна Андреевна для него (для поэта Александра Межирова. – Ю.З.) несравненно выше Марины <Цветаевой>, в которой он видит плохо управляемый темперамент и полное отсутствие мировоззрения».

1966 г.

Поэт Павел Антокольский – в статье «Книга Марины Цветаевой» (статья писалась в марте 1966 г. и опубликована в том же году в журнале «Новый мир». – Ю.З.):

«...Ушла из жизни Анна Андреевна Ахматова, старшая современница Марины Цветаевой, пережившая её на двадцать пять лет.

В читательской памяти и признательности обе стоят рядом – каждая по-своему проделавшая труднейший жизненный и творческий путь, каждая по-своему отразившая целую эпоху народной жизни, – две самых значительных женских фигуры в нашей поэзии.

Сопоставить их – задача неизбежная.

Так или иначе, в том или другом аспекте, она возникает перед каждым, кто искренне и глубоко вдумывается в судьбы нашей литературы, в их сегодняшний и завтрашний день...».

«И для Марины Цветаевой, и для Анны Ахматовой наступила история. Они встретились и протянули друг другу руки – в грозном и торжественном родстве бессмертия».

1966 г.

Поэт, эссеист, редактор и литературный критик Георгий Адамович – в беседе с парижским цветаеведом проф. Вероникой Лосской (опубликовано в её книге «Марина Цветаева в жизни: Неизданные воспоминания современников», Нью-Йорк, «Эрмитаж», 1989):

«...Ахматова была слегка к ней холодна, она вообще не любила поэтесс...

У Цветаевой дарование не меньше, чем у Ахматовой. У неё был свой голос...».

Б.Ахмадулина, 1966: «Елабуга ластится раем». МЦ. Фото Э.Валеева.

1966 г.

Искусствовед, филолог, критик, профессор Владимир Вейдле – в статье «Умерла Ахматова», 1966 (опубликовано в книге «О поэтах и поэзии», Paris, YMCA-PRESS, 1973):

«<Ахматовой> пришлось выслушивать окрики невежд... Пришлось, молчать, – и вообще молчать, когда замучен был Мандельштам, когда повесилась Цветаева».

<1966 г.>

Поэтесса Белла Ахмадулина – в стихотворении «Четверть века, Марина, тому...», Сборник «Посвящается Ахматовой. Стихи разных поэтов, посвященные Ахматовой», Составление П.Дэвидсон и И.Тласти, Эрмитаж (Hemitage Publishers, N.J., USA), 1991:

Б.Ахмадулина, 1966: «Царскосельских садов дерева». АА. Фото М.Величко

*«Четверть века, Марина, тому,
как Елабуга ластится раем
к отдохнувшему лбу твоему,
но и рай ему мал и неравен.*

*Неужели к всеведенью мук,
Что тебе удалось как удача,
Я добавлю бесформенный звук
Дважды мною пропетого плача?*

*Две бессмыслицы – мёртв и мертва,
две пустынности, два ударенья –
царскосельских садов дерева,
переделкинских рощиц деревьев.*

*И усилием двух этих кончин
так исчерпана будущность слова.
Не осталось ни уст, ни причин,
чтобы нам затевать его снова.*

*Впрочем, в этой утрате суда
есть свобода и есть безмятежность:
перед кем пламенеть от стыда,
оскорбляя страниц белоснежность?*

*Как любила! Возможно ли злей?
Без прощенья, без обещанья
Имена их любовью твоей
Были сосланы в даль обожанья.*

*Среди всех твоих бед и плетей
только два тебе есть утешенья:
что не знала двух этих смертей
и воспела два этих рожденья».*

ХРОНИКА СОПОСТАВЛЕНИЯ АА И МЦ

ЧАСТЬ 4. 1967-1984гг

Комарово.
Могила Анны Ахматовой,
умерла в 1966 году.

Елабуга. Мемориальная могила
Марины Цветаевой,
умерла в 1941 году

1967 г.

Поэтесса и переводчик Мария Петровых – в стихотворении «Ни ахматовской кротости...»:

«Ни ахматовской кротости,/ Ни цветаевской ярости – / Поначалу от робости,/ А позднее от старости...»

1967 г.

Поэтесса, писательница, переводчица Ирина Одоевцева – в книге «На берегах Невы», Victor Kamkin Inc., Washington D.C., 1967:

«И вдруг я, как сквозь сон, вспоминаю, что когда-то совсем такой же теплой, летней, лунной ночью я много лет тому назад шла рядом с Анной Ахматовой по пустым, спящим улицам Петербурга – в первый и в последний раз в жизни... Совсем так, как сейчас иду с Мариной Цветаевой. Да, совсем так – в первый и последний раз в жизни».

«Но тогда уезжала не Ахматова, а я – уезжала, полная радостных надежд. А теперь уезжаю не я, а Марина Цветаева, уезжает в безнадежной бездонной тоске».

1967 г.

Поэт и литературный критик Георгий Адамович – в статье «Мои встречи с Анной Ахматовой», «Воздушные пути», Вып.5, 1967, Нью-Йорк:

«Меня интересовало отношение Ахматовой к Марине Цветаевой. В далёкие петербургские времена она отзывалась о ней холодно, вызвав даже однажды недовольное восклицание <её друга композитора> Артура Лурье (см.1922г.):

– Вы относитесь к Цветаевой, как Шопен относился к Шуману.

Шуман боготворил Шопена, а тот отделялся вежливыми, уклончивыми замечаниями. Цветаева по отношению к “златоустой Анне всея Руси” была Шуманом».

«Поэтов нельзя сравнивать: это верно. Каждый сам по себе, как в природе: тополь, дуб, ландыш, репейник, папортник, – всё живёт по-своему, и нет никаких “лучше” и “хуже”. Но это в теории, а на практике, пока стоит мир, люди сравнивать будут, пусть и сознавая, что сравнения никуда не ведут».

1967 г.

Поэт и литературный критик Георгий Адамович – в книге «Комментарии», Вашингтон, Victor Kamkin, 1967:

«...Цветаева была москвичкой, с вызовом петербургскому стилю в каждом движении и каждом слове: настроить нашу «ноту» в лад ей было невозможно иначе, как исказив её... Цветаева была несомненно очень умна...».

1967 г.

Художница, переводчик, педагог, мемуаристка Надежда Яковлевна Мандельштам, вдова поэта О.Мандельштама, – в рукописи первоначального варианта книги воспоминаний, «Воспоминания об Анне Ахматовой», СП, 1991:

«...Мне кажется, что у неё (у Марины Цветаевой. – Ю.З.) была душевная щедрость и бескорыстие, равных которым нет... Она из тех русских женщин, которые рвутся к подвигу... А.А. не великорусской, а южнорусской, да ещё петербургской породы. В ней больше самопоглощённости и несравненно меньше самоотдачи, чем в Марине».

1967 г.

«Петербургская красавица» времён Серебряного века С.Н.Андроникова-Гальперн – в письме дочери Марины Цветаевой Ариадне Эфрон от 19 мая 1967 года:

«Когда Анна Ахматова была здесь, летом 1965 г., мы с ней беседовали о Марине (кстати, говорила Исая Берлину, что Марина “больше поэт, чем она”). Она мне рассказала, что из прозы Марины она любит более всего то, что она писала о музыке: “Это превосходно”, – сказала она».

1967 – 1981 годы (предположительно)

Надежда Яковлевна Мандельштам – в воспоминаниях об Ахматовой (по машинописи, не предназначенной при жизни автора к публикации): 1.Журнал «Литературная учёба», №3, 1989 (публикация П.М.Нерлера, в сокращении; 2 «Воспоминания об Анне Ахматовой», СП, 1991; 3. Первая книжная и полная публикация этих воспоминаний: Надежда Яковлевна Мандельштам, «Третья книга», издание подготовил Ю.Л.Фрейдин, Москва, Аграф, 2006 – «первое отечественное издание»; 4. «Первое научное издание»: Надежда Яковлевна Мандельштам. ОБ АХМАТОВОЙ, составитель Павел Нерлер, Москва, «Новое издательство», 2007 :

«В юности до всяких катастроф она (Ахматова. – Ю.З.) уже называла себя брошенной и говорила о печальной женской судьбе. И у Марины есть эта тема: “всегда бросали”».

«Две женщины, кроме меня, поняли, что такое О.М.(Осип Мандельштам. – Ю.З.). Одна из них пошла другим путём, а потом повесилась, испытав весь ужас жизни, а про другую я сейчас расскажу».

«Из современников он (Осип Мандельштам. – Ю.З.) ценил и следил за работой Пастернака, меньше Маяковского – очень огорчался саморастратой Маяковского на агитки, а ещё Цветаеву, Клюева, не говоря уже об А.А.<Ахматовой>».

Он действительно как-то сказал, что он «антицветаевец», но это относилось к методу Марины: игра с корнями фонетически схожих слов, повторы, долбление слов, но саму Марину любил и удивлялся ей».

«А.А.<Ахматова> говорила про Марину<Цветаеву>, что самое главное в ней сила: такой силы, как у неё, не было ни у одного русского поэта».

«Марина в своих стихах отказалась от женского начала – как поэт силы, она предельно активна. А.А. сохраняет пассивную женскую природу, и в сострадании она, как женщина, находит свой глубокий голос: “кто женщину эту оплакивать будет?”».

«Символизм с его практикой и теорией восстановил против себя и трёх объединившихся акмеистов < – Ахматову, Гумилёва, Мандельштама в Питере>, Хлебникова, и Пастернака, и Цветаеву в Москве».

1969 г.

Писательница, переводчица, литературовед и художница Ариадна Эфрон, дочь Марины Цветаевой, – в письме писательнице Наталье Ильиной:

«...М.Ц. была безмерна, А.А. – гармонична; отсюда разница их (творческого) отношения друг к другу. Безмерность одной принимала (и любила) гармоничность другой, ну, а гармоничность не способна воспринимать безмерность: это ведь немножко *if faut* с точки зрения гармонии».

1970 г.

Надежда Яковлевна Мандельштам – в статье «Старые друзья», «Воспоминания о Марине Цветаевой», Москва, СП, 1992:

«И Ахматова и Цветаева – великие ревнивицы, настоящие и блистательные женщины...».

Москва начала XX века

Площадь «Охотный ряд».

Вид на Храм Христа Спасителя со стороны Москва-реки

«...Я клянусь себя, что наговорила слишком мало диких слов и не была ни чересчур щедрой, ни вполне свободной, как Цветаева, Мандельштам и Ахматова».

«...С одним Петербургом, без Москвы, нет вольного дыхания, нет настоящего чувства России, нет нравственной свободы...».

1970 г.

Мемуарист, переводчик, педагог, языковед, художница Надежда Яковлевна Мандельштам, вдова поэта О.Мандельштама, – в книге «Воспоминания», Издательство имени Чехова,

Нью-Йорк, 1970:

«Москва от рождения принадлежала Пастернаку...Марина Цветаева тоже пришла в Москву законной наследницей и соответственно была принята... Совсем иначе приняли акмеистов – Ахматову, Гумилёва и Мандельштама. Они несли с собой что-то, вызывающие глухую ярость в обеих лагерях литературы. Их враждебно встретили и Вячеслав Иванов со всем своим окружением и горьковский круг».

1970 г.

Писатель Виктор Ардов – в статье «Встреча Анны Ахматовой с Мариной Цветаевой», «Грани», № 4, 1970:

«Ахматова высоко ценило поэтический дар Цветаевой, столь далекий от её собственного таланта. Не со всем Ахматова была согласна в творчестве своей современницы, но это – естественно. Важно, что о Цветаевой Анна Андреевна говорила, как о явлении значительном».

«Волнение было написано на лицах обеих моих гостей. Они встретились без пошлой процедуры “знакомства”. Не было сказано ни “очень приятно”, ни “так вот Вы какая”. Просто пожали друг другу руки...».

Когда Цветаева уходила, Анна Андреевна перекрестила её».

1970 г.

Литературный критик Марк Слоним – в статье «О Марине Цветаевой», написанной в Женеве для журнала «Новый журнал», № 100, 1970, Нью-Йорк:

«...Я считал её большим и исключительным поэтом, наравне с Пастернаком, Маяковским, Мандельштамом и Ахматовой...».

1970 г.

Ариадна Эфрон, дочь Марины Цветаевой, – в письме одному из своих корреспондентов-цветаевцев (цитата приводится по статье Аиды Злотниковой, см. 2001 г. данной хроники):

«...Не по мне и не по ней (по М.Цветаевой. – Ю.З.)! – в Вашем письме, это – слово, да и само понятие «красота», применительно к её творчеству, к её сути, к ней самой. Красота мне кажется понятием статистическим, неким гармоническим результатом многих слагаемых, а дело в том, что в Цветаевой никакой статики, да, пожалуй, и гармонии: всё это Ахматова, а не Цветаева. Тут в (М.Ц.) не красота – тут сила, движение “мускул крыла...”».

1970 (1953) г.

Искусствовед, филолог, критик, профессор Владимир Вейдле – в статье «Цветаева – до Елабуги» (опубликовано в книге «О поэтах и поэзии», Paris, YMCA-RESS, 1973):

«По непосредственности, по бьющей через край щедрости дарования мало кто мог, в литературе нашего века, сравниться с Мариной Цветаевой. Была у неё та врождённая искромётность слова, та естественная взаимопроникнутость мысли и воображения, по которым всего легче узнаешь настоящий «Господа Бога» дар, и рядом с которыми кажется столь бледным обычное рассудительное писательство».

«...Женственность, или даже грубее, женскость не просто вступила у неё с поэтическим даром в союз (как у Ахматовой) и не отреклась от себя, ему уступив (как у Гиппиус), а всем своим могучим порывом в него влилась и неразрывно с ним слилась».

Начало 1970–х гг.

Преподаватель Галина Родионова – в заметках «В Провансе в предвоенные годы...», «Марина Цветаева в воспоминаниях современников: Годы эмиграции», Москва, Аграф, 2002:

«Писать стихи Марина считала ремеслом, требующим большого мастерства. «Анна Ахматова свои настроения, – говорила Марина, у меня – свои. У нас разные читатели и ценители. Но мы оба – поэты. Разные – и одинаковые... Вот так и говорили мы ночью – о поэтах, о различных вопросах, нас интересовавших тогда»».

1971 г.

Критик Марк Слоним – в статье «О Марине Цветаевой», написанной в Женеве для журнала «Новый журнал», № 104, 1971, Нью-Йорк:

«...Мандельштам и Ахматова, вышли за пределы акмеизма, ими же созданного вместе с Гумилёвым, и нашли новые пути. А эмигранты среднего возраста охотно продолжали за рубежом прежние литературные направления, уже клонившиеся к упадку. В какой-то мере они жили в прошлом. И, конечно, цветаевская мятежная поэзия, по духу революционная, по ритму и стилю но-

ваторская, совсем их не привлекала, вернее, могла привлечь лишь немногих, по преимуществу одиночек».

1971 г.

Поэт, литературовед, редактор, издатель Александр Кушнер (Петербург) – в стихотворении «Наши поэты»:

**«Конечно, Баратынский схематичен,
Бесстильность Фета всякому видна,
Блок по-немецки втайне педантичен,
У Анненского в трауре весна,
Цветаевская фанатична Муза,
Ахматовой высокопарен слог,
Кузмин манерен, Пастернаку вкуса
Недостает: болтливость вот порок,
Есть вычурность в строке у Мандельштама,
И Заболоцкий в сердце скуповат...
Какое счастье даже панорама
Их недостатков, выстроенных в ряд!».**

1971 г.

Ариадна Эфрон – в письме новосибирскому коллекционеру Г.М.Абольянину от 7 января 1971 г. (цитата приводится по статье адресата «Письмо Ариадны Эфрон», гимназическая газета «Ярило», Новосибирск, 2002):

«...У Цветаевой – никакой статики, как, впрочем, и гармонии. Она не Ахматова. У Цветаевой не красота, а сила, движение, “мускул крыла”, плеча, динамика сплошная, и всё – вглубь...».

1972 г.

Писательница Ирина Грэм, американская подруга и помощница в последние 17 лет жизни композитора Артура Сергеевича («А.С.») Лурье, друга Ахматовой вплоть до его отъезда из России в Париж в 1922 г., в ноябрьском письме ахматоведу Михаилу Кралину, автору книги «Артур и Анна» (Томск, «Водолей», 2000):

«...Когда друзья, повидавшие А.А., передавали А.С. о впечатлениях встречи с ней, он сердился и говорил: “Анна изображает из себя Марфу-Посадницу. На каком основании она раздаёт патенты на гениальность?”».

1972 г.

Ирина Грэм – в декабрьском письме ахматоведу Михаилу Кралину:

«...Я не люблю Ахматову. Она мне чужда и как поэт, и как человек. Чужда,

быть может, потому, что женщина в ней заслоняет всё. В ней нет подлинной человечности, какая была, например, в Цветаевой, которую я люблю и о которой горюю. Это был человек редкого благородства и – вся человечность. В ней не было ахматовской «самости» и нарциссизма, доведённого до гипертрофии».

1972 г.

Писатель, историк искусства, литературный критик Владимир Вейдле – в статье «Традиционное новое в русской литературе двадцатого века», опубликованной в сборнике статей «Русская литература в эмиграции» под редакцией Н.П.Полторацкого. Отдел славянских языков и литератур Питтсбургского университета. Питтсбург. 1972:

«...Многие здесь, в том числе и я, много лет оценивали её (Марину Цветаеву. – Ю.З.) несправедливо. Но в петлю её загнали всё-таки не мы. Она вернулась. Воссоединилась с уже приконченными Мандельштамом, с Ахматовой, с Пастернаком...Хозяева этой страны (Советского Союза. – Ю.З.)...Ахматову едва терпели, Мандельштама истребили, Пастернака, по случаю Премии, сами объявили не своим».

1972 г.

Поэт, эссеист, литературный критик Юрий Иваск – в статье «Поэзия «старой» эмиграции», опубликованной в сборнике статей «Русская литература в эмиграции» под редакцией Н.П.Полторацкого. Отдел славянских языков и литератур Питтсбургского университета. Питтсбург. 1972:

«Мы хорошо знаем советскую поэзию, и я отметил значение для эмигрантской поэзии Мандельштама, Пастернака, и к этим именам добавлю ещё имена Ахматовой, Заболоцкого.

Я убеждён: недобросовестную хулу партийных скалозубов сменит хвала миллионов читателей, открывающих в России незнакомую им зарубежную литературу, как уже им открылось творчество Бунина и Цветаевой».

1972 г.

Критик Марк Слоним – в статье «Воля России», опубликованной в сборнике статей «Русская литература в эмиграции» под редакцией Н.П.Полторацкого. Отдел славянских языков и литератур Питтсбургского университета. Питтсбург. 1972:

«В статьях и заметках я всегда говорил о ней (о Марине Цветаевой. – Ю.З.), как об одном из выдающихся поэтов России, и ставил её в ряд с Пастернаком, Ахматовой, Маяковским и Ходасевичем (я неоднократно указывал на Ходасевича, как на единственного после Цветаевой крупного поэта эмиграции и мнения этого не изменил и по сей день)».

1973 г.

Писательница Ирина Грэм – в очередном письме ахматоведу Михаилу Кралину:

«Дамские страсти мне были чужды и... смешны! Что касается второй половины её (Ахматовой. – Ю.З.) литературной деятельности – я к ней тоже равнодушна, представьте. Она мне кажется не выше поэзии Цветаевой...; и, если откинуть истерику и экзальтированную преувеличенность Марины Ивановны, то окажется, что и как поэт, и как прозаик она значительней Ахматовой, и, конечно, дерзновенней».

1973 г.

Философ Михаил Бахтин – в беседе с учёным-исследователем Виктором Дувакиным при ответе на его вопрос о том, кого он считает крупнее как поэтическую личность Зинаиду Гиппиус, Анну Ахматову или Марину Цветаеву, «Анна Ахматова в <аудио>записях В.Дувакина», Москва, Наталис, 1999:

«Знаете, пожалуй, Марину Цветаеву. Марину Цветаеву, да. У неё есть именно та глубина, которой нет у... Ну, Гиппиус – и говорить нечего, да. Гиппиус вся сделана, сделана: и поэзия сделана, и сама она сделана. Про Ахматову... Конечно, немножко было там в ней, в её личности... но поэзия её всё-таки не сделана».

1973 г.

Ариадна Эфрон – в сочинении «Страницы воспоминаний» (журнал «Звезда», №3, 1973 и в трехтомнике «Ариадна Эфрон. История жизни, история души», Москва, 2008, Том 3):

«...Лирические славословия <Марины Цветаевой> Ахматовой являли собой выражение доведённых до апогея сестринских чувств, не более. Они и были сёстрами в поэзии, но отнюдь не близнецами; абсолютная гармоничность, духовная пластичность Ахматовой, столь пленившие вначале Цветаеву, впоследствии стали ей казаться качествами, ограничивавшими ахматовское творчество и развитие её поэтической личности. «Она – совершенство, и в этом, увы, её предел», – сказал об Ахматовой Цветаева».

1974 г.

Ирина Грэм (США) – в очередном письме ахматоведу Михаилу Кралину: «...От поэзии Ахматовой “прёт”... женским началом ничуть не меньше, чем от стихов Цветаевой. Обе были стопроцентными женщинами, но обладали РАЗНЫМ ТЕМПЕРАМЕНТОМ».

1974 г.

Литератор и скульптор Галина Козловская – в беседе с учёным–

«Сероглазый король». К циклу Стихов АА «Чётки».
Рис. Л. Варламовой. Публикуется впервые.

«Я умею любить». К юношеским стихам МЦ.
Рис. Л. Варламовой. Публикуется впервые.

исследователем Виктором Дувакиным, «Анна Ахматова в <аудио> записях Дувакина», Москва, Наталис, 1999:

«<Ахматова – человек> начала века, да. Ну, Анна Андреевна человек бессмертный, бессмертный поэт и, конечно, личность удивительная и уникальная вообще в русской искусстве. Женщины... ну, Марина Цветаева и она – и, конечно, больше таких явлений не было, такого масштаба...».

«...Анна Андреевна всё-таки не доверяла искренности отношения Марины Ивановны к себе. По-моему, она ошибалась».

1974 г.

Поэт Иосиф Бродский – в интервью «Mosaic. Journal for the Comparative Study of Literature and Ideas», VIII/I (цитируется по: «Книга интервью/Иосиф Бродский» (составитель В.Полухина), Москва, «Захаров», Изд. 4-е исправленное и дополненное, 2007):

– Кто из русских поэтов повлиял на ваше творчество или кем вы восхищаетесь?

– Два или три поэта. Державин, и также относящийся к девятнадцатому веку Баратынский, а из этого века – Цветаева.

– Каково ваше мнение об Анне Ахматовой?

– Она большой поэт и очень хороший друг. Но не думаю, что она оказала на меня влияние. Она просто великий человек

1975 г.

Драматург и сценарист Михаил Вольпин – в беседе с учёным-исследователем Виктором Дувакиным, «Анна Ахматова в <аудио> записях В.Дувакина», Москва, Наталис, 1999:

«... <Ахматова Цветаеву> на вторую <ступеньку> протаскивала... Я не пустил <Марину Цветаеву> на вторую... Я даже ей сказал: «Я Вас на вторую тогда поставлю... Я не согласен. Это не игра». У неё было пристрастие к Марине».

1975 г.

Поэт и редактор Пётр Вегин – в стихотворении «Жила-была Ксения Некрасова...»:

«...Когда душа заарканена,/ Когда почти не дышу,/ Марину и Анну/ Силы мне дать прошу...».

1976 г.

Поэт и переводчик Сергей Шервинский – в очерке «Анна Ахматова в ракурсе быта», «От знакомства к родству», Ереван, 1986 (Ахматова несколько раз гостила у него на даче в Старках под Коломной, в частности, в 1936, 1938 гг. и

в пятидесятые годы. – Ю.З.):

«...Вопрос... я поставил наедине и с большой опаской: “Как Вы относитесь к поэзии Марины Цветаевой?”. Осторожность моя была вызвана тем, что в послевоенные годы Марина Цветаева стала кумиром молодёжи, и её имя упоминалось наравне с именем Ахматовой. Анна Андреевна, реабилитированная во всех отношениях, всеми признанная и у нас, и за рубежом, не могла не чувствовать болезненно, что у неё появилась соперница, притом в области, посторонней женской ревности. Поэтому нечего удивляться, что её ответ был холоден. В нём обнаруживалось непримиримое противоречие двух поэтических темпераментов: здорового духа поэзии Ахматовой и сугубо женственной и непроизвольной одарённости Цветаевой».

1976 г.

Биограф А.Ахматовой Аманда Нейт – в книге “ANNA AKHMATOVA. A Poetic Pilgrimage”. Oxford University Press (русский перевод: Хейт А. АННА АХМАТОВА. Поэтическое странствие. Дневники, воспоминания, письма А.Ахматовой – М.: Радуга, 1991):

«Они (Ахматова и Цветаева. – Ю.З.) принадлежали к одному литературному поколению, и их часто сравнивали и противопоставляли друг другу».

1977 г.

Поэт Всеволод Рождественский – в статье «Марина Цветаева» (цитируется по книге Марина Цветаева. Стихотворения. Ашхабад, «Туркменистан», 1986):

«...Очень типично для Марины Цветаевой – всё своевольно и властно подчинять собственной мечте. Так же в цикле “Ахматовой”, где разговор тоже идёт на “ты”, хотя и не было личного общения... Они встретились только в июне 1941 года, обе уже многое пережившие, окончательно утвердившие себя в своей творческой зрелости и жизненном опыте».

1977 г.

Актриса, художница, поэтесса Ольга Гильдебрандт–Арбенина (муза петербургских поэтов Гумилёва и Мандельштама)– в мемориальных записях октября 1977 года (Ольга Гильдебрандт. «Девочка, катящая серсо...»: Мемориальные записи. Дневники. – М.: Молодая гвардия, 2007. – 349 с. Библиотека мемуаров: Близкое прошлое; вып. 25):

«<Гумилёв>меня “поздравил” за то, что Брюсов ответил мне, но не ответил Ахматовой, как не ответил Цветаевой».

1977 (1980) г.

Писательница Наталья Ильина – в очерке «Анна Ахматова в последние годы

её жизни», журнал «Октябрь», № 2, 1977 и книга «Судьбы. Из давних встреч». М.: СП, 1980:

«...Когда я <однажды в 1960–е годы> расспрашивала о Цветаевой Анну Андреевну, она сказала, что у ранней Цветаевой было много безвкусицы... “Любила Ростана. А эта шука из “Нездешнего вечера”, на которой она сидела! Безвкусица во многом. А сумела стать большим поэтом!”.

Помолчала и добавила: “Недостойная поэта тема – богатые и бедные!”».

«Говоря о характере Цветаевой, Анна Андреевна вспоминала такой диалог между ними.

Цветаева сказала:

“Я многих спрашивала: “Какая вы?”.

Я, поддавшись на эту удочку, заинтересованно: “И что же вам отвечали?” – “Отвечали”: “Просто дама!”».

1977–1983 гг.

Поэт, переводчик Семён Липкин – в работе «Угль, пылающий огнём...» («Осип Мандельштам и его время», Москва, «L'Age d'Hoome * Наш дом», 1995):

«Дыхание эпохи мы слышим не в сочинениях государственных стихотворцев, они бездыханны со дня рождения, а в стихах “далёких от жизни” Ахматовой Мандельштама, Пастернака, Цветаевой, Хлебникова».

1978 г.

Поэтесса Белла Ахмадулина – в выступлении на вечере в Литературном музее 25 января 1978 г. «Марина Цветаева. Поэт и время». Выставка к 100–летию со дня рождения 1892–1992. Москва. ГАЛАРТ. 1992.

«Мы все знаем, как рано, с первой книжки, Цветаева пылко и безгранично полюбила Анну Ахматову... Потом прошло время, они увиделись, и как бы из этого союза, кроме безмерной печали, ничего не вышло. Я склонна истолковывать и эту одинокость Цветаевой как бы в пользу и Цветаевой, и Ахматовой...».

1978 г.

Поэт Иосиф Бродский – в интервью журналу “The Iowa Review”, № 4 (цитируется по: «Книга интервью/Иосиф Бродский» (составитель В.Полухина), Москва, «Захаров», Изд. 4–е исправленное и дополненное, 2007):

«Она (Ахматова. – Ю.З.) говорила: “По сравнению с ним (Мандельштамом. – Ю.З.) и с Цветаевой я всего лишь мелкая корова. Я корова” – вот так она говорила».

1978, 1990 г.

Мемуарист Надежда Яковлевна Мандельштам – в книге «Вторая книга» (подготовка текста, предисловие, примечания М.К.Поливанова), Москва, Московский рабочий, 1990 (первое издание этой книги состоялось в Париже в 1978 г.):

«Вакансию первого поэта женщины я с ходу — у витрины книжного магазина — предоставила Ахматовой. Мандельштам и Эренбург говорили при мне о Цветаевой, но я отмахивалась и от нее. Я допускала существование нескольких мужчин поэтов, но для женщин мой критерий был жестче — одна вакансия, и хватит. И вакансия прочно занята».

«В романе <Мандельштама> с Мариной Цветаевой нечто совсем другое – прекрасный порыв высокой женской души – “в тебе божественного мальчика десятилетнего я чту”. По всему, что Марина сказала о себе, видно, что у неё была душевная щедрость и бескорыстие, которым нет равных, и управлялись они своеволием и порывистостью, тоже не знавшими равных... В дружбе Ахматова отличалась от всех людей на свете, и в ней было настоящее величие, но, окружённая женщинами, которых называла «красавицами», она поддавалась их лести и начинала изображать из себя даму... Моя Ахматова – неистовая и дикая женщина, друг, с железной твёрдостью стоявший рядом с Мандельштамом, союзник в противостоянии дикому миру, в котором мы прожили жизнь, суровая и беспощадная игуменья, готовая за веру взойти на костёр. Все “дамское” в ней наносное».

«Я пожалела, что не видела Цветаеву, когда в Ташкенте Ахматова рассказала про встречу с ней — это была первая и единственная встреча за всю жизнь. Ахматова жаловалась на брехню Георгия Иванова, который переадресовал обращенные к ней стихи Мандельштама неизвестной докторше, содержанке богатого армянина. (Ну и воображение у этого холуя!) Я отлично знала, что стихи написаны Цветаевой (“На розвальнях, уложенных соломой...”, “В разноголосице девического хора...” и “Не веря воскресенья чуду”). А может, лучше, что мы не встретились».

«Цветаева и Ахматова, умели извлекать из любви максимум радости и боли. Им можно только позавидовать».

«В юности до всяких катастроф ...(<Ахматова>уже называла себя брошенной и говорила о печальной женской судьбе. И у Марины есть эта тема: “всегда бросали”».

«Сейчас вышла вперёд четвёрка, четыре поэта – Ахматова, Пастернак,

Старинные арфы

Цветаева, Мандельштам. Навсегда ли?... Никто не знает».

«Встретившись с Ахматовой, Цветаева жаловалась на судьбу, была полна горечи и вдруг, наклонившись, сказала, как ходила смотреть дом, где прошло ее детство, и увидела, что там по-прежнему растет любимая липа. Она умоляла Ахматову никому не открывать эту тайну, иначе “они узнают и срубят”. Одна липа и осталась: “Поглотила любимых пучина и разграблен родительский дом...”. Я не знаю судьбы страшнее, чем у Марины Цветаевой».

1978 г.

Учёный–металлург, изобретатель, поэт Лиян Контер (Москва), автор 6 сборников стихов за 2000–2008 годы – в стихотворении «В стихотворные кущи...»:

**«Будут рифмы – как запах,
Будут мысли – как рана:
Северянин (для зала)
С Пастернаком (для храма),
И Марина, и Анна –
Как рыдание арф,
И удар барабана –
Вознесенского дар!».**

1979 г.

Иосиф Бродский – в интервью Джону Глэду, журнал «Время и мы», № 97, 1979:

«Все эти сочинения – Мандельштама, Цветаевой, Ахматовой мы доставали

с невероятным трудом, если доставали вообще».

«...Если ты находишь кого-нибудь вроде Мандельштама, Цветаевой или Ахматовой в двадцать четыре года, то не особенно воспринимаешь их как влияние...».

1979 г.

Писатель Эмилий Миндлин – в книге «Необыкновенные собеседники. Литературные воспоминания с авторскими дополнениями и исправлениями». 2-е изд., Москва, 1979:

«В стихах она называла Ахматову “Анна вся Русь...”.

А они обе были “вся Русь” – Марина и Анна».

1979, 1988 гг.

Анна Ахматова в разговоре с поэтом, переводчиком, критиком, мемуаристом Львом Озеровым – в его «Разрозненных записях» (рукопись), «Воспоминания об Анне Ахматовой», Москва, СП, 1991:

«Вы сопоставляете Ахматову с Цветаевой. Это гимназическая затея. Два разных поэта. Две дамы? Это несущественно. Многие сопоставляют, вам это делать не пристало».

1980-е годы.

Поэт и переводчик Давид Самойлов – в стихотворении «Надоели поэтессы...»:

«...Не нудите постоянно,/ Не страдайте слишком длинно,/ Ведь была на свете Анна,/ Ведь писала же Марина».

1980–1990 гг.

Иосиф Бродский о Цветаевой и Ахматовой – в разговоре с Соломоном Волковым (СПб, «Знамя», 1997 (1)):

«Есть три эпохи у воспоминаний. / И первая – как бы вчерашний день...» – я не знаю, кто это говорит – мужчина или женщина...

Царственная интонация этих стихов – вовсе не осанка самой Ахматовой, а того, что она говорит. То же самое с Цветаевой. “Други! Братственный сонм!” – кто это говорит? Мужчина или женщина?

...По содержанию < “Мой милый, что тебе я сделала?!” > – это женщина. Но по сути... По сути – это просто голос трагедии... Голос колоссального неблагополучия. Иов – мужчина или женщина? Цветаева – Иов в юбке».

1980–1990 гг.

Иосиф Бродский о Цветаевой в разговоре с Соломоном Волковым (Нью-Йорк, «СЛОВО–WORD», 1998):

На высказывание С.Волкова о том, что Ахматова называла Осипа Мандельштама первым поэтом XX века, И.Бродский заметил:

«...Не согласен. Я считаю, что Цветаева – первый поэт XX века. Конечно, Цветаева».

1981 г.

Научный работник, библиограф Елена Новикова – в книге «Душа, открытая людям. О Вере Звягинцевой. Воспоминания, статьи, очерки», Ереван:

«За... шутливыми рассказами <поэтессы и переводчицы Веры Звягинцевой> и как к поэту. <Она> считала её одним из наиболее выдающихся русских поэтов нашего времени и, по крайней мере тогда, ставила её много выше Ахматовой. В поэзии Ахматовой она не любила того, что называла “дамскостью”...».

1981 г.

Иосиф Бродский – в интервью Д.М.Томас, журнал “Quatro”, № 12(цитируется по изданию: «Книга интервью/Иосиф Бродский» (составитель В.Полухина), Москва, «Захаров», Изд.4-е исправленное и дополненное, 2007):

«...Моё образование было в чем-то ограниченным. То есть я получил в некотором смысле стандартное советское образование, а за его пределами оставались и Мандельштам, и Цветаева, и Пастернак, и Ахматова».

«Мне больше всего понравилось обвинение (во время суда в 1964 г. – Ю.З.) в развращении молодёжи путём распространения произведений таких запрещённых авторов, как Ахматова и Цветаева».

1981 г.

Поэт, художница, инженер-энергетик Нина Гущина – в стихотворении «Прощение» из книги автора «Я была на тех местах...», Москва, «Синичка», 2007:

**«Анна Ахматова
и Марина Цветаева,
Женщины, мною
так почитаемые!
Сколько в вас было любви,
сколько нежности,
Сколько тепла
и душевной безбрежности,
Сколько трагедий
на жизнь вашу выпало,
Сколько за женскую долю
вы выплакали!».**

1982 г.

Иосиф Бродский – в интервью Свену Биркерту, журнал “Paris Review”, № 83(цитируется по изданию: «Книга интервью/Иосиф Бродский» (составитель В.Полухина), Москва, «Захаров», Изд.4–е исправленное и дополненное, 2007):

«Да. Ахматова говорила: «Марина часто начинает стихотворение с верхнего «до»». Если начать с самой высокой ноты в октаве, невероятно трудно выдержать целое стихотворение на пределе верхнего регистра. А Цветаева это умела... Человеческая вместимость тоже не безгранична. В этом смысле Цветаева – явление совершенно уникальное... По-моему, лучше неё не писал никто, во всяком случае по-русски. Впервые в русской поэзии прозвучало такое трагическое вибрато, такое страстное тремоло».

1983 г.

Литературовед и архивист Елена Коркина – в статье «Продолжение времени», «Поэзия», № 37:

«Цветаева принадлежит к той плеяде русских поэтов, родившихся в последнем пятидесятилетии прошлого (XIX – Ю.З.) века и сформировавшихся в эпоху “между двух революций”, одни представители которой ощущали себя “последним поэтическим поколением, выросшим под солнцем Пушкина”, “последними в роде”, завершителями традиции – таково самосознание Ахматовой, Ходасевича, Парнок, Мандельштама, другие же утверждали своё первородство зачинателей новой поэтической традиции – на этой позиции мы видим Хлебникова, Маяковского, Пастернака. Цветаева, не принадлежавшая ни к каким поэтическим направлениям, развившаяся уединенно и самобытно, совместила в себе обе главные линии развития русской поэзии XX века, сочетая в своём творчестве и традиции, и новаторство, и верность прошлому, и веру в будущее».

1983 и 1990 гг.

Поэт и переводчик Арсений Тарковский – в беседах с Арменом Меружаняном («Литературная Армения», 1983, № 4) и с Мариной Аристовой («Семья», 1990, № 17):

«Марина была сложным человеком... Однажды она пришла к Ахматовой. Анна Андреевна подарила ей кольцо, а Марина Ахматовой бусы. Они долго говорили. Потом Марина собралась уходить, остановилась в дверях и вдруг сказала: “А всё-таки, Анна Андреевна, вы самая обыкновенная женщина”. И ушла».

1984–1989 гг.

Поэт Инна Лиснянская – в книге-исследовании «Шкатулка с тройным дном», «Музей Марины Цветаевой в Болшеве», «Луч-1», 1995:

«Я почти уверена, что заимствование <Ахматовой> у Цветаевой музыки для Поэмы<без героя> (из стихотворения “Кавалер”. – Ю.З.) и было тем самым “первым

слоем, который поэты скрывают почти что от себя самих»

(последние слова принадлежат Ахматовой. – Ю.З.).

«...Некоторые ахматовские «описки»... помогут разобраться в сдвоенных и строенных персонажах “Поэмы без героя”, и отчасти в сложных отношениях между Ахматовой и Цветаевой...».

«...Цветаева не только посвящала Ахматовой стихи – любящие, лстящие, сопереживающие, ревнивые – но и писала Ахматовой немало писем. А получала ли ответы?.. Зато мне как читательнице известно, что тайную, одностороннюю переписку-полемику с Цветаевой Ахматова вела в своих стихах, особенно в сороковые годы, в которых спорила не только с выбором творческого пути, с цветевской эстетикой, но гораздо раньше с выбором жизненного пути. Ответы на стихи Цветаевой были обычно поздними ответами, определяющимися длинными временными интервалами».

«Для Цветаевой, как и для Ахматовой, Царь Давид – Поэт, и, значит, вечно жив. И до сих пор «несёт своё торжество»».

«...Упаси нас, читателей, Бог от споров “ахматовцев” и “цветаевцев”, от яростных доказательств, кто из этих поэтов лучше, кто – первой. Обе лучше! Обе первой!».

Памятник А.Ахматовой
в Петербурге

Памятник М.Цветаевой
в Тарусе

ХРОНИКА СОПОСТАВЛЕНИЯ АА И МЦ

ЧАСТЬ 5. 1985-2008гг

1889–1966

1892–1941

1985 г.

Коллекционер, историк русской литературы и культуры, журналист, редактор, основатель в 1960–е годы домашнего музея Марины

Цветаевой, научный сотрудник Болшевского и Московского музеев Марины Цветаевой, кандидат технических наук Лев Мнухин – в статье «Настал черёд...», Александров, газета «Голос труда», №85, 28 мая, 1985:

«В 1980–е > годы заметно увеличилось число работ, посвящённых выявлению и изучению литературных взаимосвязей М.Цветаевой с поэтами прошлого и современниками – А.Блоком, В.Маяковским, К.Фофановым, А.Белым, А.Ахматовой, А.Твардовским».

1986 г.

Литературовед и критик Дмитрий Максимов – в эссе «Об Анне Ахматовой, какой помню», «Русские поэты начала века», Ленинград, 1986:

«Нас четверо». Выбирая такое заглавие для своего стихотворения, Ахматова имела в виду четырёх больших поэтов: Мандельштама, Пастернака, Цветаеву, себя. Ставя этих поэтов под одно заглавие, она тем самым утверждала их высокое родство и достоинство».

1987 г.

Актриса Марина Неёлова – в статье «Спешите делать добро» («Литературная газета», 10 июня 1987 г.) вспоминала свои разговоры с Фаиной Георгиевной Раневской, которая говорила, в частности, о том,

«что долго читая Цветаеву, устаёт, а потом «отдыхает» на Ахматовой, что Анна Андреевна – человечнее и понятнее, что Марина Цветаева – гений и всегда не здесь, даже слушая, смотрит «насквозь», куда-то «в своё», что невероятно умна, своеобразна, одна такая и не как все».

1987 г.

Иосиф Бродский – в интервью Бенгдту Янфельдту, газета «Svenska Dagbladet» (цитируется по: «Книга интервью/Иосиф Бродский» (составитель В.Полухина), Москва, «Захаров», Изд.4–е, исправленное и дополненное, 2007):

«В моём лице победили как минимум пятеро. Это Мандельштам, Ахматова, Цветаева, Оден и Фрост».

1987 г.

Историк театр, искусствовед, проф. студии МХАТ Виталий Виленкин – в книге «В сто первом зеркале», Москва, Советский писатель, 1987 (осуществлённой по материалам встреч и бесед автора с А.Ахматовой в течение 30–ти лет):

«...Большое всего ...волновало <Ахматову> отношение Пастернака к её стихам, особенно к новым. Ведь она знала его автобиографию..., где так много говорится о значении в его жизни поэзии Цветаевой, а Ахматовой уделено несколько строк, почти вскользь...».

«Из разговоров интересных, но неприятных – о Цветаевой, в связи с <её> посмертным сборником “Проза”. “В главе «Нездешний вечер» видно, как я (Ахматова.– Ю.З.) ей мешала”. Вообще недружественно, даже с раздражением (может быть, потому, что я (В.Я.Виленин. – Ю.З.) возражал, спорил, напоминал). Что Цветаева “сама себя придумала в своём эмигрантском облике”, что “там печатали каждую её строчку, относились почтительно” и проч. Возмущалась описанием открытия Музея изящных искусств в присутствии “их величеств”. И всё это было, по-моему, несправедливо».

«...Насколько близок был ей (Ахматовой. – Ю.З.) как поэт Мандельштам..., настолько же далека, чужда была ей поэзия Марины Цветаевой. Достаточно уже того, что творчество Цветаевой, как это не странно, было для неё

каким-то “производным” от Андрея Белого. Так, по крайней мере, она говорила. Но она не раз называла её (Цветаеву. – Ю.З.) “мощным поэтом” и без колебаний включала её в короткий список тех поэтов, которых она “больше всего ценит”».

«...Никогда и ни в чём она (Ахматова. – Ю.З.) Цветаевой, конечно, не “мешала”. Но что-то, очевидно, мешало их настоящему сближению и тогда, и много лет спустя, после возвращения Цветаевой в СССР, когда они первый раз в жизни увидели друг друга.

Не могу судить о том, как это было прежде, но в последние годы мне всегда казалось, что у Анны Андреевны на стихи Цветаевой “нет отзыва”, что она к их прибою, к их неистовой, горькой страстности остаётся глуха. Но равнодушия в её отношении к Цветаевой не было никогда – скорее доходило до меня какая-то скрытая мучительность неприятий, отсюда порой и их страстность. А иногда она ощущала её совсем близко к себе, рядом».

«...Ахматовой вообще было свойственно видеть себя не отдельно и отнюдь не на «пьедестале», а в ряду других поэтов своего времени. От Блока, Маяковского, Хлебникова, Мандельштама, Пастернака, Цветаевой – до Твардовского, Заболоцкого, Ольги Берггольц, Марии Петровых, Арсения Тарковского, до молодого поэтического окружения последних её лет».

«...Даже Марина Цветаева в записной книжке 1940/1941 годов отзывалась

на сборник <Ахматовой> “Из шести книг” осуждающе: “...но что она делала с 1917 по 1940 год? Внутри себя”. ...Она тоже была из тех, кто “не знал”.

«...Явление творческой благодати, воплощённое в пленительно-прекрасный женский облик, в женскую жизнетворящую ипостась (мировая поэзия знает и другую, мужскую ипостась творческого духа; она была знакома, например, Марине Цветаевой, – Ахматовой она совершенно чужда)».

1988 г.

Энн Лаутербах – в статье «Гений в изгнании» (о поэте Иосифе Бродском), журнал “Vogue”, № 2 (цитируется по: «Книга интервью/Иосиф Бродский» (составитель В.Полухина), Москва, «Захаров», Изд.4–е, исправленное и дополненное, 2007):

«Он пишет о поэзии и поэтах, особенно о своих великих русских предшественниках – Осипе Мандельштаме, Анне Ахматовой и Марине Цветаевой – почти с благоговением».

1988 г.

Иосиф Бродский – в интервью поэту, переводчику, педагогу проф. Томасу Венцлова, журнал «Страна и мир», № 3:

«...Ахматова, Цветаева, Мандельштам сложились как поэты до наступления новой политической реальности».

1988 г.

Иосиф Бродский – в интервью Ларсу Клерберг и Сванте Вейлер, сборник “Divertimento sztokholmskie...”, Warszawa (цитируется по: «Книга интервью/Иосиф Бродский» (составитель В.Полухина), Москва, «Захаров», Изд.4–е, исправленное и дополненное, 2007):

– Ограничимся тематикой ваших эссе и сравнением, какое в некотором смысле вы проводите между Мариной Цветаевой и Анной Ахматовой... Если бы вы захотели их сравнить – кто вам ближе как поэт? Кто оказал на вас большее влияние?

– Цветаева. Но подчёркиваю, мы говорим здесь о сравнении. А не утверждаем, кто лучше и кто хуже. На таких высотах уже нет иерархии. Цветаева, её восприимчивость, во многих отношениях мне гораздо ближе.

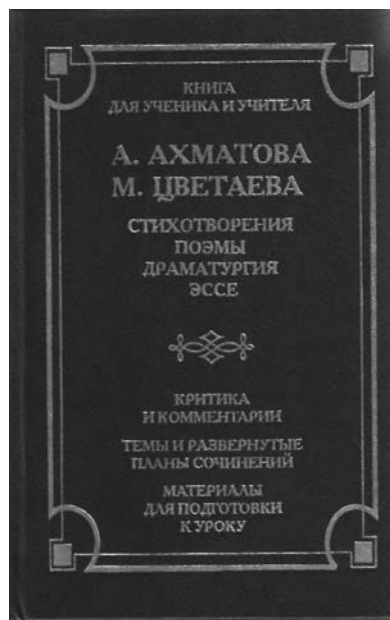
1988 г.

Цветаевед Виктория Швейцер (США) в книге «Быт и бытие Марины Цветаевой», Париж. Синтаксис (воспроизведено в Москве, репринт, 1992):

«Цветаева и Ахматова – антиподы и в плане человеческого, и по сути поэти-

Лидия Гинзбург, 1988: «Парное восприятие писателей».

ческой личности, и по её выражению в поэзии... Внешняя сдержанность Ахматовой, прикрывающая её внутреннее горение, отделяющая, отдаляющая автора стихов, противоположна цветаевскому бушеванию внутри стиха. В поэзии Ахматовой гармонично сочетаются вещи, на первый взгляд, несовместимые, как например, отмеченные Цветаевой чернокнижие с молитвой. Цветаева же – поэт крайностей, дисгармонии, воплощающейся не в плачущих даже, а в рыдающих стихах, преимущественно громких, но и когда шепчущих – всегда о боли».

«...Слишком противоположны их лирические “я”. Каждая из них – эгоцентрик, творчество каждой объемлет проблему “я – мир”. Но если “я” Ахматовой прежде всего – женщина, то “я” Цветаевой – поэт. В этом различие их мировосприятия, ощущения себя в мире... Мир Ахматовой уже, интимнее, более замкнут, нежели мир Цветаевой; он пропущен сквозь призму женского восприятия и женской судьбы, гораздо больше связан с землёй, с реальностью, чем мир поэзии Цветаевой, рвущейся вверх...».

1988 г.

Редактор, критик, педагог, литературовед, доктор филологических наук Лидия Гинзбург (СПб) – в эссе «Мандельштам, Пастернак и читатель 1920-х годов» (цитируется по книге: Лидия Гинзбург. Претворение опыта. «АВОТС», Рига, Ассоциация «Новая литература», Ленинград, 1991):

«Есть такое явление: парное восприятие писателей. Причём это пары–оппозиции: Толстой и Достоевский, Ахматова и Цветаева».

1989 г.

Цветаевед Анна Саакянц – в докладе, прочитанном на научной конференции в Институте мировой литературы к 100-летию Анны Ахматовой, «Царственное слово» («Ахматовские чтения», Вып.1, Москва, «Наследие», 1992):

«Анна Ахматова, Марина Цветаева. Две звезды нашего века, до которых пока не подняться ни одному женскому имени в русской поэзии... Это воистину две разные “планеты”».

«<После 1922 г. > все последующие годы Анна Ахматова, без сомнения, присутствовала в сознании Цветаевой».

«...Их сближала ревнивая неприязнь к Наталье Николаевне Пушкиной, которую каждая, разумеется, выражала по-своему».

«Обе, как все великие поэты, были причастны к Вселенной – обе многое провидели... И, быть может, особенно роднило их – ОДИНОЧЕСТВО, у каждой – на свой лад, – и кто знает, чья судьба была драматичней, чья тоска – неизбывней и чьё одиночество ужаснее...».

«<Они>творчески разминутись: Анна Ахматова, чьё творчество и личность нерасторжимы с ЭПОХОЙ, и Марина Цветаева, олицетворяющая собою ВСЕЛЕНСКИЙ ДУХ поэта».

1989 г.

Искусствовед, критик Лев Шилов – в брошюре «Анна Ахматова (100 лет со дня рождения)». – М.: Знание, 1989. – (Новое в жизни, науке, технике. Сер. «Литература»; № 10):

«...Когда в 1941 году поэтессы встретились в предвоенной Москве, обе бездомные, неприкаянные, измученные тревогой за своих <арестованных> близких, Марине Цветаевой...ахматовские стихи...показались далёкими от жизни... Цветаева не знала тогда и уже не узнала никогда, что у Ахматовой ещё в марте 1940 года написано стихотворение, посвящённое именно ей и её судьбе...».

1989 г.

Филолог Александр Сумеркин – в статье «Неизвестное стихотворение Цветаевой», Ахматовский сборник, №1, Париж, Институт славяноведения:

«...В декабре 1921 года Цветаева пишет своё последнее стихотворение, посвящённое Ахматовой (“Кем полосынька твоя...”), в нём звучит голос скорее старшей сестры... Цветаева обрела свой неповторимый голос, и “соревнование” с Ахматовой раз и навсегда ушло в прошлое».

1989 г.

Литературовед Лидия Гинзбург – в записях 80-х годов (цитируется по книге: Лидия Гинзбург. «Записные книжки. Новое собрание». «Захаров», 1999):

«Много жаловалась Цветаева – в стихах, в письмах и разговорах. Поэтому её жизнь выглядит ужаснее жизни её сверстников, хотя им было не легче».

1989 г.

Профессор Амхерст-колледжа Джейн Таубман (США) – в книге Jane A. Taubman. A Life Througy Poetry: Marina Tsvetaeva's Lyric Diary. Ohio: Slavica Publishers. 1989/ «Живя стихами...». Лирический дневник Марины Цветаевой. Дом-музей Марины Цветаевой. Москва. 2000:

«...Её (Цветаевой. – Ю.З.) лирические славословия Ахматовой являли собой выражение доведенных до апогея сестринских, не более(выделено Джейн Таубман. – Ю.З.). Они и были сёстрами в поэзии, но отнюдь не близнецами; абсолютная гармоничность, духовная пластичность Ахматовой, столь пленившие вначале Цветаеву, впоследствии стали ей казаться качествами, ограничивавшими ахматовское творчество и развитие её поэтической личности. “Она – совершенство, и в этом, увы, её предел”, сказала об Ахматовой Цветаева».

«Ахматова была старшей сестрой, объектом любви и соперничества в одно и то же время... Успех Ахматовой поставил Цветаеву перед острой проблемой...<Ахматова>определила и узурпировала “женскую территорию”

в русской поэзии... Цветаева знала, что её неизбежно будут читать не только в сопоставлении с Ахматовой, но и в к о н т е к с т е Ахматовой. Неужели не осталось места для её, совершенно непохожего на ахматовский, но не менее женского, голоса».

«Стихи Ахматовой создают такую иллюзию причастности к её личной жизни, что большинство читателей смаковали. Как будто подглядывая в щёлочку за самыми интимными подробностями биографии поэта и её мужа, Николая Гумилёва...Скрытность Ахматовой относительно реальных деталей и фактов её личной жизни не могла разрушить эту иллюзию. Лирический дневник Цветаевой, несмотря на гиперболизм и “нежную ложь” намного более правдиво отражает биографические реалии, чем поэзия Ахматовой».

«Точная реалистическая деталь <как у Ахматовой>..., выражающая сильное волнение героини, не свойственна Цветаевой, которая писала более резкими мазками. Вместо того, чтобы передавать эмоции косвенно, посредством конкретной детали, лирическая героиня Цветаевой напрямую заявляет о себе и своих чувствах».

«...Цветаева была «маркирована» по двум признакам – москвичка и женщина. Но поскольку она была женщиной и поэтом, сравнение с Ахматовой было неизбежно...».

«...«Стихи к Ахматовой» – сплошное славословие, правда, очень своеобразное, где на первый план выходит не тот, кого славят, а тот, кто славит».

«Резкие различия между двумя поэтами можно увидеть даже на таком простом примере, как пунктуация. Отличительная черта «истеричной» Цветаевой – пристрастие к прерывистым тире и восклицательным знаком... Ахматова восклицательному знаку предпочитает вопросительный – знак нерешительного, нежного женского образа».

«Оказавшись на пути у Цветаевой, Ахматова невольно сослужила ей огромную службу. Жанр женского любовного стихотворения в стиле Ахматовой дал Цветаевой толчок для разработки великолепного хора множества разных голосов, звучавших в её зрелой поэзии».

«Присутствие Ахматовой ощущается как существенный элемент в контексте поэзии Цветаевой вплоть до конца 1920 года, когда она наконец «победила» соперницу».

«Окончательная «победа» над Ахматовой в творчестве Цветаевой совпала с радикальным изменением её поэтики, что нашло отражение в книге «Ремесло». Но сравнение с Ахматовой преследовало Цветаеву до самой смерти».

1989 г.

Поэт, литературовед Нина Королева – в статье «В гостях у Анны Ахматовой» (К 100-летию со дня А.А.Ахматовой, по записям автора 3 марта 1961 г.). Газета «Книжное обозрение», №24, 16 июня 1989 г.:

«Мы (участники ленинградского литературного объединения – Горное ЛИТО, рук.Г.Семёнов, а после его увольнения – Д.Левоневский. – Ю.З.) знали наизусть половину стихов из «Вечера», «Чётки» и «Белой стаи», но истину об отчаянной неприкаянности голодного и неустроенного мира для нас открывала не Ахматова, а Марина Цветаева, Борис Слуцкий и Ольга Берггольц».

«Как приятно слышать из уст Анны Андреевны это «Марина», – потому что от Лидии Яковлевны <Гинзбург> и Дмитрия Евгеньевича <Левоневского>, я знаю, что в жизни Цветаева и Ахматова были почти не знакомы, писали стихи друг другу заочно».

1989 г. (предположительно).

Поэтесса Лина Левинзон (Израиль) – в стихотворении «О, женщин имена...»:

**«О, женщин имена – то Анна, то Марина!
Их яблочная суть, морозная краса,
Дыхание земли и привкус розмарина,
И облачный ледок, плывущий в небеса.
Прислушайся к векам – звучит Сапфо, София,
В них тяжесть тишины, и влажность росных нив,
И судьбы всей земли, и всё лукавство змия,
О, женщин имена – слиянье и разрыв.
История плывёт – круги её жестоки,
Но музыка слышна – то Леа, то Рахель,
И в этих именах любви моей истоки,
И Божий глас звучит над горечью земель».**

1990–е годы (предположительно).

Поэт Константин Ваншенкин – в стихотворении «Боже мой, наш российский срам...»:

«Боже мой, наш российский срам –/ На душе остаётся шрам:/ И Цветаева по чужим углам,/ И Ахматова по чужим углам. // Как теперь говорят: бомжи!/ От себя хоть бегом бежи/ Посредине побитой ржи/ И печали такой и лжи».

1990 г.

Литературовед и архивист Е.Б.Коркина – в предисловии к книге «Марина Цветаева. Стихотворения и поэмы», Библиотека поэта, Большая серия, СП, Ленинградское отделение, 1990:

«Имя Марины Цветаевой, наряду с именами Владимира Маяковского, Анны Ахматовой, Осипа Мандельштама, Сергея Есенина, Владислава Ходасевича, Бориса Пастернака, определяет целую эпоху русской поэзии первой трети XX века».

«<В предисловии от января 1913 года к сборнику «Из двух книг» Цветаева> определённо формулирует свои взгляды на задачу творчества. По духу это совершенно акмеистская «программа» (Ахматова была акмеисткой. – Ю.З.)».

«Цветаеву в разное время относили то к «эпигонам символизма», то к «эпигонам акмеизма...»».

1990 г.

Иосиф Бродский – в интервью Майклу Главеру, журнал «Экономист», 13 октября 1990 г.:

«У нас в России не было Фроста, не было Одена, не было Гарди, но были изумительные поэты... Я имею в виду всех тех, кто пользуется славой на Западе, – Пастернака, Цветаеву, Мандельштама, Ахматову. Все они родились в конце прошлого столетия (имеется в виду 19-ый век. – Ю.З.)».

1990 г.

Поэт, литературовед, проф. Максим Шраер (Бостон) – в стихотворении «Звучанье русских поэтесс» (сб. «Табун над лугом». Gnosis Press. New York. 1990):

«Ахматова	Цветаева	Ахмадулина
ах, матовый	цвет айвы	найду ли я
поцелуй,	эй, вы,	умник
по челу	выстрел	бог улиц
хмарь	застит	багульник
почему	выпей	в усмерть
вчера	выплачь	в усталъ

**Обнять в три ахмата слово
Заботиться в цвестерике звука
ахмадонна велеречивого дома».**

1990 г.

Ахматовед, архивист, поэт М.М.Кралин – в примечаниях к составленному им двухтомнику «Анна Ахматова. Сочинения в двух томах»:

«Существует мнение, что Анна Ахматова почти не писала писем. Действительно, её нельзя назвать таким любителем эпистолярного жанра, какими были Цветаева и Пастернак. Её письма, в ещё в большей степени, чем её проза, обладают “головокружительной краткостью»” (как сама она определяла основное свойство прозы Пушкина)» (Известно, что АА не просто не сохраняла, а и уничтожала множество писем; её корреспонденты тоже часто не сохраняли её писем. – Ю.З.).

1991 г.

Иосиф Бродский – в интервью Биргитт Файт, записано 10 сентября 1991 года, опубликовано в журнале «Урал», № 1, 2000:

«То, что создано для тебя, и то, что ты читаешь, – ты как бы это вбираешь. И нравится тебе это или не нравится – в случае Ахматовой мне это чрезвычайно нравилось, очень многое – это становится частью тебя, в известной степени входит в состав твоей крови. И, допуская, например, что это же произошло с Пастернаком, это же произошло с Цветаевой, это же произошло с Мандельштамом – в той или иной степени».

1991 г.

Поэт Владимир Корнилов – в докладе «Антиподы (Цветаева и Ахматова)», прочитанном в Русской школе Норвичского университета на симпозиуме «Марина Цветаева. 1892–1941», СПб, «Максим», 1992:

«Две великие поэтессы России противоположны во всём, видимо, именно потому, что великие. Даже главное дело жизни – стихи – не объединило их, а развело...».

«...Не ошибусь, утверждая, что Цветаева была человеком долга, тогда как Ахматова – человеком чести... Для Ахматовой честь была выше долга: сама должность первой поэтессы страны обязывала. Ахматова не могла себе позволить “смеяться, когда нельзя” (цветаевские слова. – Ю.З.)...».

«...Поэты – дети добра и света, но отношения между ними никогда не бывают чересчур лучезарными...»

«Тайная полемика с Цветаевой... слышится и в ахматовских воспоминаниях о Мандельштаме».

«Можно много приводить примеров цветаевского и ахматовского не-

сходства. И только в одном едины: с одинаковым презрением и гадливостью относились к любым вариантам антисемитизма».

«Ахматова царила на всероссийском престоле лишь до тех пор, пока в стране не стали появляться (сначала рукописями, а через десятилетия и книгами) стихи Цветаевой. С тех пор и особенно сегодня среди начинающих поэтов и даже поэтесс куда больше сторонников Цветаевой. Это признавала сама Ахматова, не раз повторяя: «Сейчас царствует Марина». Но и последователи и подражатели у них тоже разные. У Ахматовой заимствовали (в основном поэтессы) тему, у Цветаевой (большей частью поэты) – форму».

«Читая Ахматову, чувствуешь..., что событие миновало, что печаль... как бы перешла в другое измерение. Ахматовские стихи... действуют далеко не сразу. У Цветаевой, наоборот, воздействие мгновенное, оглушительно».

«И Цветаева, и Ахматова – поэты трагические... Здесь не измерить, чьё горе – цветаевское или ахматовское – глубже, как не ответить, у кого из них дар выше. Будем же благодарны их несхожести и тому, что они, почти ровесницы, умудрились прожить как бы на разных полюсах времени, отчего критика называла одну дочь давно ушедшего девятнадцатого века, а вторую – современницей ещё не наступившего, двадцать первого».

1991 г.

Поэт, переводчик, философ, писатель, секретарь А.Ахматовой в последние годы её жизни Анатолий Найман – в докладе «О связи между «Поэмой без героя» Ахматовой и «Поэмой воздуха» Цветаевой», прочитанном в Русской школе Норвичского университета на симпозиуме «Марина Цветаева. 1892–1941», СПб, «Максим», 1992:

«Параллели между началом “Поэмы без героя” и “Поэмы воздуха” очевидны... Рискнём сделать осторожную формулировку: возможно, начальные строфы 1-й части “Поэмы без героя” появились с учётом цветаевской поэмы (которую Цветаева подарила Ахматовой при их встрече в 1941 г. – Ю.З.). Тем более что в 1940–1942 годах Цветаева была предметом особого внимания Ахматовой».

«...Сейчас нас интересует не общая картина русской поэзии первой половины <XX>века, а цветаевско-ахматовские внутренние связи».

«Показательно..., что у Ахматовой тот свет – ад, у Цветаевой – рай».

«Речь... может идти лишь о перекличке, о том, какие именно стихи в

обеих поэмах перекликаются».

«Начиная с конца 50-х годов у читателей и, особенно, у критики и литературоведения появилась тенденция Ахматову и Цветаеву противопоставлять друг другу, а то и изображать антагонистами. Повод к этому дают устные, как правило, вырванные из контекста (а потому не вполне достоверные), и считанные письменные отзывы поэтов друг о друге».

1991 г.

Филолог Надежда Копылова (Воронежский государственный университет) – в статье «О любви в лирике М.Цветаевой и А.Ахматовой (сравнительный анализ)». Газета «Энтузиаст». Литературное приложение. Город Александров. 30 августа 1991 г.:

«В стихах А.Ахматовой найдём всё: и предчувствие любви, и её зарождение, и развитие, и память о ней. В стихах же М.Цветаевой как бы выражена любовь с первого взгляда и до первого разочарования».

«Любовная лирика А.Ахматовой бесконечно разнообразна и психологически бездонна. В любовной лирике М.Цветаевой больше «высокой болезни», стихи чувства, женской самоотдачи... В любовной лирике А.Ахматовой больше женского, притягивающего к себе мужское, а в любовной лирике М.Цветаевой – больше вечно ж-е-н-с-т-в-е-н-н-о-г-о, зовущего к духовной высоте в любви. В их любовной лирике есть созвучье и разнзвучье, так как есть оно в душах разных женщин».

1991 г.

Либреттистка Галина Козловская – в статье «Мангалочий дворик...», «Воспоминания об Анне Ахматовой», «Советский писатель», 1991:

«К женщинам-поэтам была строга и говорила, что за всю жизнь встретила двух настоящих – Марину Цветаеву и Ксению Некрасову... Так было в Ташкенте, что было потом, не знаю».

1991 г.

Иосиф Бродский – в интервью Соломону Волкову (Соломон Волков «Разговоры с Иосифом Бродским», Нью-Йорк, «СЛОВО-WORD», 1997):

«...Всё, что имеет место в культуре, сводится, в конечном счёте – или можно попробовать свести – к четырём известным нам темпераментам: меланхолик, сангвиник, флегматик и холерик... Цветаева – безусловно, холерический автор. Пастернак – сангвиник. Осип Эмильевич <Мандельштам> – меланхолик. А Ахматова – флегматична».

1991 г.

Иосиф Бродский – в интервью Дэвиду Бетеа «Наглая проповедь идеализма», впервые полностью опубликовано в: «Книга интервью/Иосиф Бродский» (составитель В.Полухина), Москва, «Захаров», Изд.4-е, исправленное и дополненное, 2007:

«По большому счёту, Пастернак менее крупный поэт, чем Цветаева и Мандельштам, и в каком-то смысле менее крупный, чем даже Ахматова...»

Его строфы – это микрокосмос, и в этом смысле, как мне кажется, он обычный еврей... Но как поэт он чрезвычайно интересен... Но тем не менее... Мне не нравится его вектор. Пастернак – поэт центростремительный. А не центробежный. В то время как эти трое (Мандельштам, Цветаева, Ахматова. – Ю.З.) были поэтами центробежными...

Цветаеву я люблю за её библейский темперамент, темперамент Иова, за её, если хотите, философию дискомфорта, за её... не то, чтобы противостояние. А за попытку подойти к пределу...

Что касается Ахматовой, у неё был дар голоса, который звучит вне времени, особенно в её последних стихах...».

1991 г.

Академик Вячеслав Вс.Иванов – в работе «Беседы с Анной Ахмановой», опубликованной в книге «Воспоминания об Анне Ахматовой». Сборник. – Москва, «Советский писатель», 1991:

«Первая... читала Ахматова, потом она ушла из президиума, перешла в правую ложу <Колонного зала>, где слушала, как читает Пастернак. Прослезилась, когда он (Борис Пастернак в Колонном зале) читал реквием Цветаевой».

«Ахматова заговорила о болгарских и югославских поэтессах, которых ей предлагала переводить. «Наша Марина была не такая. Она была москвичка начала века. Декадентка». Эти слова были произнесены с интонацией явной похвалы: вот, мол, какая она была, не чета вам!».

1991 г.

Основатель «Музея трёх поэтов» и Дома Марины Цветаевой, коллекционер Геннадий Аболянин (Новосибирск) – в письме автору настоящего проекта:

«Я более сорока лет собираю всё-всё-всё, связанное с именами Бориса Пастернака, Марины Цветаевой и Анны Ахматовой. Начиная с Бориса Пастернака, чуть-чуть позже присоединилась Марина Цветаева и чуть позднее Анна Ахматова. Так как понял, что они неразделимы, как Земля, Море и Небо» (выделено мною. – Ю.З.).

1992 г.

Писатель-цветаевед Ирма Кудрова – в статье «Соперницы», «Нева». № 9, раздел «Пантеон российской словесности» (повторено в книгах автора «После России», Москва, 1997 и «Просторы Марины Цветаевой», СПб, 2003):

«Пропустим ступени рассуждений и признаем, что творчество Анны Ахматовой и Марины Цветаевой резко разделило на два лагеря поклонников поэтического слова».

«Ахматова сердилась (мы знаем это из воспоминаний Лидии Чуковской), когда её сравнивали с Цветаевой; она утверждала, что такое сравнение непродуктивно. Однако их сравнивали (первым это сделал Бальмонт в 1921 году в журнале “Современные записки”), сравнивают и будут сравнивать. Ибо, кроме всего, сопоставление обостряет наше восприятие неповторимо и особенного в облике и творчестве каждой».

«...Ахматова, работая над стихом, всякий раз создаёт литературное произведение; Цветаева в лирике проживает собственную жизнь...».

«<В стихотворении Ахматовой “Пусть голоса органа снова грянут...” и стихотворении Цветаевой “Попытка ревности”> есть переключки настроений – оба написаны под влиянием сходных жизненных импульсов».

«Известно, что лирику молодой Ахматовой называли «дневниковой». Отмечена была «дневниковой распаханность» и отзывах критиков уже на самый первый сборник Цветаевой «Вечерний альбом»».

«Ахматова в её лирическом дневнике всегда хорошо одета и причесана. Цветаева считает возможным предстать в своих стихах в домашнем халате...».

«Ахматова, по-видимому, искренне не понимала, что Цветаева осваивает новые земли и новые стороны бытия, открывшиеся в XX веке».

«В случае Ахматовой и Цветаевой перед нами со всей очевидностью встают художники-антиподы».

«Итак: уравновешенно-сдержанная, неизменно “воспитанная” поэзия Ахматовой – и экзотически безудержная Цветаевой; «закрытая» при всей своей внешней интимности Ахматова – и безоглядная в исповедальных признаниях Цветаева; певец земных радостей и печалей гармоничная Ахматова – и всегда бунтующая, непримиримая, трагедийная Цветаева, рвущаяся из земных оков;

удерживающая читателя на строгой дистанции Ахматова – и Цветаева, вовлекающая его в соучастники; Ахматова, сохраняющая верность традиционному русскому стихосложению – и Цветаева, взрывающая эту традиционность. Можно и короче: классическая Ахматова – и романтическая Цветаева».

«<Ахматова> несколько десятилетий подряд царила в создании современников, как единственная женщина, успешно соперничающая с виднейшими русскими поэтами XX века...»

...И вдруг на рубеже 50-х годов, сначала в самиздатских списках, а затем в первых советских публикациях зазвучало имя Цветаевой – как имя опаснейшей соперницы, вырвавшейся из тьмы забвения и небытия».

1992 г.

Историк, педагог, публицист, поэт, переводчик Анатолий Якобсон в приложении к книге «Конец трагедии», Вильнюс–Москва, «Весть»:

«Кажется, нет более различных поэтов, чем Цветаева и Ахматова. А они так и ходят вместе... И будут ходить – во веки веков».

1992 г.

Филолог-исследователь Ирина Шевеленко (Стенфордский университет, США) – в статье «По ту сторону поэтики. К характеристике литературных взглядов М.Цветаевой», СПб, «Знамя» № 10, 1992, К столетию Марины Цветаевой:

«...Цветаева говорит... в наброске письма В.Ходасевичу, относящемся к маю 1934 г., т.е. к тому времени, когда Ходасевич практически перестал выступать как поэт: «...Не отрешайтесь, не отрекайтесь, вспомните Ахматову:

**А если я умру, то кто же
Мои стихи напишет Вам? –**

не Вам и даже не всем, а просто: кто – мои стихи...».

1992 г.

Мемуаристка Мария Белкина – в книге «Скращение судеб», Издание 2-е, переработанное и дополненное, Москва, «Рудомино», 1992 (1-е изд. 1988, 3-е изд. 1999):

«Когда Ахматова и Цветаева наконец увидели воочию друг друга в июне 1941 года, то Ахматова потом вспоминала, как Марина Ивановна сказала ей, что она всегда всех расспрашивала, какая она – Ахматова?

– И что же вам отвечали? – спросила её Ахматова.

– Отвечали: просто дама.

Дама – это очень подходило к Ахматовой, к её внешности, к её манере

держаться, говорить. Дама и Цветаева – не сочеталось! Ахматова у себя дома, в гостях ли, в кресле, на диване, на кровати, всегда не сидела, а восседала, прямая, гордая, величественная, статуарная и молчаливая, она не говорила, а роняла слова, точные, весомые, именно те, которые хотела обронить, она знала – потом будут говорить: “Ахматова сказала!..”. Если Ахматова была не согласна с кем-то из присутствовавших, она могла, не возразив, только чуть усмехнувшись, отвернуться, давая понять, что тот, говорящий, недостоин её возражения. Марина Ивановна не только должна была тут же возразить, сказав, что тот не прав, но ещё и убедить того в его неправоте и доказать, что права именно она, и, увлекшись в доказательствах своих, забывшись, унести на Эверест, оставив того, с кем говорила, ползать по земле...».

«Когда-то, полемизируя с теми, кто упрекал Ахматову, что та писала: «"Всё о себе, всё о любви", Марина Ивановна возражала: “Да, о себе, о любви, – и ещё – о серебряной голосе оленя, о неярких просторах Рязанской губернии, о смуглых главах Херсонесского храма, о красном листе, заложенном в Песне Песней, о воздухе, “подарке божьем”... Какой трудный и соблазнительный подарок (выделено Цветаевой. – Ю.З.) поэтам – Анна Ахматова!...”».

«Оба поэта не приняли – не поняли – поэм друг друга... Об отношениях Ахматовой – Цветаевой много говорится разного. Кто-то сравнивал их отношения с отношениями Шумана и Шопена... А кто-то договорился даже до отношений королевы и фрейлины! Королева, конечно, была, но представить фрейлиной Цветаеву? Ахматова понимала, что Цветаева большой поэт, и говорила об этом не раз, но она много в ней не принимала».

«Анна Андреевна, как и Марина Ивановна, ненавидела, презирала всякий быт и с полнейшим равнодушием относились к житейским невзгодам, она делала вид, что не замечает нищеты, нужды, голода ».

1992 г.

Детская писательница Людмила Веприцкая – в статье «Из воспоминаний», Париж, «Русская мысль», 1992, 16 окт.:

«Зашёл разговор об Ахматовой. Говорила одна Цветаева. Сказала, что очень хотела бы повидать её. В конце произнесла: “Если я умру, скажите, что я её любила”».

1992 г.

Поэтесса и критик Надежда Павлович – в статье «Страница памяти», Париж, «Русская мысль», 1992, 16 окт.:

«Я чту Ахматову... Я никогда ей не подражала. Но я знаю, как пишутся такие стихи, как ахматовские. Она для меня не чудо, её творческое мастерство мне понятно. Слушая Цветаеву, я ощущала непостижимое. Я не знаю, как делаются такие стихи».

1992 г.

Цветаевед Анна Саакянц – в статье «Как мы работали с Ариадной Эфрон». «Марина Цветаева. Поэт и время». Выставка к 100-летию со дня рождения 1892–1992. Москва. ГАЛАРТ. 1992.

«...Темы Блока и Ахматовой равнозначны (последнее слово выделено А.Саакянц и А.Эфрон. – Ю.З.) в творчестве Цветаевой... обойти почти полным молчанием цветаевскую Ахматову невозможно...».

1992 г.

Филолог, искусствовед, преподаватель латинского языка Юдифь Каган – в книге «Марина Цветаева в Москве. Путь к гибели». – М.:Отечество, 1992:

«У Цветаевой не было той любви к архитектуре, которая явно была присуща петербургским поэтам, например, Мандельштаму, не было у неё и той нерас- торжимости с городом, которую ощущала в себе Ахматова».

«Анну Андреевну Ахматову Цветаева не видела до своего возвращения в Москву из эмиграции, но стихи её знала и восхищалась ими с 1915 года, а может быть, и ещё раньше...».

«Цветаева посвятила Ахматовой сборник «Вёрсты», изданный в 1922, и 11 стихотворений, адресованных непосредственно Ахматовой в сборнике «Вёрсты», вышедшем за год до этого».

«Прочитав когда-то впервые сборник стихов Ахматовой «Вечер», Цветаева сразу пылко полюбила её, но жизнь их шла по-разному. Долгое время Цветаева совсем не знала, что и как писала Ахматова, как она жила».

1992 г.

Украинский литератор Римма Катаева – в стихотворении «Какой я маленький поэт...»:

«Какой я маленький поэт.../ Как высоки и Анна, и Марина!...».

1993 г.

Доктор филологических наук Н.В. Дзуцева (Ивановский университет) – в статье М.Цветаева и А.Ахматова (к проблеме типа поэтического сознания).

«Константин Бальмонт, Марина Цветаева и художественные искания XX века». Межвузовский сборник научных трудов, Иваново, 1993:

«Рассматривается типологическая общность и различие поэтических систем М.Цветаевой и А.Ахматовой» (эта фраза от редакции. – Ю.З.).

«Вряд ли нуждается в доказательствах тот факт, что М.Цветаева и А.Ахматова обозначили своим явлением новый характер русской поэзии, её новый облик».

«Цветаева и Ахматова не только не отказывались от своей женской природы, но настаивали на ней, опираясь на её субстанциональные, архитипические свойства.

Равновеликость, равноценность, самодостаточность цветаевского и ахматовского миров не снимают, однако, проблемы их противостояния. Полушутливо сформулированная Вен.Ерофеевым разница – «Пенная Цветаева и степенная Ахматова» – имеет основания не только в разнонаправленности читательских ориентаций, но и в самой природе творческого сознания обоих поэтов, определившей и характер поэтики, и их личную творческую судьбу. Неслучайность этих различий позволяет рассматривать «ахматовско-цветаевский феномен» как некое антиномическое единство...».

«Приход Ахматовой и Цветаевой в поэзию совпал с общепозетическим процессом «преодоления символизма», и каждая по-своему утверждала новую поэтику, в основе которой было освобождение слова от наработанных теорией и практикой символизма мистико-религиозных ореолов».

«Позднее цветаевская Москва оживёт под пером Ахматовой как знак крушения личной судьбы Цветаевой, разделившей общенародную трагедию сталинского террора...».

«Очевидно, что взаимоотношения с городом как «сакральным» и у Цветаевой, и у Ахматовой обрели черты духовного самостояния, подвергавшегося испытаниям истории, и этот опыт тоже оказался различным».

«Важно...то, что снимает разнонаправленность личностного и творческого поведения у обоих поэтов: только личность, и прежде всего личность художника, привносит бесстрастно трагический ход отчуждённой истории нравственную меру и духовный смысл».

«...При всей разнице позиций (к романтической традиции. – Ю.З.) отметим

общность: Ахматова как, пожалуй, нигде близка Цветаевой, отводя особое, непререкаемое в этом мире место поэту, – с той лишь поправкой, что осознание поэтической миссии лишено у неё романтического ореола».

«В противовес признанию, сделанному Цветаевой в одном из писем <к Анне Тесковой>, Ахматова устремлена к эпико-трагедийному единению с той человеческой «наличностью», которая в поэтическом сознании А.Блока определялась как «груда человеческого шлака»».

«Относя к «поэтам без истории» А.Ахматову, М.Цветаева, конечно, ошибалась, принадлежа сама больше, чем кто-либо, в этой категории поэтов. Но права она в главном: «В разные устья, из разных истоков, разные в источниках, которые пьют... не разные во всём, а люди разных измерений, – они равны только в одном: силе. В силе творческого дара и отдачи. Следовательно, в силе, по нас, удара». Эти слова взяты из статьи М.Цветаевой «Эпос и лирика современной России», где дан развёрнутый парный портрет поэтической личности Маяковского и Пастернака.

Вполне логично перенести это заключение и на другую поэтическую «пару» – Цветаева и Ахматова».

1993 г.

Композитор Юрий Эдельштейн (Израиль) – в обращении к читателям 24 мая 1993 г., приведённом в конце его книги «Перекличка. Александр Блок. Анна Ахматова. Осип Мандельштам. Марина Цветаева. Борис Пастернак. Поэзия и романс. Музыка Ю.Эдельштейна»:

«Годами вслушиваясь в...перекличку музыки и стиха, я сталкивался с мелодиями ещё одной переклички, сплетающейся с первой, – переклички поэтов и их стихов... Так слышится Анне Ахматовой «на воздушных путях» перекличка голосов Бориса Пастернака и Осипа Мандельштама, а «ветвь бузины» – это отголосок стихотворения Марины Цветаевой «Бузина»...Удивительно, как в пёстрой разноголосице поэтической жизни России выделили эти поэты друг друга, как глубоко они были связаны между собой и с их предвестником Александром Блоком».

1994 г.

Поэт и исследователь творчества Цветаевой и Пушкина Иза Кресикова (Сочи) – в стихотворении «Две поэтессы» из книги «Бесконечный диалог. Памяти Марины Цветаевой», 1994:

«Я знаю двух поэтов – двух богинь. / Был нимб серебряный над каждой головой./

Н.Дзучева, 1993: Поэтическая «пара» Ахматова и Цветаева.

Иза Кресикова, 1994: «Я знаю двух поэтов – двух богинь.

Юлия Друнина, 1994: «Величие Анны/ Мятежность Марины...»

И обе шли средь ледяных пустынь. / Шли, разделённые порошей снеговой./
Одна была медлительно горда / и знала точно друга и врага. /
Другую колотило в холод так,/ будто шла она раздетой до нага...».

1994 г.

Поэт, мемуарист, ахматовед Евдокия Ольшанская (Киев) – в предисловии «От составителя» для приложения «Серебряный век» к журналу «Ренессанс», 1994, Киев:

«И какие удивительные поэты украшают литературу “Серебряного века”! Блок и Ахматова, Гумилёв и Кузмин, Маяковский и Есенин, Цветаева и Мандельштам, Анненский и Волошин, Сологуб и Хлебников, Ходасевич и Бальмонт...».

1994 г.

Поэт, литературный критик, эссеист Валентина Синкевич (Филадельфия) – в статье «Творческое одиночество Марины Цветаевой» для приложения «Серебряный век» к журналу «Ренессанс», 1994, Киев:

«Эгоцентризм? – в нём тоже обвиняли Цветаеву. Но разве Ахматова менее эгоцентрична? Разве мало у Цветаевой стихов о других?».

«Чувство, форма, содержание – у Ахматовой нечто гармоническое, нечто целое. Даже характерный её understatement (Understatement (англ.) – преуменьшение, сдержанное высказывание, замалчивание) умерен, не вызывает сомнения в художественной ценности стихов. Чувство же у Цветаевой благодаря исключительному складу её характера гипертрофированно. Некоторые цветаевские строчки производят впечатление эмоционального отчаяния независимо от того, пишет ли она о несчастной любви, о творческом процессе или заполняет простую анкету».

1994 г.

Поэт Юлия Друнина – в стихотворении «Два сильных крыла...», опубликованном в приложении «Серебряный век» к журналу «Ренессанс», 1994, Киев:

**«Два сильных крыла
Расправляют нам спины –
Величие Анны,
Мятежность Марины.
Всё громче дыханье
Ахматовской шали...
Как страшно в Елабуге
Мы оплошали!**

**Хоть личной вины
Тут, пожалуй, и нету:
Вина ль, что дышать
Стала нечем поэту?**

**Марина и Анна
Марина и Анна!
Гремят имена,
Слово голос органа.
Величие Анны,
Мятежность Марины...
И всё ж повинны,
И всё ж мы повинны! ».**

1994 г.

Коллекционер, ахматовед, врач подводного флота Марк Баженов (Москва) – в статье «Москва и москвичи в жизни и творчестве Анны Ахматовой» для приложения «Серебряный век» к журналу «Ренессанс», 1994, Киев:

«Заочно поэты были знакомы со времени выхода в свет их первых стихотворных книг (1910–1912). Начиная с 1915 года Марина Цветаева посвятила Анне Ахматовой более десяти стихотворений. ...Одно из них, лучшее, на наш взгляд, пронзительно московское <“О Муза плача, прекраснейшая из муз!...”>, написанное 19 июня 1916 года. ...Тема трагической судьбы Марины Цветаевой также нашла отражение в поэзии Анны Ахматовой. Ещё в 1940 г., вскоре после возвращения Марины Ивановны на родину, Ахматова написала стихотворение “Невидимка, двойник, пересмешник...” и собиралась прочесть его адресату при первой встрече».

«Отмечу прямо-таки мистическое совпадение: именно в этой...комнатке <квартиры Ардовых> на Большой Ордынке* в феврале 1957 г. Анна Андреевна рассказывала дочери Марины Цветаевой Ариадне Сергеевне Эфрон (1912–1975), не так давно возвратившейся из туруханской ссылки, о том, как здесь в июне 1941 г. произошла первая личная встреча с её матерью...».

* Фото дома Ардовых, см. 1963 г. Хроники.

1994 г.

Писатель-цветаевед Ирма Кудрова (СПб) – в статье «Третья версия. Еще раз о последних днях Марины Цветаевой», «Новый мир», №2, 1994:

«И об Ахматовой говорили, что она преувеличивает внимание Учреж-

дения к своей особе. Вряд ли это так. Отметим, однако, важное различие в трагическом самоощущении двух русских поэтов. Ахматова прожила в этом отечестве всю свою жизнь (что само по себе не подвиг и не заслуга). Цветаева очутилась в России после семнадцати с лишним лет разлуки. И о чудовищном размахе беззаконий и лицемерия, пронизавших страну снизу доверху, она, конечно, не догадывалась. Вот почему то, что обрушилось на ее семью, вызвало у нее такой шок. Я думаю, мир пошатнулся бы много слабее в ее глазах, если бы ордер на арест предъявили ей самой. Но увели Алю и мужа! Тех, у кого все 30-е годы с уст не сходили слова преданности Стране Советов!».

1994 г.

Independent scholar and translator Lily Feiler (USA) – in a book «Marina Tsvetaeva. The Double Beat of Heaven and Hell». Duke University Press. Durham and London. 1994:

«Marina Ivanovna Tsvetaeva (1892–1941) is finally receiving recognition as one of major Russian poets of this century. In her lifetime she was admired by such renowned poets as Boris Pasternak and Rainer Maria Rilke; Anna Akhmatova saw her as an equal. Yet she had to struggle to have her writings published».

«Interestingly enough, the next cycle, dedicated to Anna Akhmatova, is in full contrast to the angel image of Blok. Akhmatova, the muse of tears, has a demon asleep in her; storms and black magic are her domain but her eyes look down from all the icons. Tsvetaeva's worship of Akhmatova seems to project much of her own myth and her nostalgia for Parnok».

1994 г. (2003 г)

Бельгийский музыковед Франс Ш. Лемэр – в книге Frans C. Lemaire. La musique du XX siècle en Russie et dans les anciennes Républiques soviétiques. Paris. Fayard. 1994 (Цитируется по переводу на русский язык: Франс Ш. ЛЕМЭР. Музыка XX века в России и в республиках бывшего Советского Союза. СПб. ГИПЕРИОН, 2003):

«С самого начала своего композиторского пути <Борис Тищенко> проявляет редкую творческую и гражданскую независимость, написав в 1965 году Вторую симфонию, оп.28, озаглавленную «Марина», на стихи М.Цветаевой, творчество которой было запрещено в СССР на протяжении 40 лет, а в 1966–м – обратившись к Реквиему, оп.35, на стихи А.Ахматовой о жертвах сталинского террора (опубликованные за границей)».

«Символические фигуры: Цветаева, Ахматова, Мандельштам...»

«Если додекафонный мелодизм особенно подошёл изысканным, часто непредсказуемым, стихам Марины Цветаевой, то величие тональности, на этот раз торжественное и скорбное, расцвело в последнем романсе цикла Шостаковича – Анна Ахматова, в котором Цветаева воздаёт проникновенную дань восхищения великой поэтессе, подвергавшейся гонениям на протяжении всей её долгой жизни...».

«...Шостаковичем был написан «Второй концерт для скрипки», в котором иногда пытаются увидеть портрет поэтессы <Ахматовой> – тема его первой части очень близка романсу «Анна Ахматова» из вокального цикла на стихи Цветаевой, оп<ус> 143».

«Путь, от первых посмертных публикаций стихотворений Цветаевой до их официального признания, продолжался тридцать лет. Извечный конфликт поэта и царя, Пушкина и Николая Первого, Ахматовой и Жданова, Мандельштама и Сталина, Пастернака и Хрущёва, Солженицына и Брежнева. Но за страданиями художника и триумфами власти следует вечная слава для одних и презрение истории для других».

1995 г.

Биограф Марины Цветаевой Анна Саакянц – в докладе «Два поэта – две женщины – две трагедии (Анна Ахматова и Марина Цветаева)», прочитанном в Венском университете 19 мая 1995 года (опубликовано в книге «Спасибо Вам! Воспоминания. Письма. Эссе». Москва, Эллис Лак, 1998):

«Конец XIX века принёс России четыре удивительные года.

В 1889–м родилась Анна Ахматова.

В 1890–м – Борис Пастернак.

В 1891–м – Осип Мандельштам.

В 1892–м – Марина Цветаева».

«...Из четырёх поэтов две женщины – ПОЭТЫ. А не поэтессы. На этом настаивали обе: и Анна Ахматова, и Марина Цветаева».

«Две звезды, две планеты... Две женщины, две судьбы, два характера (выделено А.Саакянц –Ю.З.)...».

«Детство той и другой было печальным: “И никакого розового детства”, – сказала Ахматова, – то же могла сказать и Цветаева.

Анна Горенко была тоненькой, изящной и болезненной девочкой – девушкой – дружила с морем...Марина в детстве и отрочестве отличалась неплохим здо-

ровьем, была полновата, румяна, застенчива. К морю, которое впервые увидела в детстве, не привыкла никогда, не полюбила...».

«...Ахматова немного не дожила до 77 лет, Цветаева – до 49ти. Между тем литературное наследие Цветаевой значительно обширнее, нежели ахматовское».

«...Классический образ полулежащей Ахматовой <запечатлен> на фотографиях и рисунках Модильяни.

Представить в подобной позе Марину Цветаеву нелегко».

«Уместно будет сказать об отношении обоих поэтов к смерти...<Цветаева> всегда знала, что уйдёт из жизни. Рано или поздно. Вопрос был только во времени.

Ахматова, невзирая ни на какие обстоятельства, никогда бы добровольно не ушла из жизни».

«Впоследствии<после неустойчивости поэтов в Петербурге в 1916 году>, когда Цветаева будет писать ей восторженные письма, Ахматова отнесётся к ним с присущей ей сдержанностью.

В этих, можно сказать, неравноправных отношениях, пожалуй, сильнее всего выявился контраст натур Ахматовой и Цветаевой».

«...Ахматовская сдержанность была полярно противоположна цветаевской безудержности».

«Если Анну Ахматову бесспорно считают олицетворением женственности, то по отношению к Марине Цветаевой существуют два противоположных мнения».

«Существование Анны Ахматовой после октябрьского переворота являет собой страшную картину.

То же можно сказать и о Марине Цветаевой...».

«Если Ахматова выросла в поэта России, если она несла в себе эпоху (выделено А.Саакянц)..., то Цветаева–поэт превращалась как бы в “гражданина Вселенной”...В стихах Цветаевой нет примет времени, места; они – вселенские, мировые».

«Хотя обе были диаметрально противоположные “пушкинистки” (Цветаева в этом отношении очень раздражала Ахматову), их роднила нелюбовь к Наталье Николаевне Пушкиной».

«Цветаева подчиняла своё вдохновение по-мужски деловому, чёткому режиму. «Вдохновение плюс воловий труд – вот поэт, утверждала она. Она исписывала десятки страниц в поисках нужной строки или даже, или даже слова.

...< Ахматова>, лежа и закрыв глаза, что-то невнятно бормотала, или просто шевелила губами, а потом записывала то, что ей слышалось... Так же они работали и над переводами».

«После Цветаевой <Ахматова> прожила без малого двадцать пять лет. Она осталась «домучиваться». Ей предстояла ещё целая цепь трагедий. И лишь в конце жизни международное признание...».

1995 г.

Поэт, переводчик, писатель, секретарь А.Ахматовой в последние годы её жизни Анатолий Найман – в работе «Поэма без героя», Анатолий Найман. Рассказы о Анне Ахматовой». – М.: АСТ: Зебра Е, 2008. – вкл. – (Знаки времени):

«Осенью 1940 года Ахматова приглядывалась к поэмам современников – Хлебникова, Пастернака, Маяковского, Цветаевой, Багрицкого».

1995 г.

Литератор М.И.Будыко – в книге «Загадки истории». СПб, 1995:

«В стихах “Кем полосонька твоя нынче выжмется...” Цветаева ошибалась, считая, что Анна Ахматова была в близких отношениях с Блоком. Эти стихи Анна Ахматова считает не вполне доброжелательными, а другие стихи Цветаевой к ней – тем более».

1995 г.

Академик РАН Вячеслав Вс. Иванов – в работе «Голубой зверь (Воспоминания)», часть 9, журнал «Звезда», №2, 1995, из цикла Мемуары XX века:

«<Ахматова> мне рассказывала, что единственная её встреча с Цветаевой после возвращения той из эмиграции состоялась дома у Ардовых. Она была уверена, что за ними следят, что их подслушивают. Поэтому, хотя разговор был долгим, он по сути так и не состоялся. Она не сказала Цветаевой то, что хотела сказать, и думала, что Цветаева по сходной причине не могла быть с ней откровенна».

1996 г.

Иосиф Бродский – в интервью поэту Евгению Рейну, журнал «Арион», № 3, 1996:

«<Для того чтобы не писать к заданному сроку статью по-русски, а потом её переводить на английский язык >, ...я просто начал писать по-английски. В

ряде случаев мне это было чрезвычайно интересно, например, статьи о Кавалисе, Монтале, Одене, предисловие к Ахматовой, статью о Цветаевой».

1996 г.

Поэт, переводчик, критик, мемуарист, исследователь русской поэзии, эссеист Лев Озеров – в книге «Дверь в мастерскую. Борис Пастернак, Анна Ахматова. Николай Заболоцкий», Париж–Москва–Нью–Йорк, «Третья волна», 1996:

<Ахматова спросила Озерова при рассмотрении рукописи его очерка о ней>: «Зачем вы сталкиваете, или, что и одно и то же, сравниваете двух совершенно разных поэтов – Цветаеву и Ахматову? Гимназическая затея. Зачем вам это нужно?».

«Натура достаточно сильная, она (Ахматова. – Ю.З.) умела восхищаться наиболее достойными из своих старших и младших современников (назову Анненского, Мандельштама, Пастернака, Цветаеву, Маяковского, Хлебникова, Шенгели). Конечно, в этом ряду был Блок...».

1996 г. (в 2002 г. издан перевод на русский язык).

Американский исследователь Джошуа Рубинштейн в книге “Tangled Loyalties. The Life and Times of Ilya Ehrenburg, New York, Basic Books/ СПб, Академический проект:

«Между 1919 и 1921гг. из-под его (Эренбурга. – Ю.З.) вышло несколько... кратких очерков о двенадцати лучших поэтах России, среди которых были Анна Ахматова, Александр Блок, Андрей Белый, Сергей Есенин, Осип Мандельштам, Владимир Маяковский, Борис Пастернак и Марина Цветаева. Эти очерки выявили вкус Эренбурга и умение распознать поэтическое совершенство».

Фазиль Искандер, 1996: «Два типа художников... в виде двойчатки...»:

1996 г.

Поэт и писатель Фазиль Искандер – в статье «Искренность покаяния порождает энергию вдохновения», Литературная газета, № 66 (5588), 1996:

«Всю мировую литературу я разделяю на два типа – литература дома и литература бездомья. Литература достигнутой гармонии и литература тоски по гармонии...».

«В русской литературе эти два типа художников появлялись нередко в виде двойчатки, почти одновременно.

Так, Пушкин и Лермонтов – достигнутая гармония (Пушкин) и великая тоска по гармонии (Лермонтов). Такая же пара: Толстой – Достоевский. В двадцатом веке наиболее яркая пара: Ахматова – Цветаева».

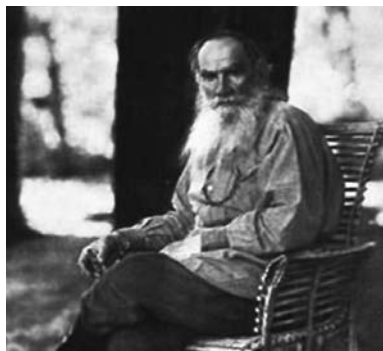
Фазиль Искандер, 1996: «Два типа художников... в виде двойчатки...»:

Александр Пушкин

Михаил Лермонтов

Лев Толстой

Фёдор Достоевский

Анна Ахматова

Марина Цветаева

«Как динамична Цветаева – и как статична Ахматова! И обе – великие поэты. Ахматова – литература дома. Цветаева – литература бездомья...».

«Оба поэта – люди трагической судьбы. Но одна из них сразу стала поэтом дома, а другая – поэтом бездомья».

1996 г.

Итальянская русистка и переводчица М.Цветаевой Айза Пессина Лонго – в статье «Два поэта: Анна Ахматова и Марина Цветаева», *La Pietroburgo di Anna Achmatova* (Анна Ахматова «Ты выдумал меня...»), Bologna: Grafis Edizioni, 1996:

«Ахматова и Цветаева в истории русской поэзии были и остаются двумя самобытными и неподражаемыми Поэтами. Никому из других поэтов, которых много было в мире женской поэзии, не удалось ни раньше, ни после них найти те неожиданные акценты, ту гармонию речи, ту несравненную силу и напряжённую мысль, которые делают бессмертным поэтическое слово, их поэзию, бесспорно, уникальной в мировой поэзии. За свою творческую самобытность и поэтический гений они заслужили самые высокие места на русском Парнасе и поднялись ещё выше, в космос, где два астероида, малые планеты солнечной системы, с 1982 года носят их имена».

«...Этим двум поэтическим голосам, Анны Ахматовой и Марины Цветаевой, судьба уготовила высокую, но трудную задачу – поэтическим языком передать тайный личностный мир чувств и страстей, а также понимание гражданского долга, с разными акцентами, но с единственной целью – оставить о себе память, яркую, всеобъемлющую, выстраданную, где абсолютно все имеет значение и обе всем надо сказать».

«Насколько непохожи А.Ахматова и М.Цветаева как внешне, так и по творческому почерку и эмоциональности, настолько в одинаковой мере их ужасает пустота слова. Их поэзия завоевала сердца читателей благодаря особой выразительности, достигавшейся своеобразной манерой письма: рассудочная, насыщенная, выстраданная трансформация мыслей в простые слова – у одной; жизненная духовная и физическая потребность, страдание и лихорадочный повседневный поиск самовыражения – другой. Их сложные отношения с внешним миром выражались очень сходным образом: именно их внутренний мир способствовал раскрытию другого мира, лишая его материального покрова».

«Основополагающий элемент у обеих – это поэтическое слово, потому что оно – сама память, наблюдение действительности и отражение внутренних

конфликтов; оно наполняется смыслом через безыскусное повествование о простых вещах – одной, и конвульсивными, контрастирующими акцентами, зачастую метафизическим языком – у другой. И над всем этим животворная любовь, дающая жизнь словам, и потому она должна быть исключительной, выстраданной, необычной, не мешающей воображению...».

1996 г.

Prof. Olga Peters Hasty (Princeton) – in a book «Tsvetaeva's Orphic Journeys in the Worlds of the Word». Studies in Russian Literature and Theory. Northwestern University Press. Evanston, Illinois. 1996:

«The acquiescence to male readings of Hamlet and Ophelia of Anna Akhmatova's two-poem cycle Читая Гамлета [While Reading Hamlet, 1909] is entirely alien to Tsvetaeva. In Tsvetaeva's poems a powerful Ophelia addresses a weak, silent. Her madness and the passive horizontality of her entry into death are replaced by the vivacious rectitude of her intrusion into the word of the living...».

«...Poetic voice <of Tsvetaeva> rather than her physical presence was to engage Blok*».

*That Blok would deliver her poem На красном коне[one Red Steed] to Akhmatova is not the least flattering aspect of this plan. This particular messenger would grant to both his own Akhmatova's status...».

1997 г.

Литературный критик, культуролог и эссеист Лев Аннинский – в книге «Серебро и чернь. Русское, советское, славянское, всемирное в поэзии Серебряного века», Москва, «Книжный сад»:

«Они обе – не могли и не хотели жить в «этой реальности». Цветаева пыталась бороться. Ахматова с царственным безразличием и как бы машинально принимала «рабский знак»».

«Обе венценосные – в душе, в глубине души, в сознании своего права. При этом, что внешне обе нищенки... И гордость царственная – у обеих».

1997 г.

Поэт, переводчик Анатолий Найман – в работе «Великая душа», Анатолий Найман. Рассказы о Анне Ахматовой». – М.: АСТ:Зебра Е, 2008:

«Довольно определенно... <Бродский> ставил на первое место Цветаеву – как «поэта без рая», то есть доходящего до края отчаяния, дальше Ахматовой, и как оказавшую на него большее влияние. При этом часто он так говорил о Цветаевой именно в противовес Ахматовой. Он так считал, но тут был ещё и замысел».

1997 г.

Анатолий Найман – в работе «ААА через тридцать три года», Анатолий Найман. Рассказы о Анне Ахматовой». – М.: АСТ:Зебра Е, 2008:

«Есть какие-то «пределы»<, когда у поэта не пишутся стихи>. Если их перейти, то некоторые люди – наиболее чуткие, тонкие – начинают задыхаться... И когда потом неожиданно для них самих к ним придёт волнующая минута вдохновения, и они пишут стихи, – они делают это с таким чувством, как будто в их поступке есть какая-то «греховность». Как это близко к... позднейшим дневниковым заметкам <Ахматовой> об удущье поэта, в частности, Пастернака и Цветаевой, и как это ещё свежо!».

1997 г.

Л.Д. Страхова, составитель, автор предисловия, справочных и методических материалов к книге из серии «Школа классики» «А.Ахматова. М.Цветаева. Книга для ученика и учителя», Москва, Олимп, 1997:

«Среди блистательных имён поэтов Серебряного века выделяются два женских имени: Марина Цветаева и Анна Ахматова».

«Обе они могли бы сказать о себе словами боготворимого ими Блока: «Мы дети страшных лет России...». Тягчайшие испытания уготовила им судьба: стремительный взлёт к вершинам поэзии серебряного века, обожание, поклонение, которыми они были окружены, сменились жестоким,

Л. Страхова: «М.И.Цветаева и А.А.Ахматова были внимательнейшими читателями А.С.Пушкина...».

унизительным, полуголодным, нищенским существованием после октября 1917 года...».

«М.И.Цветаева и А.А.Ахматова были внимательнейшими читателями А.С.Пушкина, внесли значительный вклад в исследование его поэзии...»

В цикле «Стихи к Пушкину» Цветаева утверждает своё кровное, неразделимое духовное родство с Пушкиным, родство по ремеслу и вдохновению. Ей бесконечно близки независимость, бунтарство, бескорыстное служение поэзии «умнейшего мужа России».

Оригинальным исследователем пушкинского творчества была и Анна Ахматова. Не могла не быть! Её царскосельское детство было окутано воздухом русской поэзии и культуры».

«...Творческая переключка двух поэтов продолжалась всю их жизнь. Поразительное сочетание женственности и изящества с мужеством и волей, страстности и порывистости с чеканной филигранностью стиха, неподдельная искренность чувства и глубокие философские раздумья о вечных проблемах бытия – вот что объединяет таких самобытных, таких непохожих поэтов – Анну Ахматову и Марину Цветаеву».

1997 г. (в 2000 г. издан перевод на русский язык)

Профессор Мичиганского университета Омри Ронен (США) – в книге Omry Ronen. The Fallacy of the Silver Age in Twentieth-Century Russian Literatury. Overseas Publishers Association, Amsterdam, 1997/ Серебряный век как умысел и вымысел, О.Г.И., Москва, 2000:

«...Уместно упомянуть...каламбур, сочинённый Мариной Цветаевой, единственным, кроме Ахматовой, большим русским поэтом, у которого встречается термин «серебряный век», в очерке “Чорт”...Очевидно, Цветаева...уже была знакома <к этому времени> с наименованием «серебряный век» и, кажется, приняла его с той же несколько иронической резиньязией, что и Ахматова...В отличие от Цветаевой Ахматова оставалась равнодушна к метонимическому смыслу эпитета «серебряный...»».

«...Только у двух больших русских поэтов и притом в единичных случаях встречаются слова «серебряный век» или «серебряное время» в применении к началу XX века: у Ахматовой и у Цветаевой».

«...Поэты...Пяст, Ахматова, Цветаева пользовались ...<наименованием «серебряный век»> изредка со смутной и иронической покорностью, не снисходя до открытого спора с критиками».

1997 г.

Литературовед Е.М.Иванова – в книге «Шестое чувство. Книга для чтения по истории и культуре Петрограда». Изд. «Белое и Чёрное», СПб, 1997:

««Серебряный век» робко начался в девяностых годах<19-го века>... <Эта эпоха> проявится в творчестве Брюсова, Блока, Вяч.Иванова, Белого, позднее Гумилёва, Мандельштама, Ахматова, Пастернака, Хлебникова, Маяковского, Есенина, Ходасевича, Цветаевой... Последней ярчайшей вспышкой поэтического Ренессанса оказался военный 1915 год. .. 1915 год – высший подъём “серебряного века” и в то же время конец его...».

1998 г.

Филолог Анна Саакянц – в книге «Спасибо Вам!

Воспоминания. Письма. Эссе». Москва, Эллис Лак, 1998:

«...В творчестве Цветаевой циклы стихотворений к Ахматовой и к Блоку занимают равное место, это – циклы–“ близнецы”, ибо образы Блока и Ахматовой, созданные Цветаевой, это образы–“близнецы”».

«<По словам поэта Павла Антакольского>, “продолжение детской игры” – в самом серьёзном понимании этого слова: игра на всю жизнь.....То произошло с немецкими романтиками начала прошлого века, и, – к чему так далеко ходить? – с Александром Блоком, Владимиром Маяковским, Сергеем Есениным, Анной Ахматовой, Мариной Цветаевой...».

«<На вопрос, кто ближе ей Цветаева или Ахматова, поэтесса и писательница, любимая ученица Н.Гумилёва Ирина Одоевцева ответила>: “Цветаева, без всяких сомнений <ближе> — как человек, и как поэт. Ахматову...я вообще не очень любила. Но я тогда не знала её”».

1998 г.

Филолог и журналист Ольга Фейнберг (Израиль) – о своём докладе «Поэты Серебряного века и еврейство» на Международной конференции в Ашкелоне в 1998 году сообщает в статье «Не должно сметь суждение иметь» (Независимый еженедельник «Мост», № 201, 2004):

«В орбиту моего внимания вошли А.Блок, М.Цветаева, А.Ахматова, О.Мандельштам и Б.Пастернак».

1999 г.

Профессор Парижского университета (Сорбонны) Вероника Лосская – в книге «Песни женщин. Анна Ахматова и Марина Цветаева в зеркале русской поэзии XX века», Париж–Москва (русский аналог бельгийского издания на

французском языке 1994 года):

«Перед Ахматовой – звездой, высоко взлетевшей в поэтическом небе Петербурга, у Цветаевой не было иного выхода, кроме как защищать для себя позицию поэта Москвы».

«Оригинальность цветаевской интонации, несомненно, была Ахматовой замечена».

«У Ахматовой и у Цветаевой было общее, одинаковое и очень тяжелое чувство своей постоянной бездомности».

«...Ахматова и Цветаева могут служить живыми воплощениями пушкинского толкования библейского пророка».

«<В эмиграции Цветаева> пишет статьи о Пастернаке, Белом, Кузmine, Волошине и Маяковском и постоянно в них упоминает Ахматову, сопровождая её имя эпитетами восхищения. <По словам Цветаевой, любовь к Ахматовой и Блоку – >это “ключья её сердца” >».

«Когда сравниваешь стихи о любви Ахматовой и Цветаевой, осознаешь все различия, которые придают их голосам такую непохожесть и оригинальность...У обеих прямо выраженные признания в любви очень редки...У обеих любовь окрашена тоже неодинаково: у Цветаевой кровь, чёрный и красный цвет, у Ахматовой пастельные и смягчённые тона, особенно в ранней любовной лирике. Эротизм, однако, выражен у обеих... Ахматова описывает любовь как бы извне, Цветаева создаёт вымышленную ситуацию, в которой она переживает страдание своей героини “изнутри”.... Цветаева воспеваёт влюблённую героиню, тогда как Ахматова описывает своё одиночество или отсутствие своего “царевича”...Ахматова всегда ждёт мужчину и отдаёт ему первенство в действии; в конце концов, она остаётся одна, с воспоминаниями, которые она перевоплощает в Слово. Цветаева торжествует и, даже когда её ранят, в любви остаётся победителем... В любовной лирике ахматовский лиризм уходит далеко за пределы женского и достигает универсальности. Цветаевский лиризм как бы ищет себя... Видимо, у обеих любовь всегда особая. Как и надлежит быть любви».

«...Поэзия Ахматовой и Цветаевой – это поэзия женщин, которой никогда до них не было в русской литературе...<Новый факт в том>, что обе крупные поэты – женщины... В борьбе, чтобы построить свою личность, личность поэта-женщины, Цветаева пошла дальше, чем Ахматова. Ей пришлось поставить вопрос о месте человека перед Творцом, уже как бы решённый Ахматовой...».

«Ахматову покоряет пушкинская гармония. В то время как для Цветаевой Пушкин – бунтарь, потому что он настоящий писатель–творец».

«Ахматова и Цветаева обе прожили всю свою жизнь в уверенности, что у них было одно–единственное призвание, один долг – служить поэзии, потому что обе осознавали себя поэтами».

«...Ахматова и Цветаева были обе уверены в божественной природе своего творчества».

«Обеих женщин разделяют, конечно, и вопросы характера: Цветаева горда и высокомерна, тогда как Ахматова скромна и величава».

«...Творчество Ахматовой выглядит более разработанным, творчество Цветаевой более сложно».

«Тайна абсолютного различия между Ахматовой и Цветаевой, тайна их общего языка, тайна поэтов, тайна самой поэзии».

1999 г.

Писатель Тарас Бурмистров – в статье «Москва и Петербург», tb99.chat.ru, 25 февраля 1999:

«...Даты рождения Пушкина и Блока разделяет всего 81 год, причем пушкинская стилистика несколько опережает свое время, как видно из сравнения ее с манерой Тютчева и Баратынского. Чуть позже, чем Блок, родились Ахматова и Мандельштам, стиль которых еще немного усложняется по сравнению с блоковским. Это нормальное течение стилистического процесса, но параллельно ему постоянно возникают «модернистские», относящиеся совсем к другой стилистической эпохе, опыты москвичей: Андрея Белого, Цветаевой, Маяковского, Пастернака».

1999 г.

Анатолий Найман в книге «Славный конец бесславных поколений», Вагриус, Москва, 1999:

«Бродский нельзя сказать чтобы сопротивлялся навязанной ему роли и статусу любимого ученика Ахматовой, но, во всяком случае, отнюдь не приветствовал. Довольно определённо он ставил на первое место Цветаеву – и как «поэта без рая», то есть доходящего до края отчаяния, дальше Ахматовой, и как оказавшую на него большее влияние. При этом часто он так говорил о Цветаевой именно в противовес Ахматовой».

2000 г.

Языковед, филолог, литературовед, писатель, поэт, профессор, академик Вячеслав Вс.Иванов, «Избранные труды по семиотике и истории культуры» в трёх томах, Москва, «Языки русской культуры», 1999–2004, том II «Статьи о русской культуре»:

«В последние годы литературоведы и поэты увлеклись родословной той русской строфы, которой написана «Поэма без героя» Ахматовой, изучали кузминскую и цветаевскую строфу, ей предшествующую... Ритмический эксперимент в кузминском «Георгии», возможно, сказан в последующих метрах эпических сочинений Цветаевой. Метры Кузмина оказываются не только для Ахматовой, но и для других поэтов этого времени источником постоянных новшеств».

«На поэзии Бодлера, как позднее на вещах Верлена, Рембо, Лотреамона, лежал отсвет потрясений и бурь, во многом перекликающихся с событиями, чьим современником и участником была Цветаева. К этому созвездию великих поэтов Франции прошлого века, как и пришедшим после Блока русским поэтам – Пастернаку, Маяковскому, Хлебникову, Есенину, Клюеву, Цветаевой, Ахматовой, Мандельштаму, приложимы – с поправкой на век и на страну – слова, сказанные Цветаевой в статье «Поэт и время»: «Ни одного крупного русского поэта современности, у которого после Революции не дрогнул и не вырос голос, – нет»».

«<Цветаевская> необычайная близость к русской народной словесности, выделяющая её среди почти всех современных ей великих русских поэтов (за исключением Ахматовой...), сказались...глубже всего... в самом внутреннем построении лучших её стихов с присущей народной песне чередованием во-просов и ответов двух голосов...».

2000 г.

Филолог и редактор Татьяна Горькова – в докладе «Соревнования короста...» (Некоторые штрихи творческих и личных взаимоотношений Марины Цветаевой и Анны Ахматовой)», прочитанном в 2000 г. в Париже на симпозиуме «Марина Цветаева и Франция. Новое и неизданное», Москва, Русский путь, 2002:

«Цветаева и Ахматова – две крупные поэтические фигуры, которые заполнили собой все “женское литературное пространство”, оставив для претендентов место лишь на её окраинах».

«...Цветаева, с одной стороны, признаваясь в любви к «сестре» (к Ахматовой. – Ю.З.), с другой – награждает её убийственными характеристиками».

«...Она (Цветаева. – Ю.З.), пожалуй, не любит, а заставляет себя любить соперницу (и полюбила!) – чья слава больше и звучнее, чем её, она хочет убедить себя в этой любви к ней».

«...Творя Ахматову, а главное, своё отношение к ней, Цветаева творила также и самое себя, свой литературный образ: поэта Москвы, коленопреклоненного перед «Музой Царского Села»».

«Цветаева связывает жизни и судьбы – свою и Ахматовой, предрекает одинаковое будущее: «Не отстать тебе! Я – острожник,/ Ты – конвойный. Судьба одна...»».

«Между Ахматовой и Цветаевой, видимо, существовала какая-то неприязнь, о которой мы пока мало знаем».

«...Ахматова всегда делала ответные шаги, никогда не начинала первой, никогда не инициировала переписку. Цветаева же со своей стороны хотела большего – любить в свою меру, «т.е. без меры», как она сама говорила...».

«Они... были сёстрами в поэзии, но отнюдь не близнецами; абсолютная гармоничность, духовная пластичность Ахматовой, столь пленившие Цветаеву, впоследствии стали ей казаться качествами, ограничивавшими ахматовское творчество и развитие её поэтической личности».

«...Для Ахматовой Цветаева – из тех, «кто бросил землю на растерзание врагам» и кого Ахматова никогда не принимала».

«В стихах Ахматовой присутствует постоянная переключка с Цветаевой».

«...Ахматова остаётся чуждой Цветаевой, что видно из её высказываний...31 октября 1959 г. Чуковская отметила в своём дневнике: “Я у неё спросила: “Как же понравилась ей Цветаева о Пастернаке и Маяковском?”

– Как всё у Марины. Есть прозрения и много чепухи».

Запись <Чуковской> от 26 апреля 1959 г.: «Выше всего она ставит (Ахматова у Цветаевой. – Ю.З.) “Мать и музыку”: “это гениальная вещь”. “Мой Пушкин” – не нравится – “Марину на три версты нельзя подпускать к Пушкину, она в нём не смыслит ни звука”».

«Цветаева и Ахматова принадлежали... не только к разным кастам, но и к разным мирам, разным измерениям».

2000 г.

Литературовед и историк русской литературы проф. Лазарь Флейшман (Стэнфорд) – в работе «Первая публикация пастернаковской статьи «О Шопене» (В кругу Живаго. Пастернаковский сборник. Ed. By Lazar Fleishman, Stanford, 2000, Stanford Slavic Studies. Vol.22):

«Ценность издания <польской антологии «Два века русской поэзии (1947)>... прежде всего в том, что оно отражает характер восприятия в Польше русской литературы в тот момент в «незамутненном», так сказать, виде: за исключением Ахматовой, изъятый из него вследствие доклада Жданова... Антология включила в себя стихи Марины Цветаевой и Осипа Мандельштама, бывших под таким строгим запретом в Советском Союзе, что даже имена их практически не могли быть упомянуты в прессе».

2000 г.

Филолог Елена Айзенштейн – в книге «Борису Пастернаку – навстречу! Марина Цветаева», СПб, Журнал «Нева», Изд. «Летний сад»:

«В «Полотёрскую» Цветаева вводит образцы-реминисценции из «Сказки о чёрном кольце» А.Ахматовой («Кольцо бабкино пропало»).

Сафо отождествляется <Цветаевой> с ивой, склоняющей ветви в воду. Когда в 1921 году Цветаева прочла стихи А.Ахматовой, она отнеслась не слишком доброжелательно...

...В стихотворении <“Ива”, из книги “Из шести книг”, 1940> Ахматова делает то же, что и Пастернак – рыдает об иве. Но Цветаева не видит в ахматовских строчках ничего, кроме, «содержания», может быть, потому что у Пастернака речь о его лирической героине, у Цветаевой – об Ахматовой и только у Анны Андреевны – сама она, её собственное чувство, сконцентрированность на самой себе...».

2000 г.

Профессор Витебского университета, доктор филологических наук Валентина Маслова – в книге «Марина Цветаева. Над временем и тяготением», Минск, ЭКОНОМПРЕСС, 2000:

«После поездки в Петербург в Цветаевой неожиданно проснулся московский поэт, который был намерен соревноваться с петербуржцами – Блоком и Ахматовой, представляя и воспевая Москву».

2001 г.

Английский либеральный мыслитель оксфордской философской школы Исайя Берлин в книге «История свободы Россия», Москва, НЛО:

«<Во время Великой Отечественной войны> среди солдат на передовых

необычайно выросла популярность наиболее личных стихотворений Пастернака <и> таких великолепных послереволюционных поэтов, как Ахматова. Блок, Белый и даже Брюсов, Цветаева и Маяковский».

«В некотором смысле Ахматову, Гумилёва и Марину Цветаеву можно считать последними крупными голосами поэзии XIX века, последними представителями второго русского возрождения...».

2001 г.

Литературовед Станислав Рассадин в книге «Русская литература: от Фонвизина до Бродского», Москва, СЛОВО/SLOVO:

«<Современный поэт Инна>Лиснянская – не просто “после” или “между”: чистая “цветаевка” по открытому темпераменту, она тем не менее за годы своего совершенствования проделала путь к “ахматовской” сдержанности, гармонии и мере».

2001 г. (год посмертной публикации интервью)

Иосиф Бродский – в интервью главному редактору польской “Gazeta Wyborcza” Адаму Михнику, «Старое литературное обозрение», № 2, 2001:

«Цветаеву я прочитал (в библиотеке Ленинградского университета, как работник геологического факультета. – Ю.З.), когда мне было 22–23 года. А вот Ахматову стал читать гораздо позже, как ни странно. Когда я с ней познакомился, я даже не представлял себе, что это за поэт».

«Ясное дело, Ахматова считала себя русским поэтом. Даже органически русским. По средствам выражения. Однако её темперамент, я сказал бы, совершенно не русский. Гораздо более русской поэтессой – если говорить о темпераменте – была Цветаева. Ахматова исключительно хорошо владела собой. <Её “любимым поэтом”> был Гораций. Это всё объясняет».

«Мы с тобой говорили об Ахматовой и Цветаевой. И я сказал, что бабы были так превосходны, потому что мужики были ни к чёрту».

2001 г.

Филолог Вячеслав Головкин, профессор Ставропольского университета – в книге «Три встречи», Ставрополь:

«...О Цветаевой Ариадна Сергеевна <Эфрон> говорит не как дочь о матери, а как вдумчивый исследователь, глубоко проникающий в суть и бездны смысла цветаевской поэзии, в полной мере осознающей уникальность, новизну её эстетики и художественного языка...С точки зрения Ариадны Сергеевны, философское постижение

СПб. Вид на Казанский Собор.
Рис. Исаака Загоскина.

Москва. Кремль.
Рис. Леонида Пастернака.

Москва. Цветные литографии 19 века.

Успенский собор в Кремле

Церковь Рождества Богородицы
на Малой Дмитровке.

сущностных антиномий бытия, напряжённые поиски тайного смысла трагедийности живого человеческого существования и жизни вообще, «астральность» художественных образов и т.д. – всё это отличало Марину Цветаеву от собственно поэтесс, к которым безоговорочно относилась и Анна Ахматова».

2001 г.

Филолог Татьяна Геворкян (Ереван) – в статье «Несколько холодных великолепий о Москве. Марина Цветаева и Осип Мандельштам», журнал «Континент», № 104, 2001:

«...<Мандельштам> называл себя антицветаевцем и был согласен с Ахматовой в том, например, что «о Пушкине Марине писать нельзя... Она его не понимала и не знала» (слова Ахматовой по записи Лидии Чуковской. – Ю.З.).»

2001 г.

Исследователь русской культуры, директор Библиотеки Конгресса в Вашингтоне, проф. Джеймс Х. Биллингтон – в книге «Лики России. Страдание, надежда и созидание в русской культуре», Москва, «Логос», 2001:

«Русскую поэзию Серебряного века отличало огромное разнообразие экспериментальных стилей...

Впервые после правления великих императриц XXVIII века женщины стали играть заметную роль в русской культуре благодаря поэзии. Марина Цветаева была одной из лучших – одной из многих, покончивших жизнь самоубийством. Последняя графиня предреволюционного аристократического Петербурга Анна Ахматова написала две элегические поэмы, величественные, как дворцы Растрелли: «Поэму без героя» и «Реквием»».

2001 г.

Из беседы Иосифа Бродского с польским поэтом Чеславом Милошем, «Старое литературное обозрение», № 2, 2001:

«Ч.М.: Моё знакомство с Мандельштамом было довольно поздним. На самом деле я даже не знал о его существовании...

И.Б.: Примерно до какого времени?

Ч.М.: До послевоенного.

И.Б.: До пятидесятых, надо полагать. А что вы скажете о двух других – Ахматовой и Цветаевой? Их вы прочли, наверное, тоже относительно недавно, в послевоенные годы?

Ч.М.: Да, в послевоенные...».

2001 г.

Журналистка, основатель Русского культурного центра в г. Реховоте Аида

Злотникова (Израиль)– в статье ««От века желанное нам...». К истории отношений М.Цветаевой и А.Ахматовой». Приложение к газете «Новости недели» («7 дней», Тель-Авив), 30 августа 2001 (повторено в книге автора «...И с просьбой о любви», Иерусалим, «Филобиблон», 2007):

«Цветаева наслаждается ахматовским словом и не только славит её в своих стихах, но и утверждает равенство их поэтических судеб».

«В 20–е годы Ахматова для Цветаевой противоречива и многолика, она и земная, и небесная: “От ангела и от орла в ней было что-то”, “разъярительница бурь”, “насылательница метелей”, “краса грустная и бесовская”, “чернокнижница”, “крепостница”, “горбоносая”, “златоустая Анна всяя Руси”».

«Однажды Белкина (см. 1992 г. хроники. – Ю.З.) сказала, что стоило произнести имя Ахматова – и все кидались. А Цветаева?...».

«...Цветаева, при своём неистовстве, была для Ахматовой невозможна».

«Цветаева нигде не упоминает о встрече с Ахматовой <в 1941 году в Москве >...».

2002 г.

Кандидат филологических наук Надежда Копылова (Воронежский университет) – в статье «О любви в лирике М.Цветаевой и А.А.Ахматовой: сравнительный анализ», Вестник ВГУ. Серия Гуманитарные науки. 2002.

№ 1:

«Анна Ахматова и Марина Цветаева – эти имена в сознании читателей взаимно, как магнитом, притягивают друг друга, и особенно в любовной лирике».

«...Для лирических героинь лирики А.Ахматовой и М.Цветаевой любовь – это прежде всего боль...Для обеих одним из основных в любовной лирике является состояние брошенной, разлюбленной женщины...».

«Общим мотивом звучит в лирике А.Ахматовой и М.Цветаевой отношение той и другой лирической героини к сопернице: равнодушие, чувство гордого женского превосходства, но не зависть и не ревность к ней – “простой женщине”, “трухе рыночной” (М.Цветаева), “дурочке” (А.Ахматова)».

«...На вопрос, чья любовная лирика – А.Ахматовой или М.Цветаевой – вам больше нравится, мужчины гораздо чаще женщин отвечают: “Конечно, А.Ахматовой”,...женщины гораздо чаще отвечают: “Конечно, М.Цветаевой!”».

«...”Вихрь” между любящими в лирике М.Цветаевой не психологический, не изнутри их отношений, как в лирике А.Ахматовой (а ранее – лирике Ф.Тютчева), но извне: междустранье, пространство...».

«Любовь, по Н.Бердяеву, это не “не несение тяготы и бремени “мира” и “пола”, а “творческое дерзновение”, любовь всегда “не от мира сего”, она выражает мировую гармонию и тяготеет в духовном плане к слиянию душ, к “андрогинизму”” (Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества). В этом смысле любовная лирика М.Цветаевой и А.Ахматовой находятся на противоположных полюсах».

«Веселье в любви, озорство, улыбка...Мы найдём всё это в лирике А.Ахматовой, но не М.Цветаевой».

«...В лирике А.Ахматовой, а опять-таки не М.Цветаевой, есть и много жестоких шуток, зла, проклятий, отвращения, предательства, вторгающихся в любовные отношения...».

«Следующее различие между любовной лирикой поэтов заключается в том, что лирическая героиня А.Ахматовой всегда несёт в своей душе память любви, будто память-тяжесть или память-благодарность...».

У М.Цветаевой нет подобного. Её лирическая героиня на редкость беспамятна, чувство любви никогда не живёт для неё в прошлом, она не тянется к нему воспоминаниями...».

Вместо памяти в любовной лирике М.Цветаевой – равнодушие и как мгновенное и навсегда разочарование в любимом. В стихах А.Ахматовой найдём всё: и предчувствие любви, и её зарождение, и развитие, и память о ней».

«Не будем судить, какая любовь выше: «счастливейшая» (и одновременно горькая) любовь к Родине А.Ахматовой или женская надгосударственная любовь лирической героини М.Цветаевой, так как обе они равно неподсудны».

«Любовная лирика А.Ахматовой бесконечно разнообразна и психологически бездонна. В любовной лирике М.Цветаевой больше «высокой болезни», стихии чувства. Женской самоотдачи...В любовной лирике А.Ахматовой в целом больше психологической зрелости, опыта; в любовной лирике М.Цветаевой – больше вечной юности...В любовной лирике А.Ахматовой больше женского, притягивающего к себе мужское, а в любовной лирике М.Цветаевой – больше вечно женственного, зовущего к духовной высоте в любви. В их любовной лирике есть созвучье и разнозвучье, так как есть оно в душах разных женщин: тех, кто

любит их лирику; и тех, кто, быть может, с нею даже не знаком».

2002 г.

Филолог-исследователь Ирина Шевеленко – в книге «Литературный путь Цветаевой. Идеология–Поэтика–Идентичность автора в контексте эпохи».

(Москва, «Новое литературное обозрение», 2002, на основе докторской диссертации, защищённой в Стенфорском университете (США) в 1998 году):

«Ахматова у Цветаевой – больше фольклорная, “народная” героиня; христианские черты в её облике сведены к минимуму...».

«...”Преклонение” <Цветаевой> перед Блоком и Ахматовой было именно легендой, мифом, родившимся в процессе переосмысления собственных стихов».

«...Большинство поэтов поколения Цветаевой... выступило с эссеистикой на самых ранних этапах творчества, да и в дальнейшем не теряло к ней интереса... Наиболее заметным исключением является Ахматова, в чьём творчестве эссеистика вообще никогда не заняла существенного места (её историко-литературные статьи и мемуарные скетчи принадлежит к иному ряду)».

2002 г.

Литератор и переводчица Наталья Резникова – в статье «Всё в ней было не-померно, как её талант», «Марина Цветаева в воспоминаниях современников: Годы эмиграции», Москва, Аграф, 2002 (по материалам публикаций автора в 1974 г. (Париж, «Русская мысль») и в 1981 г. (Париж, Нью-Йорк, «Вестник РХД)):

«Два больших поэта-женщины – Ахматова и Цветаева, любили Некрасова...».

2002 г.

Редактор Гослитиздата Зинаида Кульманова – в статье «Что я помню», «Марина Цветаева в воспоминаниях современников: Возвращение на родину», Москва, Аграф, 2002:

«Однажды Марина Ивановна процитировала строки Анны Ахматовой, после чего заметила, что требует от жизни гораздо меньше, чем Ахматова».

2002 г.

Филолог Л.Л.Кертман (Москва)– в докладе «Образ Натальи Гончаровой в Пушкинианах Анны Ахматовой и Марины Цветаевой» на X Международной научно-тематической конференции (Московский Дом-музей Марины Цветаевой, 9–11 октября 2002 года, сборник докладов конференции, Москва, 2003):

«Каждая из них воспринимает «Натали» как антиподный себе женский тип, чуждый и неприемлемый; однако при той психологической пропасти, что

разделяет их самих, они неизбежно акцентируют при освещении её личности совершенно разные свойства души, характера, поведения».

«Если Марина Цветаева, исходя из несоизмеримого масштаба личности гениального поэта и его жены, не допускала мысли, что от её поведения могло хоть что-то зависеть, и убеждённо видела в Натали только «повод смерти Пушкина, с колыбели предначертанной», то Анны Ахматова, напротив, была глубоко возмущена её полным непониманием ситуации, позволившим врагам поэта осуществить свои холодно продуманные, выверенные интриги...».

2002 г.

Литературовед, критик, поэт Инна Кулишова (Тбилиси) – в статье «По ту сторону строки» (рецензия на книгу «Как работает стихотворение Бродского. Из исследований славистов на Западе», 2002), Сетевая СЛОВЕСТНОСТЬ, www.netslova.ru:

«...Судьба и творчество Овидия, Данте, Пушкина, Мандельштама, Цветаевой и Ахматовой являются культурным фоном этого стихотворения (речь идёт о стихотворении И.Бродского «Я входил вместо дикого зверя в клетку...», разбираемого в названной выше книге проф.В.Полухиной, Лондон. – Ю.З.)».

2002 г.

Языковед, ученица академика В.В.Виноградова, И.И.Ковтунова – в факультативе «Языковые портреты русских поэтов. Анна Ахматова. Марина Цветаева», еженедельник «Русский язык», № 17/2002, издательский дом «Первое сентября»:

«Основные черты поэтического языка А.Ахматовой – классическая ясность и точность слова, его прозрачность слова, сдержанность и лаконичность стиля высказывания, строгость и стройность поэтической структуры – как в архитектуре Петербурга.

...Ахматову сближает с Пушкиным не только классическая ясность, но и гармоническое соответствие между мыслью и словом, между красотой душевного движения и совершенством поэтической формы... <, что > создаёт в поэзии особое свойство – неотменимость, обязательность, непреложность, твёрдость сказанного...

Поэтический гений Ахматовой проявляется в выборе и соположении деталей, которые рожают смысловую глубину текста...

Стихи Ахматовой обычно завершаются афористически заостренной мыслью или лаконичной формулировкой чувства... В поэзии Ахматовой отразился трагизм XX века. Ахматова сказала о нём «неповторимые слова»...

Поэтический язык А.Ахматовой глубоко индивидуален и в то же время об-

ладает способностью быть голосом многих...».

«...Стихия русской речи была М.Цветаевой целиком подвластна. Поэзия М.Цветаевой обнаружила перед читателем чудо языка, чудо его возможностей...

Поэзия М.Цветаевой гармонически сочетает традиционный поэтический язык с небывалой новизной. Поэтические открытия М.Цветаевой соответствуют тенденциям эпохи. В то же время М.Цветаева принадлежит к тем, кто участвовал в создании этой эпохи и, выйдя за её пределы, стал достоянием будущих времён...

Одной из новаторских тенденций в первой четверти XX века было стремление к ритмической (а значит, и смысловой) выделенности слова в поэтическом тексте... У М.Цветаевой обособление слова и части слова... связано с особым ритмом, в создании которого немаловажную роль играет характер повторов.

Своеобразие индивидуального ритма Цветаевой и уникальность её интонации основаны на удивительном контрасте: повышенная музыкальность – как у символистов – сочетается в её стихах с повышенной выделенностью слова и его обособленностью. Стих произносится толчками... Отсюда пристрастие к знаку тире... Стиховая ткань М.Цветаевой пронизана сквозными повторами по горизонтали строк и вертикали строф. Повторяются все элементы речи – звуки, слова, части слова, грамматические формы, части предложения, синтетические конструкции. Обилие повторов делает речь музыкально ощутимой, рождает музыку стиха...

Для мышления М.Цветаевой особенно характерны сопоставления и противопоставления, нередко охватывающие весь текст...

Многие стихи с синтетическими и лексическими повторами звучат как закликания...

Главная особенность Цветаевой как поэта – глубокое погружение в жизнь языка, одержимость стихией речи, её динамикой, её ритмами. Одновременно это и погружение в стихию образов – образы русского фольклора, русской языческой мифологии, античной мифологии, библейские образы, образы мировой литературы и др. Образы выражают себя в слове, в речи».

2002 г.

Любительница поэзии София Гольдберг – в сетевой рубрике «Про Анну Ахматову» (www.lovehate.ru):

27/03/02, София Гольдберг

«Анна Ахматова одна из создателей русской поэзии, возможно, она лучший русский поэт (для меня – да). Пожалуй, с ней могут сравниться только Марина Цветаева да Белла Ахмадулина».

2003 г.

Прозаик и поэт Евгений Терновский (Париж) – в статье «О Марине Цветаевой» («Новый журнал», Нью-Йорк, № 231, 2003):

«Не менее сдержанными были свидетельства о Цветаевой Владимира Васильевича Вейдле и Сергея Сергеевича Оболенского. Вейдле (литературный критик – Ю.З.) в те времена жил по соседству со мной... <Однажды он> пригласил меня на чашку чая... Меня удивила и несколько позабавила страсть Вейдле к нарочито простонародным русским словечкам, производившим странное впечатление в соседстве с французскими и немецкими фразами, которыми он охотно оснащал свою речь. Таким несколько макароническим стилем, в частности, была написана статья об Ахматовой, отрывки из которой он прочитал. «Цветаева? Ах, да — Цветаева. Прекрасное дарование... А кого из поэтов чтут сегодня в России? Мандельштам? Прекрасное дарование! И Ходасевича? Я хорошо знал его... Цветаева — что ж — большой талант... Грешен, грешен, предпочитаю Ахматову!».

2003 г.

Историк С.И.Романовский – в книге «От каждого – по таланту, каждому – по судьбе», Санкт-Петербургский университет:

«Марина Цветаева незадолго перед возвращением в СССР написала, что непосредственное соприкосновение с советской действительностью ни для кого добром не закончилось. Все за это заплатили: «Гумилёв – жизнью, Кузмин, Ахматова, я – пожизненным заключением в самих себе»...».

Кого ни возьми: А.Блока, В.Хлебникова, Н.Гумилёва, В.Маяковского, В.Ходасевича, С.Есенина, Б.Пастернака, А.Ахматову, М.Цветаеву, Н.Заболоцкого, О.Мандельштама – всем им революция предъявила один счёт, который они смогли оплатить лишь своей трагической судьбой».

«...Марина Цветаева, не задумываясь, отдала Ахматовой <в 1916 г.> лавровый венок первого поэта России».

2003 г.

Цветаевед Ирма Кудрова – в книге «Просторы Марины Цветаевой», СПб: «Молодая Ахматова примеряла к себе маску аристократки, молодая Цветаева – роль простолюдинки или цыганки, живущей щедро и безоглядно».

«Сравнение с Анной Ахматовой, как мне представляется, особенно оттеняет «русскость» Цветаевой. В ней «московское», российское начало явственно победило; Ахматову же неслучайно называли «европейкой». На фоне гармонич-

ной, неизменно сдержанной, никогда не теряющей над собой власть Ахматовой особенно чёткий контур обретает безудержность Цветаевой, её обнажённая эмоциональность и душевная открытость».

2003 г.

Филолог Елена Айзенштейн – в книге-исследовании «Сны Марины Цветаевой», СПб, «Академический проект», 2003:

«Воображение Цветаевой занимала и Анна Ахматова, чьи стихи впервые вошли в её сердце “в утренний сонный час”, в час сновидений. Анну Андреевну Цветаева представляла таинственной восточной царицей с узким станом, с падающей, словно мантия, турецкой шалью».

«Главной поэтической соперницей..., с кем 15 августа <1916 года в своих стихах этого дня> творчески соревновалась Марина Ивановна, кого уверяла, что споёт о Блоке “как никто другой”, была Анна Ахматова».

«Марина Цветаева, как и Ахматова, колдунья из леса. Чернокнижница, чьи стихи зачастую вырастают из страстей и душевных смут».

«...Львиную породу ощущала Цветаева в себе и в сестре по ремеслу – в Анне Ахматовой, разъярительнице ветров...».

2003 г.

Поэт Евгений Евтушенко – в статье «Анна Ахматова», «Новое русское слово», 22–23 ноября 2003 г.:

«И её <Ахматовой>собственный родной брат, и «братики» слились у неё в единую боль. Где уже не было ни красных, ни белых. Эта её боль и была её родиной. В этом, при всём несходстве и стилей и характеров, она нравственно одина с Мариной Цветаевой».

«В отличие от открыто взрывчатой Цветаевой, ахматовская постоянная виноватость беспрестанно вступала в трагический конфликт с её взрывным темпераментом, скрываемым под внешней замкнутой кротостью... Она себя чувствовала виноватой перед Гумилёвым, перед Модильяни, перед Мандельштамом, перед Цветаевой».

2003 г.

Доктор филологических наук, лингвист Ирина Ковтунова – в книге «Очерки по языку русских поэтов. А.Блок. Ф.Тютчев. Ф.Фет. И.Анненский, А.Ахматова. М.Цветаева», Москва, «Азбуковик»:

«О точности деталей у А.Ахматовой хорошо написала М.Цветаева: «Когда молодая Ахматова в первых стихах своей первой книги дает любовное смятение строками:

***Я на правую руку надела
Перчатку с левой руки, –***

она одним ударом даёт всё женское и всё лирическое смятение <...>... Словом, из двух ахматовских строк рождается богатая россыпь широких ассоциаций, расходящихся, подобно кругам на воде от брошенного камня. В этом двустии – вся женщина, весь поэт и вся Ахматова в своей единственности и неповторимости, которой невозможно подражать. До Ахматовой никто у нас так не дал жест (слово «так» выделено Цветаевой. – Ю.З.)».

«Ещё на одну деталь обратила внимание М.Цветаева в стихотворении А.Ахматовой 1917 года < “По твёрдому гребню сугроба...” >: “И шпор твоих легонький звон” – это нежнее всего, что сказано о любви” (из письма Ахматовой 1921 года)».

2003 г.

Поэт Евгений Рейн, проф. Литературного института в Москве – в книге «Заметки марафонца. Неканонические мемуары». Екатеринбург: У-Фактория, 2003:

«...В первые послесталинские годы...поднялись над нами великие фигуры – Пастернак, Ахматова, Мандельштам, Цветаева – образовав что-то вроде заколдованного квадрата».

2003 г.

Литературовед Александр Чех – в статье «Эйдетический перенос из «Поэмы воздуха» М.Цветаевой в «Поэму без героя» А.Ахматовой, Язык и культура., Новосибирск, 2003:

«Взаимосвязь двух поэм представляется, как это ни странно, процессом, завязка которого приходится на взаимоотношения их авторов, но развитие существенно выходит за их рамки.

Фактически их траектории пересеклись в единственной точке: в той двухдневной встрече Анны Ахматовой и Марины Цветаевой 7–8 июня 1941 года в Москве, которая произошла после многолетней личной и литературной разобщённости, и когда два поэта скорее разминулись, чем встретились».

2003 г.

Поэт, педагог, мемуаристка, правнучка сестры Афанасия Фета по шеншинской линии Наталья Николаевна Горбачёва (г.Королёв, Московская область) – в

Н. Горбачёва: «Смотрю на два портрета/ Соперниц ли, подруг...»:

АА (фрагмент портрета)
Художник Нина Коган, 1929 г.

МЦ
Художник Ариадна Эфрон, 1928г.

Н. Горбачёва: «Великих два начала: /Холодный блеск Невы/
И свет золотоголовой /Красавицы Москвы»:

СПб.
Река Нева.

Москва.
Фрагмент старинной открытки.

стихотворениях «Она и ты» и «Наверно, всё же зря пыталась...» из цикла, посвящённого Марине Цветаевой, книга «И сколько не прошло столетий. Страницы лирики. Книга 7-ая », Москва. МИП РИА, 2003:

ОНА И ТЫ

(Она – это Ахматова, ты – Цветаева. – Ю.З.)

*Смотрю на два портрета
Соперниц ли, подруг,
Что пламенем кометным
Взорвали жизни круг.*

*Великих два начала:
Холодный блеск Невы
И свет золотоголовой
Красавицы Москвы.*

*Гордыня и надменность –
И тёплый, нежный взгляд
О многом непременно,
Я знаю, говорят.*

*Ах, милая Марина,
Ужель не поняла
Ты зависти незримой,
Что в божестве жила?*

*Наверно, всё же зря пыталась
Ты растопить бездушья лёд,
Когда лишь тёплых слов искала
Ты много дней из года в год.*

*А ей, холодно-величавой,
Покоя не было: а вдруг –
А вдруг делить придётся славу?
Тут не до нежных чувств подруг!*

***И всё же ты в венке России
На равных с ней, как дивный лал!
Вы обе, разные, красивы:
Такими Бог вас пожелал!***

2003 г.

Литературовед Л.Ф.Кацис (Москва) – в докладе «Цветаева и Хармс: возможные параллели (к постановке проблемы)» на XI Международной научнотематической конференции (9–11 октября 2003 года) «Чужбина, родина моя!». Эмигрантский период жизни и творчества Марины Цветаевой. Сборник докладов. Дом–музей Марины Цветаевой. Москва. 2004:

«На сегодня ясно, что не только Анна Ахматова, но и Марина Цветаева “научила женщин говорить”, а проблема “как их замолчать заставить” для поэзии Цветаевой едва ли не более актуальна, чем для стихов Ахматовой».

2003 г.

Литературовед Мария Боровикова (Тарту) – в статье Цветаева и Ахматова (вокруг последнего стихотворения Марины Цветаевой <«Все повторяю первый стих...»>). Блоковский сборник (Кафедра русской литературы Тартуского университета) – Тарту, 2003. – [Вып.] XVI: Александр Блок и русская литература первой половины XX века:

«Тема творческих взаимоотношений Анны Ахматовой и Марины Цветаевой давно и вполне оправданно привлекает внимание цветаеведов».

«Интерес к Ахматовой, начиная с 1910–х гг., сопутствовал всему творчеству Цветаевой. Возвращение на родину в 1939 г. естественным образом способствовало усилению этого интереса, так как, с одной стороны, предоставляло в руки Цветаевой новые публикации Ахматовой, а, с другой, возобновляло надежду на личную встречу».

«<Вернувшись в Россию>, Цветаева читает новые советские издания Ахматовой, <о чём> свидетельствует ее записная книжка».

«Стихотворение Ахматовой «Новогодняя баллада» было опубликовано в первом номере журнала «Русский современник» за 1924 г. Этот номер вполне мог быть доступен эмигрантскому читателю, тем более что интерес к нему мог подогреваться некоторой его скандальностью. Журнал «Русский современник» <...> подвергся жесткой критике, в том числе и за стихи Ахматовой, опубликованные в № 1 <...> журнал закрыли... Таким образом, это стихотворение могло быть известно Цветаевой еще в эмиграции».

«...Несмотря на утверждение исследователя (речь идёт о Генрихе Горчакове и его книге “Глазами современника”. М., 1997. – Ю.З.), что у Цветаевой с “тем стихотворением” “нет переключки”, цитатный пласт в “Всё повторяю первый стих...” легко выявляется простым сопоставлением текстов, которое показывает, что для Цветаевой актуальны оба стихотворения–предшественника. Мало того, эта полигенетичность отчасти является организующим принципом стихотворения».

«Использованная Цветаевой в первой строфе (и в эпиграфе) цитата отсылает одновременно к двум стихотворениям: она берет именно ту строчку Тарковского, которая практически дословно цитирует Ахматову: “Стол накрыт на шестерых...” (Тарковский) — “Там шесть приборов стоят на столе...” (Ахматова)».

«...Блоковский пласт, наличествующий в обоих претекстах цветаевского стихотворения, у самой Цветаевой присутствует в инверсированном виде. С этим связана группа мотивов, оказавшихся неактуальными для Тарковского, но подхваченных Цветаевой напрямую у Ахматовой. Во–первых, это, так сказать, “детализация” накрытого стола: “там шесть приборов стоят на столе...” (Ахматова), “за непоставленный прибор сажусь...” (Цветаева). Эти “приборы” потом в обоих стихотворениях конкретизируются и превращаются в “стакан”: “Хозяин, поднявши полный стакан” (Ахматова); “Раз! — Опрокинула стакан” (Цветаева). Во–вторых, это мотив крови, ключевой для Ахматовой (заметим, что в “Поэму без героя” он введен именно при помощи цитаты из “Новогодней баллады”): “пальцы мои в крови” (Ахматова) — “вся кровь из ран” (Цветаева). У Цветаевой отмеченные нами мотивы связаны друг с другом и объединены в одну сюжетную линию...».

«В данной работе нам хотелось в общих чертах обозначить цитатное поле, в котором существует последнее цветаевское стихотворение, и показать, что оно не просто связано с “ахматовским” циклом (в широком значении слова), но связано именно с теми текстами, которые послужили источниками “Поэмы без героя” Ахматовой. Кроме того, хотелось бы отметить, что повторное обращение к тому же сюжету в новом жанре дало возможность Цветаевой с большей отчетливостью обозначить авторскую позицию: активность ее лирической героини с декларативной прямоотой репрезентирует авторскую активность по отношению к чужому слову».

2003 г.

Поэт, критик, педагог, редактор журнала «Стороны света» Ирина Машинская (Нью–Йорк) – в рецензии «Соревнования короста в нас не осилила родства» на книгу Вероники Лосской «Песни женщин. Анна Ахматова и Марина Цветаева в зеркале русской поэзии XX века». Газета «Новое русское

слово» от 8–9 февраля 2003 г., Нью-Йорк:

«Удивительные открываются совпадения. Вот, например, 1915 г. У обеих <поэтов–женщин> резкая смена поэтики и важная в жизни встреча: у Цветаевой – Парнок, у Ахматовой – Анреп. 1923 г. – Ахматова: встреча с Пуниным; Цветаева: Родзевич...»

Впрочем времени для обеих нет, они его не заметили. Ахматова навсегда осталась в 1913–м, Цветаева – в 1916–м. Обeim тогда по 24».

«Да, общее интереснее очевидных различий. Цветаевские нотки у Ахматовой, ахматовские нотки у Цветаевой, вплоть до словесных и даже интонационных (что самое удивительное) совпадений, прямота осанки, высказываний, мышления, и всё это “незаметно–мужское”...».

«Вероника Лосская показывает, что своевольная поэтика Цветаевой сложилась такой, как мы её знаем, не совсем спонтанно, но прежде всего как противопоставление ахматовской. Не прямое влияние – от противного, осознанное создание себя – то есть своего образа – и, следовательно, поэтики – другой... Довольно смелое утверждение...».

2003 г.

Филолог Наталья Фатеева – в книге «Поэт и проза. Книга о Пастернаке», Москва, «Новое литературное обозрение», 2003:

«По заглавиям–адресам определяются собеседники поэта <Пастернака>, живые и мёртвые: “Маяковскому”, “Мейерхольдам”, “Борису Пильняку”, “Анне Ахматовой”, “Брюсову”, “Марине Цветаевой”, “Памяти Рейснер”, “Памяти Марины Цветаевой”».

2004 г.

Профессор кафедры славистики Еврейского университета в Иерусалиме Владимир Хазан – в предисловии к сборнику докладов XI Международной научно–тематической конференции (9–11 октября 2003 года) «Чужбина, родина моя!». Эмигрантский период жизни и творчества Марины Цветаевой. Дом–музей Марины Цветаевой. Москва. 2004:

«В сознании тех, кто читал Цветаеву и писал о ней, причём далеко не из самых скудоумных, за её стихом закрепился некий “фирменный” знак “истеричности”, “взвинченности”, возникающий всякий раз при малейшем упоминании имени поэта, ср. характерный пример, выдернутый наугад, из потока многих подобных: в рецензии на сборник Л.Алексеевой “Лесное солнце”(1954) А.К.Браиловский замечал, что “при всём своеобразии”, автор “ближе всего к “Чёткам” Анны Ахматовой. Ей чужда истерическая, несколько манерная рас-

трёпанность Марины Цветаевой...”(Новое русское слово, 1954, №15555)».

2004 г.

Преподаватель русского языка и литературы в St.Michael's College Светлана Ельницкая (штат Вермонт, США) – в книге «Статьи о Марине Цветаевой», Москва, Дом–музей Марины Цветаевой:

«Говоря об исключительности, царственности Ахматовой, которая “у нас одна”, Цветаева сравнивает её с Луной (не с Солнцем)... А над будущей могилой Ахматовой – “кресты крапивы”».

2004 г.

Актриса Алла Демидова – в телевизионном интервью русскому TV RTN, Нью-Йорк:

«Цветаеву и Ахматову вместе читать нельзя. Они обе где–то высоко–высоко и не совмещаются друг с другом».

2004 г.

Литературовед Лев Шилов – в книге «Голоса, зазвучавшие вновь: Записки звукоархивиста–шестидесятника», Москва, Изд. «Русаки»:

«“Стиль скорбного воспоминания” – основная краска чтецкой манеры Ахматовой, придавая звучанию её стиха строгость, торжественность, вместе с тем приглушает сложную многокрасочность психологического рисунка её стихотворений, затушевывает обаятельную женственность её ранних произведений и суровую трагичность поздних.

Восприятие же стихов И.Северянина, М.Цветаевой и особенно В.Маяковского слушателями было гораздо полнее, результативнее, чем читателями. В чтении этих поэтов выражалось и то, что в тексте произведения не содержалось или было малозаметно, легко могло быть пропущено даже внимательным читателем».

2004 г.

Прозаик, критик, драматург, преподаватель–славист Ирина Чайковская (Бостон, США) – в статье «Марина Цветаева. Алмазный венец Марина» в книге эссе, статей и интервью «Карнавал в Италии», Seagull Press Baltimore, 2007:

«Переключку страшных судеб двух Марин (Марины Мнишек и Марины Цветаевой) уловила Анна Ахматова в стихах, посвящённых Цветаевой...».

«...Цветаева была «царицей на Москве», ощущала себя в какой–то мере московским противовесом царственной петербуржанки Ахматовой».

«Ахматова и Цветаева, каждая в своём роде, воплотили представление о женщине-поэте, наделённой высочайшим поэтическим даром и заплатившей за него по самой высокой цене».

2004 г.

Филолог И.Б.Ничипоров (МГУ им. М.В.Ломоносова) – в докладе «Образы стихий в «блоковских» стихотворениях М.Цветаевой, А.Ахматовой, Б.Пастернака» на XII Международной научно-тематической конференции

(Дом-музей Марины Цветаевой, 9–11 октября 2004 года, сборник докладов конференции, Москва, 2005):

«...Крупнейшие представители – М.Цветаева, А.Ахматова, Б.Пастернак – на разных этапах творческого пути стали создателями диалогически соотносящихся друг с другом “блоковских” стихов и циклов».

«“Блоковские” циклы трёх крупнейших поэтов Серебряного века по своему культурфилософскому содержанию явились актами напряжённого самопознания отечественной культуры в пору исторических катастроф».

«Хронотоп циклов Цветаевой и Пастернака, построенных на архетипических лейтмотивах, в большей степени носит условно-поэтический характер, тогда как у Ахматовой он напрямую соотносён с реалиями «петербургского» и «московского» «текстов»».

2004 г.

Профессор В.А. Маслова (Витебск, Белоруссия) – в книге «Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой», учебное пособие, Москва, «Флинта», «Наука», 2004:

«Марина Цветаева, живя вдали от мужа, глубоко переживала разлуку. “Пишу, справляю быт, рвусь к Сереже”, читаем в письме Цветаевой к Е.О.Волошиной. И к Ахматовой: “Жизнь сложна. Рвусь, потому что знаю, что жив...”».

«Циклы <стихотворений> важны для творчества таких поэтов, как А.Блок, А.Ахматова, Б.Пастернак, М.Цветаева».

2005 г.

Поэт Евгений Евтушенко об одном из своих курсов в университете Тулсы (США) – в беседе с журналистом Владимиром Нузовым, “Seagull/Чайка”, №5, March 11, 2005:

«...Самый большой успех, пожалуй, выпал на долю сдвоенного курса

Ахматова – Цветаева... Американцев покоряет сила их духа и страсть в любви – более сдержанная у Ахматовой и безудержная – у Цветаевой».

2005 г.

Действительный член Академии искусств Украины, доктор искусствоведения, кандидат филологических наук, профессор Вадим Скуратовский – в телефонном интервью Ирине Панченко (Филадельфия – Киев, 18 марта 2005), проведённого по просьбе автора Хроники:

«Этих двух поэтесс, Ахматову и Цветаеву, можно сравнивать биографически. Что же касается их творчества, то они были в разных художественных измерениях: одна была классиком, другая – модернисткой, авангардисткой».

2005 г.

Главный редактор журнала «Новый журнал» в 1994–2005 гг. (The New Review, Нью-Йорк, – преемник журнала «Современные записки», Париж), поэт, писатель, исследователь, профессор Вадим Крейд – в статье «Георгий Иванов в двадцатые годы» («Новый журнал» № 238, 2005), говоря о его книге «Петербургские зимы», цитирует литературного критика Юрия Иваска без указания даты высказывания:

«Ахматова, Пастернак, Мандельштам, Цветаева. Это последние большие русские поэты. Некоторые добавляют ещё трёх. Но Ходасевичу мешал скепсис, Гумилёву – наивность, а Маяковскому – политика. Я бы назвал пятого – Георгия Иванова, с чем не согласились бы ни Ахматова, ни Цветаева. Обе они не прощали ему воспоминаний “Петербургские зимы”».

2005 г.

Филолог и издатель Майя Левянт – в предисловии к составленному ею сборнику «Венок Цветаевой. Стихотворения», Beyond the Barriers Inc., Minneapolis, USA, 2005:

«Стихи и Ахматовой, и Мандельштама, и Пастернака говорят о том, как питательно было присутствие в их жизни Марины <Цветаевой>. Естественно, их присутствие было питательно для неё, и в целом – для русской поэзии».

«Ю.Мориц... утверждает, что именно потому, что были Анна и Марина, «быть поэтессой в России труднее, чем быть поэтом. Единица женской силы в русской поэзии – 1 ахмацвет».

«Бузина и рябина – цветаевские поэмы. И если у поэта есть в стихотворении их образы, то скрытая или открытая соотносённость с Цветаевой обязательно обнаружится. Вот ведь и Ахматова письмо от Марины уподобила ветви бузины».

2005 г.

Поэтесса Зоя Цыбульская – в стихотворении «Анна – Марина» в сборнике «Венок Цветаевой. Стихотворения» (составитель М.Левянт), Beyond the Barriers Inc., Minneapolis, USA, 2005:

«Одна – представляла себя желанной,/ Другая – хотела простора./ Одна играла Красавицу Анну,/ Другая – роль Командора. Одна находила себе утешенье/ В придуманной чьей-то любви./ Другая – не зная успокоенья,/ Всё строила Храм на крови...».

2005 г.

Филолог С.Ю.Артёмова, Тверской государственный университет – в докладе «Гамлетовские «лики» в лирике А.А.Ахматовой и М.И.Цветаевой» на XIII Международной научно-тематической конференции (Московский Дом-музей Марины Цветаевой, 9–12 октября 2005 года, сборник докладов конференции, Москва, 2006):

«Стихотворения А.А.Ахматовой “Читая Гамлета” и М.И.Цветаевой “Офелия – Гамлету”, “Офелия – в защиту королевы”, “Диалог Гамлета с совестью” ...содержат отсылку к трагедии “Гамлет, принц датский”. Логично было бы предположить, что в их лирике “я” героинь будет сопоставляться с шекспировской Офелией, примеряя на себя её маску, – и, таким образом, трагедия Шекспира будет прочитываться сквозь призму личности лирического героя.

Однако всё оказывается сложнее. С помощью отсылки к Шекспиру Ахматова создаёт многомерный образ истины, Цветаева же подчёркивает множественность голосов, но единственность истины».

«...Используя шекспировский сюжет, и Ахматова, и Цветаева создают, по сути, свой вариант гамлетовского мифа».

«Диалог Гамлета у Ахматовой и Цветаевой...принципиально отличен: в стихотворениях Ахматовой он выявляет равноправие голосов, в лирике Цветаевой один голос отрицает другой».

2005 г.

Писатель, поэт, литературовед Дмитрий Быков – в книге «Борис Пастернак». – М.: Молодая гвардия. 2005. – (Жизнь замечательных людей: Сер. Биограф.; Вып. 962).

«...Трагизм Цветаевой в её (Ахматовой. – Ю.З.) системе ценностей недостаточен, потому что в нём слишком много надрыва, истерики... и слишком мало достоинства. Ахматова любила поэтов, отвергающих соблазны, – тогда как Цветаеву и Пастернака роднила именно жажда всё испытать и только

потом отвергнуть...».

«Пастернаковская и цветаевская экспрессия казалась Ахматовой дурновкусием».

«...Музыкальной Ахматовой и Блока в России XX века не было никого. Впрочем, «музыкальной» – ещё не совсем то слово: мелодичней (ибо цветаевский полифонизм – скажем, в “Крысолове”, – тоже ведь музыка, только иная, более сложная)».

2005 г.

Писательница Наталья Громова – в книге «Дальний Чистополь на Каме...». Писательская колония: Москва–Чистополь–Елабуга–Москва. Дом-музей Марины Цветаевой, Москва–Елабуга, 2005:

«<Цветаева> разминувшись в Чистополе с Тарковским и Ахматовой (да и с Пастернаком. – Ю.З.), приехавшими сюда в октябре 1941 г.».

Уже ушедшая Цветаева будет неоднократно появляться на дорогах Ахматовой. Она возникнет в Чистополе, в рассказах Лидии Чуковской, появится в Ташкенте как тень, следующая за Муром (Георгий Эфрон – сын Марины Цветаевой. – Ю.З.). И каждый раз Ахматова будет отмечать пересечения, которые происходят на её пути».

«Невозможно отделаться от мысли, что и Ахматова, и Тарковский, а затем и Пастернак пытались смотреть на дома, улицы, Каму её (Цветаевой. – Ю.З.) глазами».

2005 г.

Литературовед, проф. Еврейского университета в Иерусалиме Роман Тименчик – в книге «Анна Ахматова в 1960–е годы» – М.: Водолей Publishers; Toronto: The University of Toronto (Toronto Slavic Library. Volume 2), 2005:

«Образы ивы, одно из ахматовских наваждений, внедрённое Мариной Цветаевой в стихотворный ахматовский портрет (“Не этих ивовых плавающих ветвей // Касаюсь истою, – а руки твоей!”), был для Анны Ахматовой пробным камнем новой поэтики...».

«Мандельштам с Цветаевой и составили основную часть возникшего тогда

(начало 60–х годов 20 века. – Ю.З.) Самиздата, появление которого Анна Ахматова приветствовала...».

«В эти дни в Москве модные молодые поэты вели салонные разговоры о двух направлениях поэтической традиции, представленных именами двух женщин-поэтов “прекрасная и грустная, как сама Анна Ахматова”, и “мужественно-трагическая”, как Цветаева».

«В “Позднем ответе” Анна Ахматова как “разъяснительница ветров, насыла-тельница метелей”, названная так в цветаевском стихотворении “Ты, срывающая покров”, вызывает и насылает “московские дикие стоны вьюги”. И делает это вполне цветаевким enjambement’ом».

2005 г.

Доктор филологических наук И.И.Ковтунова – в работе «Категория лица в языке поэзии», опубликованной в книге «Поэтическая грамматика» (научное издание Института русского языка им.В.В.Виноградова Российской академии наук). Том I – М.: ООО Издательский центр «Азбуковник», 2005 (на обложке книги стоит: Москва. 2006):

«А.Пушкин говорил о “божественном” глаголе (“Но лишь божественный глагол / До слуха чуткого коснётся”). Ср. у А.Ахматовой: И просто продиктованные строчки /Ложатся в белоснежную тетрадь. У М.Цветаевой: “О мир, пойми! Певцом – во сне открыты/ Закон звезды и формула цветка”».

«Крайне сдержано и скупо употребляет местоимения первого лица А.Ахматова. Способы устранения я у Ахматовой аналогичны тем, которые есть у А.Блока. Особенно характерны для Ахматовой слова сердце, душа, проходящие через всю лирику. В поэзии М.Цветаевой можно наблюдать парадоксальное совмещение частности слова я с отсутствием эгоцентризма в структуре стиха. Цветаевское я – это я поэта, который служит миру (“Много незваных на царский пир, – Надо им спеть на ужин! Милый не вечен, но вечен – Мир. Не понапрасну служим”) и приносит себя в жертву миру. В жизни поэту во многом отказано, его судьба трагична (“Поэты мы – и в рифму с париям”). Поэтому и человеческое я у Цветаевой несёт на себе печать этого служения, отдачи себя миру. В цветаевском я преобладает душа...».

2005 г.

Доктор филологических наук Н.А.Кожевникова – в работе «Конструкция перечисления», опубликованной в книге «Поэтическая грамматика» (научное издание Института русского языка им.В.В.Виноградова Российской академии наук). Том I – М.: ООО Издательский центр «Азбуковник», 2005 (на обложке книги стоит: Москва. 2006):

«Перечислительный ряд включает в себя генитивные метафоры разных

типов (далее приводятся через запятую цитаты из стихотворений нескольких поэтов; привожу только Ахматову и Цветаеву, идущих подряд. – Ю.З.): ...”Всё тебе: и молитва дневная, /И бессонницы млеющий жар, /И стихов моих белая стая,/ И очей моих синий пожар” (А.Ахматова), “И тучи оводов вокруг равнодушных кляч/, И ветром вздутый калужский родной кумач, и посвист перепелов,/ И большое небо,/ И волны колоколов над волнами хлеба...”(М.Цветаева)...».

2005 г.

Доктор филологических наук В.Н.Виноградова – в работе «Определения в поэтической речи», опубликованной в книге «Поэтическая грамматика» (научное издание Института русского языка им. В.В.Виноградова Российской академии наук). Том I – М.: ООО Издательский центр «Азбуковник», 2005

(на обложке книги стоит: Москва. 2006)*:

«...Поэтическое произведение обращено, как правило, не (или не только) к реальному адресату, но к неопределённому читателю в первую очередь:

***“Откуда такая нежность,
И что с нею делать, отрок
Лукавый, певец захожий,
С ресницами – нет длинней?”***

***Мальчишескую боль высвистывай,
И сердце зажимай в горсти...
Мой хладнокровный, мой неистовый,
Вольноотпущенник – прости!”***

М.Цветаева

***“Я сказала обидчику
Хитрый, чёрный,
Верно, нет у тебя стыда;***

***Как улыбкой сердце болью ранишь
Ласковый, насмешливый и грустный.***

***Солеею молений моих
Был ты, строгий, спокойный, туманный”.***
А.Ахматова».

«Устойчива...и следующая синтаксическая структура, поясняющая, кон-
кретизирующая признак:

“Небо бело страшной белизною”

А.Ахматова

“Он тонок первой тонкостью ветвей”

М.Цветаева».

«В стихотворении “Занавес” М.Цветаева создаёт окказиональное прилагательное от сновидение: сноведенными зарослями, сноведенным лесом сонных снадобий; ср. в другом стихотворении: сновидящее материнство Скалы.

У А.Ахматовой выразительно повторение неожиданных метафорических сочетаний с наречием парадно в “Поэме без героя”:

“Так парадно обнажена;

Как парадно звенят полозья”».

2005 г.

Доктор исторических наук Нелли Комолова (Институт всеобщей истории РАН, Москва) – в книге «Италия в русской культуре Серебряного века. Времена и судьба», Москва, «Наука», 2005:

«В начале века в Италию совершили “паломничество души” почти все русские поэты той поры, чьи имена составили затем славу отечественной поэзии: Д.Мережковский, А.Блок, В.Брюсов, А.Белый, М.Кузмин, Вяч.Иванов, М.Волошин, Б.Пастернак, А.Ахматова и Н.Гумилёв, М.Цветаева и Осип Мандельштам».

«На освоение наследия русского Серебряного – сначала в эмиграции, а потом и в отечестве – понадобилось почти сто лет. Культурные достижения и обретения этого уникального периода российской истории могут рассматриваться как культура целого века...Связанная с Италией, созданная там или посвященная ей, поэзия А.Блока, Вяч.Иванова, Н.Гумилёва, А.Ахматовой, О.Мандельштама, М.Цветаевой, А.Лозина-Лозинского, помогала утверждать вечные ценные ценности человеческого бытия».

СПб. Казанский собор с памятниками
Кутузову и Барклаю по краям анфилады

МЦ. Участок Тверского бульвара
с памятником Пушкину

2005 г.

Журналист, литературовед, теледокументалист Вячеслав Недошивин – в книге «Прогулки по Серебряному веку: Дома и судьбы», СПб, Издательский Дом «Литера», 2005:

«Две женщины, два великих поэта и две, увы, тёмные лестницы тех лет... Да, князь <Сергей>Волконский невольно связал их – Ахматову и Цветаеву. В то время они знали друг друга только по стихам. Сюда, на Сергиевскую, придёт сначала письмо от Цветавой со словами: “Вы мой самый любимый поэт”, а потом и лазурная “старинная кашемировая шаль”, которую привезёт в подарок Ахматовой от Марины Борис Бесарабов. Ахматова в ответ отдаст ему для Цветаевой стихи и кольцо – “тоже очень старинное”.

Сами же они, как известно, увидятся впервые лишь через двадцать лет – в 1941–м».

«У Цветаевой...был “её Пушкин” – памятник поэту в Москве, на Тверском. У Ахматовой оказалось даже два памятника – Кутузову и Барклаю».

Москва, Большая Никитская, 6/3.

В этом доме, в одной и той же квартире, в разное время проживали оба поэта. Фото В.Недошивина.

2005 г.

Культуролог Юлий Зыслин, кандидат технических наук, основатель «Вашингтонского музея русской поэзии и музыки» и «Аллеи русских поэтов и композиторов» в столице США – в статье «Анна Ахматова. Марина Цветаева. Хроника сопоставлений». Журналы «Зеркало», №№ 9, 10, 11, 12 (172 – 175), 2005. Миннесота (США) и «РЕНЕССАНС», №№ 2, 3, 4(48–50), 2005. Киев:

«...Сопоставление двух современниц, двух знаменитых поэтов-женщин – Анны Ахматовой и Марины Цветаевой – многократно производилось с самого начала их творческого пути и в самых разнообразных ракурсах».

2005 г.

Литературовед Мария Боровикова (Тарту) – в статье «К вопросу о творческих взаимоотношениях Ахматовой и Цветаевой (портрет поэта)». Журнал *Toronto Slavic Quarterly*, №13, 2005:

«У нас нет возможности подробно говорить здесь об эволюции образа Ахматовой в поэзии Цветаевой, отметим лишь, что стремление отграничить цикл 1916 г. от всего, что было ею сказано по поводу Ахматовой до того, отразилось и в эссе «История одного посвящения» (1931), где Цветаева оставила свидетельство, несколько озадачивающее исследователей».

«Первое упоминание об Ахматовой возникает у Цветаевой в контексте критического дискурса о ней».

«...Элементы < зарождающегося с выходом первого ахматовского сборника “мифа” об Ахматовой > начинают активно тиражироваться в стихах современников, отчасти повторяя и развивая линию, намеченную Гумилевым (образ “колдуньи” и “отравительниц”, к которому восходят мотивы особого, тайного знания, ранней старости, смерти и смертоносности), и в то же время

намечая новую линию, связанную с рефлексией над поэтикой и тематикой ранних сборников Ахматовой. Особое место в этом “мифе” занимает “портретная” линия, заданная, как кажется, самой Ахматовой (стихотворение “Наше мелких четок ряд...”, 1913) и активно продолженная современниками в мадригалах и живописных портретах.

Цветаева остро ощущает уникальность этой ситуации для русской культуры начала XX в., и стихотворение февраля 1915 г. “Анне Ахматовой” фиксирует ее стремление определить свое отношение к этому “мифу”».

2006 г.

Журналист Вячеслав Недошивин – в интервью корреспонденту газеты «Известия» Оксане Гречко («Известия» №58, вторник, 04.04.2006).

«...В одной <московской> квартире, не зная об этом, жили <в разные годы> два великих поэта: Цветаева и Ахматова... Эта квартира в доме по Большой Никитской, 6/3...цела».

2006 г.

Филолог Константин Поливанов – в книге «Пастернак и его современники», Москва, ГУ ВШЭ, 2006:

«Борис Пастернак вступил в литературную жизнь в начале 1910-х годов практически одновременно с Владимиром Маяковским, Осипом Мандельштамом, Анной Ахматовой, Мариной Цветаевой».

2006 г.

Актёр, режиссёр, поэт, прозаик, пушкинист Владимир Рецептер – в своей книге «Записки театрального отщепенца», СПб, журнал «Звезда», 2006:

«В ноябре 1962-го Литературный музей в Москве готовил ахматовский вечер, и Анна Андреевна Ахматова составила план... “Поэму без героя” должна была прочесть Нина Антоновна Ольшевская. Пока вечер то разрешали, то запрещали, у Нины Антоновны случился инсульт. И к марту 1965-го план был переработан: доклад В.Я.Виленина о поэзии А.А.Ахматовой; выступление Ю.Г.Оксмана о пушкинской теме в её творчестве. Далее – Д.Н.Журавлёв: стихи А. Блока, М.Цветаевой и другие, посвящённые юбиляру...».

2006 г.

Пиательница и цветаевед Ирма Кудрова – в обновлённой статье «Контрасты и лики Марины Цветаевой», взятой как предисловие к сборнику докладов XIII Международной научно-тематической конференции (Дом-музей Марины Цветаевой, Москва, 2006):

«Сравнение с Анной Ахматовой, как мне представляется, особенно оттеняет “русскость” Цветаевой. В ней “московское”, российское начало явно победило; Ахматову же неслучайно называли “европейкой”. На фоне гармоничной, неизменно сдержанной, никогда не теряющей над собой власть Ахматовой особенно чёткий контур обретает безудержность Цветаевой, её обнажённая эмоциональность и душевная открытость».

2006 г.

Британская поэтесса и переводчица Элен Файнштейн – в книге «Анна Ахматова», Москва, Эксмо, 2006, пер. с англ. Татьяны Новиковой (Elaine Feinstein, *Anna of All the Russias*, Originally published in Great Britain by Weidenfeld&Nicolson, London, 2005):

«Ахматова переносила несчастья с огромным достоинством и самообла-

данием. Единственная равная ей по таланту русская поэтесса Марина Цветаева назвала её «Анной вся Руси», как чествуют цариц».

«Узнав о смерти Цветаевой, Ахматова была в отчаянии».

«И Ахматову и Цветаеву по праву можно причислить к числу величайших поэтов Европы XX века... По характеру эти женщины абсолютно не походили одна на другую. Ахматова сохраняла достоинство даже перед лицом трагедии. Цветаева никогда не скрывала захватывающих её эмоций. Поэзия Ахматовой классически сдержана, Цветаева постоянно изобретала новые формы. Ахматова всегда отказывалась покинуть Россию. Цветаева последовала за мужем в изгнание. Но обе поэтессы были мучительно несчастливы, и немалую роль в этом несчастье сыграл сделанный ими выбор.

Голоса Цветаевой и Ахматовой тоже различны. Голос Цветаевой имел много тонов. Её стихи отличает сложная пунктуация, авторские перекосы и ударения. Страницы её стихов пестрят тире и восклицательными знаками. Ахматова также часто использовала аллюзии, но её стихи всегда очень строги, сдержанны и точны».

«Биографам бросается в глаза и ещё одно различие между Ахматовой и Цветаевой. Ахматова была очень красива. Мужчины продолжали влюбляться в неё до самой старости. Цветаева же, хотя и была самой значительной женщиной для всех тех, кто её любил, никогда не пользовалась повышенным мужским вниманием.

Невозмутимая мужественность Ахматовой ничем не напоминала неуёмную энергетику Цветаевой, и всё же у этих женщин БЫЛО МНОГО ОБЩЕГО (выделено мною. — Ю.З.)».

2006 г.

Прозаик Ирина Чайковская (Бостон) — в эссе «В ахматовском зазеркалье (Демидова об Ахматовой)» в книге эссе, статей и интервью «Карнавал в Италии», Seagull Press Baltimore, 2007:

«Одна из интересных тем книги Демидовой — Марина Цветаева как «двойник» Ахматовой... <Демидова> играла... на сцене Федру-Цветаеву, перевоплощалось в Ахматову, читая её Поэму. По её признанию, читать в один и тот же день со сцены стихи Цветаевой и Ахматовой было мучительно — такая разная энергетика у обеих. Не так просто найти в «Поэме без героя» переключки с Цветаевой».

«Не представляется мне верным утверждение, что Ахматова «позаимствовала» свою строфу из цветаевского стихотворения «Новогоднее» («Кавалер де

Грие», 1917). Близость к размеру цветаевского стихотворения (но не идентичность ему) не даёт оснований для такого вывода».

2006 г.

Чешский филолог, писательница и экскурсовод Галина Ванечкова — в книге «Летопись бытия и быта Марины Цветаевой в Чехии. 1922–1925», Национальная библиотека Чешской республики и Дом-музей Марины Цветаевой. Прага–Москва. 2006:

«С Пастернаком Цветаева познакомилась ещё в Москве. Они встречались несколько раз, но не заметили друг друга. Вдогонку за уехавшей Цветаевой Пастернак писал в письме к Цветаевой (от 14 июня 1922 года. — Ю.З.): «Сейчас, я с дрожью в голосе стал читать брату Ваше — “Знаю, умру на заре...” ...дорогой, золотой, несравненный мой поэт [...]».

...А дальше следует признание, что он не восхищается современниками. Исключением является ранний Маяковский, а все остальные, даже А.Блок и А.Ахматова, видятся ему как представители «душевной порядочности» в поэзии. И лишь «Вёрсты» М.Цветаевой — книга истинного поэта — погрузила его в «солёногромадную ванну». Такой неожиданной, по интенсивности — родственной её реакция — отзыв ошеломил Цветаеву».

2006 г.

Поэт Михаил Этельзон (Нью-Йорк) — в стихотворении «Проходят мимо» (Михаил Этельзон. СОЛО. SLOVO/WORD. Publishing House. New York. 2006):

«Как Блок Ахматовой не внял,/ а та Цветаеву не чтит.../ но были вежливо учтивы;/ так нас Маэстро не обнял,/ приняв предложенное чтиво» (Маэстро здесь — это Е.Евтушенко. — Ю.З.).

2006 г.

Писательница, кандидат педагогических наук, доцент Лариса Агеева — в книге «Неразгаданная Черубина». Документальное повествование. Москва, Дом-музей Марины Цветаевой:

«Ведь признавалась же Марина Цветаева, что в стихах Черубины <де Габриак> (Елизаветы Дмитриевой-Васильевой. — Ю.З.), написанных и до Ахматовой, и до неё, «образ ахматовский, удар мой». Анна Ахматова впоследствии говорила, что на некоторое время именно Дмитриева стала первой поэтессой России».

«Анна Ахматова не раз возвращалась к памяти Елизаветы Дмитриевой-Васильевой. Она настаивала, что стихи Гумилёва, посвящённые Дмитриевой, на самом деле обращены к ней. Возражала Марине Цветаевой, создавшей об-

раз Дмитриевой как «скромной учительницы»: И откуда этот образ скромной учительницы, воскликнет Ахматова...».

2006 г.

Литературовед Станислав Рассадин – в книге «Советская литература. Побеждённые победители. Почти учебник», СПб: ООО ИНАПРЕСС/НОВАЯ ГАЗЕТА, 2006:

«Общеизвестно: Цветаева и Ахматова – антитеза. Даже как бы предводительницы двух лагерей, сгруппировавшихся вокруг их мощных фигур, и Цветаева с не меньшим, чем Ахматова, правом (даже и большим, учитывая преобладание поэтесс–цветаевок, заражённых её наркотическим влиянием) могли бы сказать словами ахматовской “Эпиграммы” (1958): “Я научила женщин говорить.../Но, Боже, как их замолчать заставить!”».

«Что касается “меры” и “безмерности”, выглядящих как главные опознавательные знаки Ахматовой и Цветаевой, то это...из цветаевской декларации Поэт (1923...)...и из комментария дочери Марины Ивановны Ариадны Эфрон <, которая утверждала: “Безмерность одной принимала (и любила) гармонию другой...”>. Это> не совсем так. «Безмерность» <Цветаевой> как раз ревновала <гармоничность Ахматовой>: посвятив в 1916 году Ахматовой сразу одиннадцать (!) восторженных стихотворений, после Цветаева охладела и морщилась: “Старо, слабо”».

«“Владим Владимыч” любил в быту повторять ахматовские строки, хотя и маскировался иронией. Тем не менее – да, раскол очевиден, и в некотором, учитывая дальнейшее – не в политическом смысле, Ахматова по одну сторону пропасти, Маяковский и Цветаева – по другую».

«Стихи <о гибели ледокола Челюскин> не по–цветаевски плохие, но «младший возраст», не могущий жить без лубочной романтики, – замечательная проговорка.

Ахматова всегда была взрослой. А “мера” и “гармония” – понятия, далеко выходящие за пределы одной лишь поэтики. Даже – за пределы одного лишь искусства».

2007 г.

Поэт Александр Кушнер – в книге Николая Крыщука «Биография внутреннего человека. МОНОЛОГИ» (Москва. «Первое сентября», 2007):

«Начиная с 56-го года на моё поколение обрушилась прекрасная западная и отечественная литература: ...Блок, Анненский, Мандельштам, Пастернак,

Ахматова, Цветаева, Кузмин, Ходасевич, Заболоцкий».

2007 г.

Журналист, культуролог, писатель, историк Юрий Безелянский – в книге «99 имён Серебряного века», Эксмо, 2007:

“Цветаева пылала к Ахматовой любовью, а та «была к ней холодна” (Адамович). Две звезды XX века – Ахматова и Цветаева были антиподами».

2007 г.

Проф. В.М.Головкин, Ставропольский университет – в книге «Через Летейски воды...». Марина Цветаева в воспоминаниях, письмах и документах (Москва; Елабуга; Ставрополь: Изд. Ставропольского государственного университета, 2007):

Автор книги на основе своего архива вспоминает обращённое к нему высказывание младшей сестры Марины Цветаевой Анастасии: «Почему так часто сравнивают Марину с Ахматовой, с современными поэтами?.. Марина боготворила Ахматову, умела принести себя в жертву возвеличенному ею поэту и человеку. Но разве можно сравнить Ахматову с Цветаевой? Она и уже (ударение на первой букве. – Ю.З.), и однообразнее... ».

«С точки зрения <дочки Марины Цветаевой> Ариадны Сергеевны <Эфрон>, философское постижение сущностных антиномий бытия, напряжённые поиски тайного смысла трагедии живого человеческого существования и жизни вообще, «астральность» художественных образов и т.д. – всё это отличало Марину Цветаеву от собственно поэтесс, к которым безоговорочно относилась и Анна Ахматова».

«Ариадна Сергеевна обращала внимание на то, что надо прежде многим обогатиться. Необходимо знание культурного контекста, эстетических исканий цветаевской эпохи. Важно знать окружение художника, представлять себе поэтическую и философскую атмосферу, в которой формировалась Цветаева. Назывались имена К.Бальмонта, В.Ходасевича, Н.Бердяева, М.Волошина, И.Северянина, В.Розанова, А.Белого, А.Ахматовой, Б.Пастернака и др.».

«А.Ахматова – мастер стихотворной формы. М.И.Цветаева посвятила ей поэтический цикл “Ахматова” (1916) и др. произведения. А.А.Ахматова посвятила М.И.Цветаевой стихотворение “Поздний ответ”».

Из письма поэта Виктора Бокова автору книги В.М.Головкин: «Марина была одарена и словом и мелодией. Это проблема будущих разговоров и исследо-

ваний. Марина Цветаева кладезь. Ахматова в отличие от неё монументальна, соборна, классична <...>».

2007 г.

Филолог, профессор Александр Жолковский (США) – в интервью журналисту, писателю Дмитрию Быкову. Журнал «Огонёк», № 32, 2007:

«Страдания <у Ахматовой> были, кто же спорит, но оправдывать ими каждое своё действие, созидать из них пьедестал? В цветаевской ситуации 1941 года она всё-таки никогда не была».

2007 г.

Литературовед Павел Фокин – во вступительной статье к книге «Ахматова без глянца». Проект Павла Фокина. СПб. Изд. Амфора:

«Образ Ахматовой постоянно двоится. "От ангела и от орла/ В ней было что-то" (М. Цветаева)».

2007 г.

Историк русского искусства Всеволод Петров – в книге «Ахматова без глянца». Проект Павла Фокина. СПб. Изд. Амфора:

«Анна Андреевна казалась царственной и величественной, как императрица – «златоустая Анна Всея Руси», по вещему слову Марины Цветаевой».

2007 г.

Поэт, новелист, биограф Elaine Feinstein (London) – в книге Anna of All the Russias. The Life of Anna Akhmatova. Vintage Books. A Division of random House, New York. 2007:

«In the cellars of the Stray Dog, Akhmatova was already the undisputed queen when Tsvetaeva wrote of her in 1913... Tsvetaeva was so overwhelmed by the experience of listening to Akhmatova that in later life she dedicated a whole cycle of poems to her».

«<Akhmatova> could never have written, as Tsvetaeva wrote of her husband, "Sergey Efron is my kin", or claimed, "I could never love anyone else"».

«Tsvetaeva always admired Mayakovsky's virtuosity and energy and defended him against migr critics when he visited Paris. Akhmatova was dismayed by the news of his death, as indeed was Pasternak, who went to see his body and was moved by the solemn austerity of Mayakovsky's dead face».

«While in Moscow, Akhmatova usually stayed with the Ardovs and in early 1941 she met Marina Tsvetaeva twice...

Marina Tsvetaeva is one of the greatest Russian poets of the twentieth century, recognized as an equal by Akhmatova, though she had reservations about the violence of her emotions, the ferocity of her expression and the wholeness of her self-exposure».

«"There are four of us," acknowledging Tsvetaeva's greatness and integrity alongside Mandelstam and Pasternak, indeed she she is the only one mentioned by name... ».

«About Tsvetaeva's poetry, <poet Yevgeny> Rein said that Akhmatova liked the long poems, Poem of the End, Poem of the Mountain and Ratcatcher more than the early lyrics».

«Although <poet Joseph> Brodsky continued to the end of his life to be more interested in Tsvetaeva as a poet than Akhmatova, he had the most profound respect for Akhmatova's spirit».

«<Writer Lidia> Chukovskaya observed on several occasions that Akhmatova seemed to dislike any comparison being made between herself and Tsvetaeva, once noting that Tsvetaeva was far closer to Mayakovsky than herself».

«Both Akhmatova and Tsvetaeva must be counted among the greatest European poets of the twentieth century and continue to fascinate readers worldwide long after their deaths... Akhmatova kept her dignity even in the face of tragedy, Tsvetaeva showed her emotions nakedly. Akhmatova's poetry was marked by classic restraint, Tsvetaeva's by a constant pressure to invent new forms... Both women had lives of tormenting unhappiness as a result of their choices... Tsvetaeva has many voices but most of her poems use difficult syntax, enjambment... Akhmatova, though often allusive, is literal, bare, bony and precise».

«Where Akhmatova was carelessly allowed to be as indolent or adventurous as she chose every summer in the south of Russia, Tsvetaeva was treated with oppressive attention».

2007 г.

Литературный критик, эссеист, заместитель главного редактора журнала «Знамя» Наталья Иванова – в книге «Борис Пастернак. Времена жизни». – Москва: Время, 2007:

«... <Пастернак> не был расстрелян, как Гумилёв, не погиб в лагере, как Мандельштам, не был доведён до самоубийства, как Цветаева, не прошёл ГУЛАГ, как

Маяковский – Есенин

Пастернак – Мандельштам

Ахматова – Цветаева

Александр Кушнер: «Поэты...нередко «ходят парами», скованные, как каторжники, одной цепью».

Шаламов, не хлопотал о заключённом в тюрьму и лагерь сыне, как Ахматова».

«...Пастернак и Ахматова существуют там же, где и Мандельштам, и Цветаева».

«...В каноне русской поэзии XX века они стоят рядом. Рядом? «Благоуханная легенда» – так иронически охарактеризует Ахматова миф о себе и Цветаевой например».

«...В письме Цветаевой он (Пастернак в 1922 году. – Ю.З.) отмечает редкую «чистоту внимания» Ахматовой: «она напоминает мне сестру»...Он одарял «сестрой» («ты такая же сестра мне – жизнь») Цветаеву в разгар их...эпистолярного романа».

2007 г.

Доктор филологических наук, профессор Московского гуманитарного университета Нина Осиповна Осипова – в докладе «Зеркальная поэтика» М.Цветаевой, XV Международная научно-тематической конференции 8–11 октября 2007, «Семья Цветаевых в истории и культуре России». Сборник докладов. – М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2008:

«Формы символизации зеркала у М.Цветаевой связаны как с общими тенденциями функционирования зеркала в неомифологическом сознании рубежа веков (с его тягой к мистике, оккультизму, семантике отражений), так и с художественными экспериментами поэта. Зеркало приобретает статус знака, обладающего в творчестве Цветаевой многообразными семиотическими возможностями. При этом цветаевские «зеркала» имеют свою специфику. Являясь элементом эмблематики модерна и символом мистических откровений времени, зеркало стало атрибутом эпохи, отражающей свет других культур и миров – от двоемирия как взаимоотражения трансцендентного и земного миров в религиозно-философском и эстетическом сознании символизма до зазеркалья «Поэмы без героя» и двойников Ахматовой».

«На... принципе зеркального видения/сна построено «Взятие Крыма», где сон-видение вписан в визуальный монтаж разных зрительных рядов, напоминающих кинематографическую зарисовку. Подобным приёмом М.Цветаева довольно часто пользуется в письмах, описывая адресатам... свои сны-видения. При этом, в отличие от символистской зеркальности и от зазеркалий Ахматовой или Ходасевича, граница в цветаевских зеркалах растворяется, и трудно понять, где заканчивается «этот» мир и начинается уже зазеркалье, и наоборот».

2007 г.

Поэт Александр Кушнер – в статье «Новые заметки на полях». «Знамя», №10, 2007:

«У Ахматовой одно из ...повторяющихся слов – слово «бред» и производные от него... У Ахматовой это слово связано, как правило, с любовной страстью или поэтическим, пифийским забытьём. Поиски таких слов имеют смысл в том случае, когда в стихах поэта присутствует более или менее устойчивый, общепозэтический словарный состав... Есть поэты другого склада, со своей индивидуальной лексикой и вообще с необычайно широким словарём: прежде всего это Маяковский, ранний Пастернак, Цветаева – у них искать повторяющиеся, излюбленные слова бессмысленно».

«Маяковский и Есенин, Пастернак и Мандельштам, Ахматова и Цветаева... Поэты в нашем представлении нередко “ходят парами»”, скованные, как каторжники, одной цепью. Иногда эту связь они и сами ощущают ещё при жизни, отрицая и дополняя друг друга».

2007 г.

Елена Обоймина и Ольга Татькова – в книге «Миг, украденный у счастья. Русские поэтессы – музы великих людей». – М.: Эксмо, 2007 :

«...Юная поэтесса <Марина Цветаева> боготворила Бориса Пастернака, Анну Ахматову, которую называла “златоустой Анной всея Руси”».

2007 г.

Искусствовед и поэтесса Ольга Рубинчик – в статье ««Но где мой дом...». Тема дома у Ахматовой». Журнал Toronto Slavic Quarterly 20, Spring 2007:

«У Фазиля Искандера есть мысль о том, что существует “литература дома” (“литература достигнутой гармонии”) и “литература бездомья” (“литература тоски по гармонии”). Так, Анна Ахматова – “поэт дома”, а Марина Цветаева – “поэт бездомья”...».

«Литература дома всегда гораздо более детализирована, поскольку здесь мир – дом и нельзя не пощупать и не назвать милую сердцу творца домашнюю утварь. Литература бездомья ничего не детализирует, кроме многообразия своего бездомья, да и какие могут быть милые сердцу детали быта, когда “дома нет”. Это утверждение действительно отчасти применимо к “двойчатке” Ахматова – Цветаева, но, как всегда бывает даже с плодотворными классификациями, при ближайшем рассмотрении картина оказывается сложнее».

2008 г.

Кандидат филологических наук Рахимзян Гайсин (Елабужский гос.педа-

гогический университет) – в докладе «К творческому портрету М.И.Цветаевой: парадигма одиночества», материалы Четвёртых Международных Цветаевских Чтений «Марина Цветаева в контексте культуры Серебряного века», Елабуга, 1 августа –1 сентября 2008 года:

«Сочетание “поэт женщин” многое поясняет в величественном взаимодействии триумфа и трагедии в жизни М.И.Цветаевой. При всём уважении к явленным началом XX века М.А.Лохвицкой, З.Н.Гиппиус, А.А.Ахматовой, авторам исключительно одарённым и талантливым, лишь её (Цветаеву. – Ю.З.) мы уверенно называем поэтом, вкладывая в это слово очень весомый по степени значительности, исключительный смысл».

2008 г.

Журналистка Аида Злотникова, основатель Русского культурного центра и Цветаевских чтений в г. Реховоте (Израиль) – в докладе «Имя поэта Марины Цветаевой в Израиле. 15 лет Цветаевским чтениям в Культурном центре города Реховота», материалы Четвёртых Международных Цветаевских Чтений «Марина Цветаева в контексте культуры Серебряного века», Елабуга, 1 августа –1 сентября 2008 года:

«<В издательстве «ха – Кибуц ха меухад»>были изданы в переводах Эвен-Шошана <с русского на иврит> сборники стихотворений Осипа Мандельштама, Анны Ахматовой, Марины Цветаевой и Бориса Чичибабина».

2008 г.

Студент Мордовского государственного университета им. Н.П.Огарёва Алексей Индриков – в докладе «Творение новой культуры в поэтическом творчестве Серебряного века», материалы Четвёртых Международных Цветаевских Чтений «Марина Цветаева в контексте культуры Серебряного века», Елабуга, 1 августа –1 сентября 2008 года:

«А.Ахматова не увидела героя в своей эпохе (“Поэма без героя”), его не увидел Г.Иванов (“Распад атома”), но его увидела М.Цветаева в глубине своих надежд (“Вы, идущие впереди меня”)... ...Этот герой – поэзия Серебряного века».

2008 г.

Доктор философских наук Иван Мартыничев (Елабужский госдарственный педагогический университет) – в докладе «Поэзия любви», материалы Четвёртых Международных Цветаевских Чтений «Марина Цветаева в контексте культуры Серебряного века», Елабуга, 1 августа –1 сентября 2008 года:

«В 1916 году она (Марина Цветаева. – Ю.З.) создаёт циклы стихов, посвя-

щённых Блоку, Ахматовой, Мандельштаму, где преобладает чувство духовной, платонической любви, возвышающей душу».

2008 г.

Аспирантка Стерлимакского гос. педагогического университета Ольга Осипова – в докладе «Образ поэта в диалоге М.Цветаевой и А.Блока», материалы Четвёртых Международных Цветаевских Чтений «Марина Цветаева в контексте культуры Серебряного века», Елабуга, 1 августа –1 сентября 2008 года:

«...Сами того не подозревая, поэты вступают в диалог, т.к., ощущая необходимость разобраться в том, что есть человек, приходят к образу поэта, объединяющему в себе всё человеческое».

2008 г.

Литературовед Елена Фёдорова (Южно-Уральский государственный университет, Челябинск) – в докладе «Проза М.Цветаевой в контексте феномена «Проза поэта Серебряного века», материалы Четвёртых Международных Цветаевских Чтений «Марина Цветаева в контексте культуры Серебряного века», Елабуга, 1 августа –1 сентября 2008 года:

«Появление феномена “прозы поэта” принято связывать с литературой XIX века, с творчеством А.С.Пушкина, М.Ю.Лермонтова, И.С.Тургенева. Но расцвет явления приходится на период Серебряного века; наиболее яркие и своеобразные виды “прозы поэта” создали А.Блок, А.Белый, С.Есенин, А.Мариенгоф, А.Ахматова, М.Цветаева».

2008 г.

Журналист, искусствовед, писатель Бенедикт Сарнов – в книге «Сталин и писатели»: Книга вторая. – М.: Эксмо, 2008 (глава «Сталин и Ахматова»):

«...Конечно же, «женское» в ...выборе <Ахматовой покидать Россию или нет> тоже играло немалую роль.

Даже Цветаева, “гражданские” чувства которой были накалены до последнего предела, тоже ведь “выбрала” отъезд за границу, потому что там ждала её встреча с мужем, которого ещё недавно она считала погибшим. И писала, что если окажется, что он жив, будет следовать за ним всюду, “как собака”...

Не так ли сделала свой “свободный выбор” и Ахматова? Не потому ли предпочла остаться в России, что связь её с расстрелянным первым мужем, отцом её единственного сына, оказалась прочнее, чем с возлюбленным, к которому был обращён этот её гордый отказ?».

2008 г.

Кандидат филологических наук Елена Титова (Вологодский государственный

педагогический университет) – в докладе «Творчество М.Цветаевой в школе: методические проблемы и пути их решения», материалы Четвёртых Международных Цветаевских Чтений «Марина Цветаева в контексте культуры Серебряного века», Елабуга, 1 августа –1 сентября 2008 года:

«Уроки, объединяющие материал по творчеству Ахматовой и Цветаевой, предполагают задания, ориентирующие на сопоставление (выделено мною. – Ю.З.) двух художественных миров и выявление их индивидуальных особенностей. В качестве эпиграфа вполне можно использовать строки из стихотворения Александра Кушнера “Наши поэты”: “Цветаевская фанатична муза / Ахматовой высокопарен слог”».

2008 г.

Филолог Елена Ильинец (Тбилиси) – в работе «О церковной и поэтической проповеди», Сборник научных трудов «Грузинская Русистика» (Литературоведение. Языкознание. История и культурология), Тбилисский государственный университет им. Ив.Джавахишвили. Институт русистики. Изд. «Универсал». Тбилиси, 2008:

«В русской поэзии мы часто встречаем молитвы. Их писали почти все поэты – И.Козлов “Моя молитва”, “Молитва”, И.Языков “Молитва”... Н.Минский “Молитва”, А.Ахматова “Молитва”; несколько текстов, которые относятся к типу молитв – у М.Цветаевой “благословляю ежедневный труд”, Д.Мережковский “Христос воскрес! – поют во храме”, З.Гиппиус “Христ” и другие».

«...<Некоторые> выступления М.Волошина, М.Цветаевой, А.Ахматовой и других можно причислить к поэтическим проповедям».

2008 г.

Филологи Теймураз Курдованидзе и Ане Курдованидзе (Тбилиси) – в резюме на русском языке к работе на грузинском языке «Александр Блок глазами Марины Цветаевой», Сборник научных трудов «Грузинская Русистика» (Литературоведение. Языкознание. История и культурология), Тбилисский государственный университет им.Ив.Джавахишвили. Институт русистики. Изд. «Универсал». Тбилиси, 2008:

«Из своих старших современников Марина Цветаева больше всех любила символиста Александра Блока».

2008 г.

Ученица 11-го класса гимназии № 9 города Шадринска Курганской области Юлия Юрович – в реферате по истории России «Феномен женской поэзии серебряного века. А.Ахматова и М.Цветаева», научный руководитель учитель

истории Ведунова Г.В.:

«Среди блистательных имён серебряного века выделяются два женских имени: Марина Цветаева и Анна Ахматова. За всю многовековую историю русской литературы это, пожалуй, лишь два случая, когда женщина–поэт по силе своего дарования ни в чём не уступила поэтам мужчинам... Критика начала века постоянно отмечают эту особенность: "...Г–жа Ахматова, несомненно, лирический поэт, именно поэт, а не поэтесса..." (Б.Садовской)».

«...Поэзия Марины Цветаевой – женская, но она не поэтесса, а поэт...».

«...Можно сказать, что образы двух, несомненно, великих поэтов Ахматовой и Цветаевой есть много общего. Они полностью посвятили свою жизнь творчеству, даря нам свой неиссякаемый талант. Они хорошо известны и любимы... во всём мире. Их имена очень часто стоят рядом. Издаются их совместные сборники. Когда говорят об одной из них, обязательно упоминают вторую».

2008 г.

Поэт, литературовед, проф. Дартмутского колледжа Лев Лосев (Ганновер,

США) – в интервью писателю Ирине Чайковской (Бостон, США), журнал SEAGULL/ ЧАЙКА, №6, March 16–31, 2008:

«...Поэзия «московской школы» эмоциональнее (Цветаева, Пастернак), а «петербургской школы» сдержаннее (Ахматова, Мандельштам)...».

2008 г.

Писатель и журналист Дмитрий Савельев (Москва) – в статье «Невозможная Фуфа», журнал SEAGULL/ ЧАЙКА, №6, March 16–31, 2008:

«...В Крыму ей (актрисе Фаине Раневской, прожившей здесь 6 лет, включая годы Гражданской войны в России – Ю.З.) посчастливилось узнать Макса Волошина, который её подкармливал рыбой, познакомиться с Мариной Цветаевой, которую она, бывало, стригла – и та называла её своим парикмахером. С Анной Ахматовой она тесно сошлась много позже, в ташкентской эвакуации – и эту дружбу пронесла через десятилетия...».

2008 г.

Коллекционер, цветаевед, историк русской литературы и культуры, журналист Лев Мнухин – в книге «Итоги и истоки. Избранные статьи». Болшево. Московская область». Мемориальный дом–музей Марины Цветаевой в Болшеве», 2008:

«При жизни Марины Ивановны Цветаевой было мало создано её пор-

третов, по сравнению, например, с А.А.Ахматовой, которую рисовали многие крупные художники начала и середины XX века».

2008 г.

Российско–американский историк культуры Соломон Волков (Нью–Йорк) – в книге «История русской культуры XX века от Льва Толстого до Александра Солженицына». Москва. Эксмо. 2008 (Англоязычный вариант: The Magical Chorus. Solomon Volkov. A History of Russian Culture from Tolstoy to Solzhenitsyn (Translated from Russian by Antonina W.Bouis). Published by Alfred A.Knopf. New York. 2008):

«По мнению Троцкого, влияние «нового религиозного сознания» на русскую литературу «сошло на нет». Противореча себе, Троцкий грубо высмеивал религиозные мотивы в поэзии Ахматовой и Цветаевой, особенно их постоянное обращение к Богу... (In Trotsky's opinion, the influence of the "new religious consciousness" on Russian literature had "dwindled to nothing." Contradicting himself, Trotsky petulantly scoffed at the religious motifs in the poetry of Akhmatova and Tsvetaeva, especially mocking their constant appeals to God...).

«...Бродский, не позаимствовавший у Ахматовой её стилистику и эстетику (тут на него повлияли, скорее, Цветаева, Маяковский и Борис Слуцкий), оказался её лучшим учеником в области самомифологизации» (... Brodsky, who did not borrow Akhmatova's stylistics or aesthetics (he was more influenced by Tsvetaeva, Mayakovsky, and Boris Slutsky), turned out to be her best student in the field of selfmythologizing.)».

2008 г.

Главный редактор журнала СЛОВО\WORD Лариса Шенкер (Нью–Йорк) и поэт Борис Херсонский (Одесса) – в их беседе в издательстве журнала, СЛОВО\WORD, № 60, 2008:

«Л.Ш. – И Цветаева, и Ахматова умерли гораздо раньше, чем Бродский. Разрыв между завершением творческого пути Бродского и сегодняшним днем намного короче. Поэтому я думаю, что еще рано делать такой вывод.

Б.Х. – Я исхожу из огромной базы поэтических текстов, которые я прочел. Я очень много читаю поэзию, не только пишу. Я понимаю, что так называемая постахматистическая традиция (высокий постахматизм, низкий постахматизм) преобладает и поныне чисто количественно. Постахматизм – направление в поэзии, начавшееся после смерти Ахматовой, которая, как известно, была поэтом–ахматистом. Постахматизм начался примерно в 1970–е годы. Эта традиция очень крепка, особенно среди провинциальных поэтов...».

«Л.Ш. – Скажите, по времени, казалось бы, к постаimeiстам должен быть отнесен Бродский, но он вовсе не постаimeiст.

Б.Х. – Конечно, нет. Он хотя и принадлежит к ахматовской плеяде, но продолжает скорее цветаевскую линию.

Л.Ш. – Но Бродский любил и Цветаеву, и Ахматову. Как это сочеталось в одном человеке? Ведь они очень разные поэты, и друг друга не очень любили.

Б.Х. – Как они относились друг к другу, сегодня значения уже не имеет.

Л.Ш. – Я думаю, они делали вид, что это относится не к их натурам, а к их стихам.

Б.Х. – Может быть. Но мне кажется, что поэтесса Бродского все-таки ближе к цветаевской, он сам это признавал. Его стихотворение “Огонь” очень цветаевское: (...)Я всматриваюсь в огонь./На языке огня/ раздается “Не тронь”/ и вспыхивает “меня!”.

Ахматова очень классична. Бродский, конечно, ассимилировал в значительной степени лучшее в английской и американской поэзии, но не той, которую усваивает новое поколение русских поэтов, а той поэзии, значение которой в России не оценили в свое время. Когда эти поэты творили, их просто не знали».

2008 г.

Исследователь биографии, характера и жизненного поведения Анны Ахматовой Тамара Катаева – в книге «Анти-Ахматова», Минск, Современный литератор, 2008:

«Откройте любую газету. Красоту требуют от спортсменов, от героинь, даже от королев... Те женщины, которые озаботились не внешностью, а душой или духом, – они играют не на нашем поле. Я говорю не только о матери Терезе – неженская судьба была и у Марины Цветаевой... Ахматова была неподражаемо красива – как сошедшая со стены фреска работы древнерусского иконописца: маленькая голова, длинные ноги, широкие бедра, гибкие руки. Стиль её был независимым и дерзким – безупречным».

«...Когда Анна Ахматова была на древней земле Сицилии, это было подобно какому-то вневременному форуму благоподобных поэтесс... Сравнение с Цветаевой по половому признаку её раздражает, а с Сафо кажется в самой раз».

«Чьей была дочерью Марина Цветаева, на какой быт она могла претендовать, и чьей – Ахматова».

«Справедлива была Ахматова, когда наставительно поучала Марину Цветаеву: «Разве вы не знаете, что в стихах всё – о себе?»... Так вот – “Златоустая Анна Всея Руси” – это о самой Марине Цветаевой. Только царственную широту надо иметь, чтобы щедро короновать другую».

«...Ахматова не простила в жизни никого. Да и как простить Солженицыну – славу, Пастернаку – Нобелевскую премию и Марине Цветаевой то, что она из “demode” (из “старомодных”, или “вышедших из моды”, французское. – Ю.З.), плохо одетой без такта и обращения, судомойки – когда Ахматова и головы-то сама не чесала – становилась несанкционированно МАРИНОЙ ЦВЕТАЕВОЙ».

«Марина Цветаева бросила землю. Можно сказать, оторвала себя. А Ахматова осталась. И считает себя неизмеримо выше, пишет об этом, напоминает».

«...Ахматова пробилась в “олигархи”. Себя она считает среди четырёх: Пастернак, Мандельштам, Цветаева – и она».

«Она не простила никому: ни Гаршину, ни Ольге Высотской (матери сына Николая Гумилёва Ореста. – Ю.З.), ни Маяковскому, ни Советской власти, ни Муру (сыну Марины Цветаевой. – Ю.З.) за то, что Цветаева не любила её стихи, – не простила никому и ничему».

«Умерший самоубийством – он родился самоубийцей... Цветаева имеет право каркать. У Ахматовой судить её прав меньше (“Каркает над кровью, как ворона”, – сказала Ахматова Л. Чуковской о стихах Цветаевой, где упоминаются Маяковский и Есенин. – Ю.З.)».

«Когда Цветаева вошла в моду, Анна Ахматова не постеснялась написать стихотворение: “Нас четверо” – мол, они – едины, один уровень, одни почести: Мандельштам, Цветаева, Пастернак, Анна Ахматова».

«...Марина Цветаева – та страдала как-то вполне натурально, но не по правилам мелодраматического искусства, без единственно трогательного Ахматову антуража внешнего успеха – потому-то она и прощала её. В этом не было ни красоты, ни величия, Ахматова была уверена в падкости людей на её клубничку, не верила, что кто-то всерьёз будет любить Цветаеву – клевала её без особого “гнева”».

«Пристрастие Анны Ахматовой к кронпринцессам Горьковской мужской истории – Тимоше, баронессе Муре Будберг – это подкладка презрения к «нищенке-подруге» Надежде Мандельштам и demode Марине Цветаевой (без счёта дам помельче)».

2008 г.

Кандидат филологических наук Надежда Копылова (Воронежский го-

сударственный университет), автор статьи «О любви в лирике М.Цветаевой и А.А.Ахматовой» (см. 2002 г.) – в телефонном интервью автору настоящей хроники, Вашингтон–Воронеж, 11 июля 2008 г.:

«Цветаева моложе душой, в том смысле, что она категоричней, эмоционально контрастней. Ахматова мудрее, больше понимает противоречия жизни. Ахматова больше себя любит, чем Цветаева. Ахматова более земная, чем Цветаева по своей психологической сути».

«Обе – сильные женщины».

«Что у них общего? И та, и другая, как женщина, хотела бы по жизни опереться на мужское плечо. Но достойного, более сильного плеча просто нет <для них>, потому что они сами личности».

«Насчёт симпатий мужчин к поэзии Ахматовой, а не Цветаевой я провела опрос на кафедре филологии ВГУ, это примерно 20 человек».

«Общее. Обе пишут о любви, о размолвке. Они это воспевают. Относятся свысока к сопернице, простой женщине. Они психологи, воспевают психологию женской души. Их имена даже можно объединить в одно: МаринАнна».

«Ахматова чаще выбирает позу. Цветаева более порывиста, более искренна, распахнута в любви. Ахматова лучше знает мужскую душу. У Цветаевой её чувство святое, чистое, огромное. У Ахматовой больше позы».

«В стихах МЦ более искренняя, а АА в каком-то хорошем смысле позирует».

«У МЦ есть фраза: “Лицедейство – не любовь”, а АА немножко лицедействует, немножко играет с мужчиной. И в стихах тоже».

«Взаимного влияния нет. Если только какое-то бессознательное. Анна Ахматова влияние Цветаевой просто не может испытывать ни по своей натуре, ни по своим стихам».

«Они слишком самобытны и яркие, чтобы испытывать это влияние, тем более у них три года разницы в возрасте. МЦ преклонялась перед АА. Она всегда перед кем-нибудь преклонялась. Она щедрая».

2008 г.

Основатель и куратор «Вашингтонского музея русской поэзии и музыки»

ПЕТЕРБУРГ

Дворцовая площадь

Летний сад

Эрмитаж.
Фрагмент экспозиции.

МОСКВА

Кремль на старой открытке

Тверской бульвар

Музей изобразительных искусств.
Фрагмент экспозиции.

и «Аллеи русских поэтов и композиторов» в Вашингтоне Юлий Зыслин (www.museum.zislin.com) – в книге «Мир по-прежнему тесен. Встречи, поиски, находки» (Континент. Чикаго. 2008), выпущенной в связи с 10-летием открытия Музея и 5-летием закладки Аллеи:

«<Приведённые в книге> материалы связаны, прежде всего, с именами пяти великих русских поэтов Серебряного века – Бориса Пастернака, Марины Цветаевой, Осипа Мандельштама, Анны Ахматовой, Николая Гумилёва».

Обложка книги
«Мир по-прежнему тесен.
Встречи. Поиски. Находки»

В левом ряду Аллеи – деревья памяти
стернака, Цветаевой, Мандельштама,
Ахматовой, Гумилёва

«Пусть же пять деревьев <левого ряда> «Аллеи русских поэтов <и композиторов>», посаженных в Вашингтоне рядом друг с другом, символизируют переключку голосов пяти замечательных русских поэтов – Пастернака, Цветаевой, Мандельштама, Ахматовой, Гумилёва между собой и с нами, с нашими душами и сердцами...».

2008 г.

Математик и филолог, кандидат технических наук, автор трёх монографий, Глеб Казимирович Васильев (Москва), эрудит, друг писательницы Анастасии Ивановны Цветаевой – в телефонном интервью автору настоящей хроники, Вашингтон–Москва, 21–22 апреля 2008:

«Если сопоставить Ахматову и Цветаеву по поэтическому мастерству и таланту, то они для меня – равноценны.

Если же касаться их приёмов поэтических, просодии поэтической, то они полярно противоположны друг другу.

Никогда Ахматова не могла бы написать:

**“Вскрыла жилы: неостановимо,
Невосстановимо хлещет жизнь.
Подставляйте миски и тарелки!
Каждая тарелка будет – мелкой,
Миска – плоской.**

**Через край – и мимо –
В землю чёрную, питать тростник.
Невозвратно, неостановимо,
Невосстановимо хлещет стих”**
(1934 г. – Ю.З.)».

«Такое обращение к людям, к читателям, было для Ахматовой чуждым.

С другой стороны, Марина Цветаева в жизни никогда не могла бы принять к сердцу, к душе, хотя бы ахматовский сборник «Вечер».

Приведу пример задумчивого, размытого ахматовского стиха:

**“Чернеет дорога приморского сада,
Желты и свежи фонари,
Я очень спокойная. Только не надо
Со мною о нём говорить.
Ты милый и верный, мы будем друзьями...
Гулять, целоваться, стареть...
И лёгкие месяцы будут над нами,
Как снежные звёзды, лететь”**
(1914 г. – Ю.З.)».

«Ахматова была такой 2/3 своей жизни, пока советская власть не скрутила её, и она не поняла, что такое эта власть, и изменила свои поэтические приёмы, и написала две абсолютно бессмертные поэмы – “Поэму без горя” и “Реквием”, где она чрезвычайно круто переменила свои приёмы. Эти поэмы звучат в другой тональности. Но это Марина точно также абсолютно не могла принять».

«Что касается их жизни и их отношения к окружению, –

снисходительное у Ахматовой и кровное со знаком плюс или минус у Цветаевой. Цветаевская душевная позиция совершенно противоположна ахматовской.

Вообще тут логичнее говорить о противопоставлении как в приёмах поэтических, так и в мировосприятии».

«Общее у них – только гениальный талант, у той и у другой. Их надо оценивать. Эти люди совершенно различные, и перо у них совершенно различное».

«Анастасия Ивановна Цветаева, младшая сестра Марины Цветаевой, отдавая должное Ахматовой, относилась к ней крайне настороженно и не принимала холодность её души и то, как она предстала перед людьми».

«Тем не менее темперамент Ахматовой такой же пылкий, но для людей она была застѣгнута на все пуговицы, а Цветаева – открыта для всех».

«Цветаева – плоть от плоти московская, Ахматова – целиком питерская».

2008 г.

Журналист, культуролог, писатель, историк Юрий Безелянский, автор 26-ти книг, в том числе, о Серебряном веке – в телефонном интервью автору настоящей хроники, Вашингтон–Москва, 4 июля 2008:

«Сопоставлять Марину Цветаеву и Анну Ахматову можно, хотя это как бы северный и южный полюс, это совершенно разные поэтессы: одна – классическая, строгая, другая – взрывная, бунтарская».

«Обе являются самыми крупными поэтами–женщинами, и слава их, я думаю, будет укрепляться и дальше».

«Общее у них – это судьба людей, родившихся в России. Россия оказалась к ним очень немилосердной. Ахматову долго <официально> не признавали, портили ей поэтическую жизнь< длительным умалчиванием>. Что касается Цветаевой, то советская власть её просто, можно сказать, убила».

«Никакого взаимного влияния <у этих поэтов> не было. Было некоторое поклонение у Цветаевой Ахматовой, и Ахматова позднее признавала Цветаеву. С точки зрения самой поэзии, они развивались просто по–разному».

2008 г.

Действительный член Академии искусств Украины, доктор искусствоведения, кандидат филологических наук, профессор Вадим Скуратовский – в телефонном интервью автору настоящей хроники, Вашингтон–Киев, 19 июля 2008:

«...В XX веке все без исключения поэты, и крупные, и другие, они до чрезвычайности не похожи друг на друга. Но это обстоятельство не мешает в какие–то минуты сопоставлять те или иные явления в поэзии в виду, если позволим себе так высказаться, братской или сестринской солидарности этих поэтов».

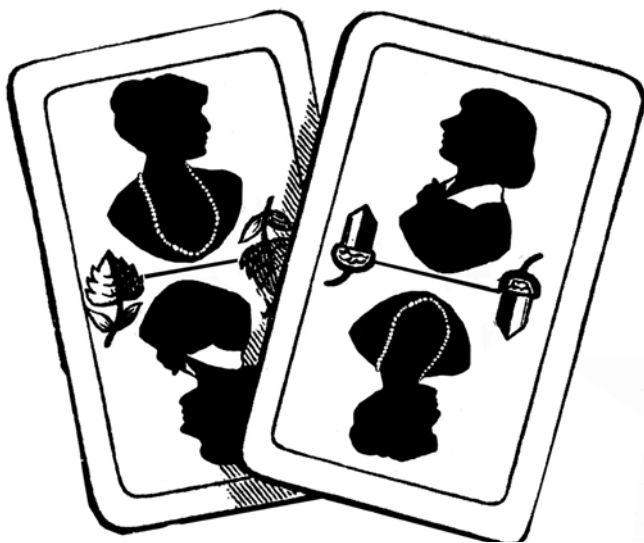
«Конечно, разное было в отношениях Цветаевой и Ахматовой, Ахматовой и Цветаевой, но их объединяет то обстоятельство, что это женщины, которые завершают определённые тенденции, традиции, страгаемы русской поэзии, так называемого, императорского периода. То, что начинается на пороге 18–го века и во множестве жанров преломляется на протяжении двух сотен лет, вдруг в какую–то минуту это наследие подхватывают женские руки, и возникают две поэтические системы. Они очень разные. Это один женский полюс и другой женский полюс. Самое главное, самое существенное, что они объединяют то, что накапливалось в русской поэзии на протяжении двухсот лет. Отчего и почему это произошло, почему это сделали именно женщины – это отдельный вопрос, отдельный разговор. Но то, что эти поэтические системы принадлежат как бы великим сёстрам великой русской литературы, это, несомненно. И поэтому должно их сопоставлять. Они об этом сами знали в самых разных жанрах. Скажем, патетические стихи Цветаевой, посвящённые Ахматовой 10–х годов. Вслед за тем “невстреча” Ахматовой и Цветаевой, Цветаевой и Ахматовой, после возвращения Марины Ивановны из эмиграции. Всё равно это не мешает нам сопоставлять эти две фигуры. Очевидно, что как бы основные мужские силы в поэзии заканчивались, и необходимым образом, по обстоятельствам истории пафос дальнейшей судьбы русской поэзии отхватывают эти женщины. Они сёстры. Сёстры могут быть очень разные, но, естественно, их должно сопоставлять. И не только на семейных фотографиях, но и в большом времени истории литературы».

«В конечном счёте, темпераменты у них вроде бы разные. Это темпераменты, которые мобилизуют совсем разные уровни языка. Дело в том, что у Цветаевой те языковые страты, которые как бы напоминают гейзер, который вырывается на поверхность. А с другой стороны, Пушкин когда–то сказал, что мудрые люди тихо живут. Разное происходит с человеческой мудростью. Она вырывается вулканом у Марины Ивановны Цветаевой. Вместе с тем есть некая сдержанность, которая мобилизует, собирает какие–то языковые силы, находящиеся где–то там, глубоко внизу. И это делает именно Ахматова. При этом речь идёт не о специальных модернистских интерпретациях языка (ну, скажем, как у Хлебникова). Нет. Это тот самый русский классический язык, архитектурно построенный Пушкиным. Дело в том, что в формате этого языка, в его поле, Ахматова делает всё то, что можно сделать с русским языком. С одной стороны, вот эта безудержность, а с другой стороны, условно говоря, содержание в старинном смысле этого слова».

«Общее у них –<это>рефлекс на чрезвычайно сложный, будем откровенными, не просто сложный, а бесконечно драматический, наконец, – трагический

XX век. То есть у них одна и та же семантика. В сущности, они видели одну и ту же историю, один и тот же гераклитов поток этой истории. Они входили в этот самый поток, входили по-разному, но в общем их объединяет, не в последнюю очередь, та же история, которую они видели. И здешняя, и другая. И, прямо скажем, состав человека в XX веке. Вот они смотрели в сторону этого человека, в сторону создаваемых им коллизий и мизансцен и прочее. Они по-разному смотрели на него, но они смотрели на одно и то же явление, на XX век».

«Взаимовлияние происходило, по моему разумению, главным образом, в режиме взаимно отталкивания. То есть взаимоприближение: приблизиться для того, чтобы уйти. То есть один поэт видит, что другой поэт уже успел что-то сказать в том языке, в том поле, в котором это уже было сказано. И тогда другой поэт начинает искать своё поле, своё направление. Это требует именно специальных усилий. В конце концов, есть блестящая монография Владимира Николаевича Топорова о Блоке и Ахматовой, но уж очень непохожи эти поэты. Они своей непохожестью всё время окликали друг друга. Ещё в большей степени это происходило с Цветаевой и с Ахматовой. Две женщины, два темперамен-

*Они то вглядывались друг в друга, то отворачивались.
Композиция Людмилы Варламовой.*

та..., два антропологических<типа> русской женственности. Конечно, они приближались очень часто для того, чтобы разойтись. Я имею в виду именно их поэтику. Вместе с тем так называемое непосредственное влияние – это для поэтов меньшего ранга. Такие фигуры друг на друга влияют, прямо скажем, несколько по-другому. Чего у одного много, того у другого меньше. Вот так скажем».

«Некоторым образом они соревновались. Там это, очевидно, было. Но это, конечно, ...не социалистическое соревнование, и не капиталистическая конкуренция. Можно вспомнить старинный, скомпрометированный вульгарным марксизмом термин диалектический. Речь идёт о некоторой диалектике отношений этих двух больших поэтов...».

2008 г.

Писательница Лариса Васильева (Москва) – в интервью «Люди привыкают к памятникам» (беседовала Виктория Пешкова) при разговоре о памятниках поэтам, «Литературная газета», №44, 29 октября – 5 ноября 2008:

«Марина Ивановна <Цветаева> настолько ж московская поэтесса, насколько Анна Андреевна <Ахматова> – петербургская и ленинградская».

Коллекционеры Юлий и Светлана Зыслины.
Фото Веры Зыслиной.

ДИАГРАММА РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ЦИТАТ (Ц) ПО ГОДАМ (ГГ)

1912–2008 гг

[illegible]

гг/ц 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31 32 33 34 35 37 38 39 40

ДИАГРАММА РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ЦИТАТ ПО ГОДАМ 1912-2008

Сумма приведённых в данной работе цитат, а их более 500–та 150–ти авторов из архива «Вашингтонского музея русской поэзии музыки», демонстрирует тот факт, что сопоставление двух современниц, двух знаменитых поэтов–женщин – Анны Ахматовой и Марины Цветаевой – многократно производилось с самого начала их творческого пути и до сего времени, т. е. в течение почти 100 лет. И при этом в самых разнообразных ракурсах и неравномерно. Как это происходило во времени иллюстрирует диаграмма распределения количества цитат (ц) по годам (гг) с 1912 г. по 2008 г. (В диаграмме пропущены года, в которые отсутствовали, по данным нашего музейного собрания, высказывания по сопоставлению АА и МЦ: 1919, 1920, 1927, 1930–1935, 1937–1939, 1943, 1944, 1946–1955, 1960, 1961, 1965, 1968, 1977, 1985. Цитаты начала 2009 года приведены в приложении).

Из представленной диаграммы видно, что до начала 70–х годов XX века было относительно немного сопоставлений АА и МЦ, хотя два выплеска сопоставлений более 10 всё же произошли в 1921 и 1967 годах. 1921 год – это год огромной популярности АА и нарождавшейся известности МЦ, а 1967 год – ближайшее время после смерти АА и после выхода первых посмертных книг МЦ в Советском Союзе. В конце 60–х годов и далее происходит рост интереса к сопоставлению этих поэтов, который в годы, близкие к столетиям рассматриваемых поэтов, т. е. в 1987–1993 гг., становится значительным, а в 2002–2008 годах наибольшим.

Слава АА и МЦ растёт, интерес к их творчеству и судьбе не падает. Им посвящали и посвящают стихи, переводят на многие иностранные языки, особенно на английский. В одном из книжных магазинов Вашингтона я недавно обнаружил 4 книги таких переводов. Некоторые американские переводчики считают, ссылаясь на И.Бродского, что Ахматову легче переводить, чем Цветаеву. При этом они в классическом стихе АА не соблюдают размер, число слогов в строке и не рифмуют, гордясь тем, что сохраняют число строк в строфе. Цветаевой посвящены тысячи стихотворений, а Ахматовой писали стихи узники ГУЛАГа (собрание М.Кралина). Есть берестяная книга со стихами АА, изготовленная Дорой Гусман в лагере в 1937 году. Администрация г. Елабуги, где погибла МЦ, установила в 2007 году литературную премию её имени. Уже появились первые лауреаты.

Первым лауреатом Общероссийской литературной премии им. Марины Цветаевой стал маститый коллекционер и исследователь Лев Мнухин:

Необычным примером мировой славы АА и МЦ являются новозеландские двухдолларовые монеты с их портретами.

ПЕРЕЧЕНЬ СТИХОТВОРЕНИЙ ЦВЕТАЕВОЙ И АХМАТОВОЙ, ПОСВЯЩЕННЫХ ДРУГ ДРУГУ

(ХРОНОЛОГИЯ И ФРАГМЕНТЫ)

Цветаева – Ахматовой:

1915 г.

«Анне Ахматовой»

(«Узкий, нерусский стан...»).

1916 г.

Цикл «АХМАТОВОЙ».

1. «О, Муза плача, прекраснейшая из муз!..»
(«...Анна Ахматова! Это имя – огромный вздох...И я дарю тебе свой колокольный град, – Ахматова! – и сердце своё в придачу»).
2. «Охватила голову и стою...».
(...Я тебя пою, что у нас – одна,/ Как луна на небе!..)
3. «Ещё один огромный взмах...».
(...Над Музой Царского Села/ Кресты крапивы..)
4. «Имя ребёнка – Лев...».
(«Имя ребёнка – Лев, Матери – Анна./ В имени его – гнев,/ В материнском – тишь...)
5. «Сколько спутников и друзей!..».
(...Ты никому не вторишь...)
6. «Не отстать тебе! Я – острожник...».
(...Ты – конвойный. Судьба одна...
Отпусти-ка меня, конвойный,/ Прогуляться до той сосны!..)
7. «Ты, срывающая покров...».
(....Разъярительница ветров,/ Насылательница метелей,/ Лихорадок, стихов и войн,/ – Чернокнижница! – Крепостница! –... »)
8. «На базаре кричал народ...».
(«Помолись за меня, краса/ Грустная и бесовская...»)
9. «Злотоустой Анне – вся Русь...».
(«...Донеси любовь мою / Злотоустой Анне – вся Русь!..»)
10. «У тонкой проволоки над волной овсов...».
(... Тебе одной кладу поклоны...»)
11. «Ты солнце в выси мне застишь...».
(«...Все звёзды в твоей горсти!..»)
12. «Руки даны мне – протягивать каждому обе...».

<13> «А что если кудри в плат...».

(«... – Поклон от меня Неве...»)

1921 г.

«Соревнование короста...»

(«...И поделили мы так просто: / Твой – Петербург, моя – Москва...»)

ОТРЫВОК ИЗ СТИХОВ К АХМАТОВОЙ

(«...Но вал моей гордыни польской...»)

АХМАТОВОЙ

(«Кем полосынька твоя/ Нынче выжиться?/

Чернокосынька моя!/ Чернокнижница!.. »)

Ахматова – Цветаевой:

1. 1940, 1961 гг. (опубликовано в 1963 г., «Воздушные пути» №3)

«Поздний ответ».

С эпиграфом из Марины Цветаевой: «Белорученька моя, чернокнижница...»

(«Невидимка, двойник, пересмешник...»

Мы с тобою сегодня, Марина, / По столице полночной идём. /

А за нами таких миллионы, / И безмолвнее шествия нет...»)

2. 1942 г.

«Какая есть. Желаю вам другую...».

(«...Но близится конец моей гордыне /

Как той, другой – страдальце Марине, /

– Придётся мне напиться пустотой...»)

3. 1959 г.

М.Цветаевой.

«Ты любила меня и жалела...»

(«...Ты меня как никто поняла...»)

4. 1961 г.

«Нас четверо (Комаровские наброски)».

Из цикла «Венок мёртвым».

(«...Чудится мне на воздушных путях / Двух голосов переключка. /

Двух? А ещё у восточной стены / В зарослях крепкой малины, /

Тёмная, свежая ветвь бузины.../ Это – письмо от Марины...»)

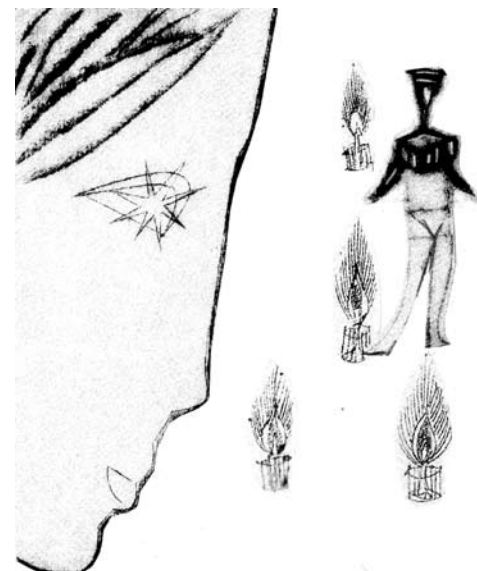
«Радужное».
К ранним стихам МЦ. Художник
Людмила Варламова.
Публикуется впервые.

«Уединение».
К циклу АА «Белая стая». Художник
Людмила Варламова.
Публикуется впервые.

«Ещё улыбка одна».
Художник Людмила Варламова.
К ранним стихам МЦ. Публикует

«Свечение».
К циклу АА «Пролог и сон».
Художник Людмила Варламова.
Публикуется впервые.

«АХМАТОВА И ЦВЕТАЕВА — СОВРЕМЕННОЦЫ. ИХ ОБЩНОСТЬ И ВЗАИМОВЛИЯНИЕ».

ДИАЛОГ ЮЛИЯ ЗЫСЛИНА (ВАШИНГТОН)
И ГЛЕБА ВАСИЛЬЕВА (МОСКВА)
5-13 АВГУСТА 2008 ГОДА, ПО ТЕЛЕФОНУ.

Юлий Зыслин. Физик,
коллекционер, эссеист
основатель ряда культурных
объектов в Большом Вашингтоне.

Глеб Васильев.
Математик, филолог,
друг А.И.Цветаевой, знаток
русской поэзии, Москва.

Фото А.Ханакова, Москва.

Ю.З. Как отмечается в практически всех приведённых выше высказываниях о сопоставлении АА и МЦ, разница между ними по творчеству, судьбе, характеру и натуре — огромна. Это уже становится общим местом. Но всё же есть нечто существенное, что объединяет их, и об этом нельзя не сказать. Даже утверждение, что АА — это холодность, МЦ — это буйство, не всегда в их натурах проявлялось. Например, по утверждению Вячеслава Всеволодовича Иванова, «Ахматова в состоянии была пылко ненавидеть и женщину, живущую полтора года назад». Да и Вы, Глеб Казимирович, говорили мне (см. 2008 г. Хроники), что АА пылкая, но закрытая для окружающих.

Слова русско-американской поэтессы Ирины Машинской (я их выделяю жир-

ным шрифтом) можно взять эпиграфом к нашим рассуждениям об общности АА и МЦ:

«...Общее интереснее очевидных различий» (см. 2003 г. Хроники).

Что-то общее между АА и МЦ на фоне рассуждений об их различии отмечалось по крайней мере 39 авторами настоящей Хроники:

М.Волошин — 1917 г., К.Мочульский — 1923 г., В.Маяковский — 1928 г., Н.Я.Мандельштам — 1967, 1970, 1978, 1990 гг., Г.Родионова — начало 1970-х годов, А.Нейт — 1976 г., Э.Миндлин — 1979 г., И.Лиснянская — 1984–1989 гг., И.Бродский — 1988, 1991 гг., А.Саакянц — 1989, 1995, 1998 гг., Джейн Таубман — 1989 г., К.Ваншенкин — 1990-е гг.: В.Корнилов — 1991 г., А.Найман — 1991 г., Н.Копылова — 1991, 2002, 2008 гг., М.Белкина — 1992 г., И.Друзе — 1993 г., В.Сенкевич — 1994 г., Ф.Искандер — 1996 г., Айза Пессина Лонго — 1996 г., Л.Аннинский — 1997, г., Л.Страхова — 1997 г., В.Лосская — 1999 г., В.В.Иванов — 2000 г., Т.Горькова — 2000 г., Н.Резникова — 2002 г., Л.Кертман — 2002 г., С.Романовский — 2003 г., Е.Айзенштейн — 2003 г., Л.Кацис — 2003 г., М.Боровикова — 2003 г., И.Машинская — 2003 г., И.Чайковская — 2004 г., И.Ничипоров — 2004 г., В.Недошивин — 2006 г., Э.Файнштейн — 2006 г., Ю.Юрович — 2008 г., Г.Васильев — 2008 г., В.Скуратовский — 2008 г.

Мои соображения об общности АА и МЦ сложились не сразу и не без влияния некоторых отдельных высказываний разных авторов. Интервью, взятое у академика В.Скуратовского (см. 2008 г. Хроники), подкрепило мои предположения, хотя главный акцент его высказываний об их различии.

Давайте попробуем порассуждать сначала об общности Ахматовой и Цветаевой, а потом поговорим о некотором их возможном взаимном влиянии. Сразу при этом отмечу, что при их неравнодушии к судьбе и творчеству друг друга, да ещё и на грани соперничества, взаимного влияния друг на друга, по-моему, не могло не быть.

Для облегчения нашей дискуссии напомним сейчас Вам по телефону данные биографической справки, предваряющей хронику (дорогой читатель, см. биографическую справку в начале книги).

Теперь поговорим об общности АА и МЦ.

Мне нравится мысль Надежды Копыловой (см. 2002 г. Хроники) об их общем имени — МАРИНАННА (с ударением на второе «А»).

Г.В. Это такой изыск неплохой.

Ю.З. Итак вперёд — об МаринАнне.

Уже в заглавии нашего диалога сказано: СОВРЕМЕННОЦЫ. Мало того они были ярчайшие современницы, трагические фигуры, несчастные женщины, «дети страшных лет России» (А.Блок).

Разница в возрасте 3 года. В детские годы и в годы ранней юности – это много, но в дальнейшем эта возрастная грань обычно стирается. Можно, наверно, считать, что они были одного поколения и формировались, как личности, в Российской империи, в одну и ту же историческую, политическую, бытовую и культурную эпоху.

Политически – это прежде всего дореволюционные годы при монархии и определённых религиозных и культурных традициях русской интеллигенции, методах воспитания и обучения, бытовавших в то время.

*Семейство Горенко
(Аня вторая справа)*

*Семейство Цветаевых
(Марина сидит в центре)*

Г.В. То, что они были воспитаны в одинаковых культурных традициях, не отнимает того факта, что эти культурные традиции у интеллигенции крайне разнообразны. Настолько разнообразны, что высочайшая культура АА и МЦ была всё-таки крайне разнообразна.

Ю.З. Я не говорю «в одинаковых культурных традициях», как вы отмечаете. Речь пока идёт о том, что они жили не в разных эпохах, а в одну и ту же эпоху. И это важно отметить. Речь идёт об общих для них истоках жизни в дореволюционной России.

Я продолжаю. В бытовом отношении у них была вполне устроенная, околдованная жизнь (мать АА была богатой помещицей, отец – статский советник; мать МЦ – аристократических кровей, отец – профессор, статский советник). Материальное благополучие. Возможность получения высокого образования и

ПЕТЕРБУРГ

Театральные площади

*Русский музей
(Михайловский дворец)*

Публичная библиотека

*Спас на Крови
(Церковь
Воскресения
на Крови)*

МОСКВА

*Третьяковская галерея
Открытка из архива Ст. Айдиняна.*

Дом Пашкова.

*Покровский
собор
(Храм Василия
Блаженного)*

Питерские фонари

Фонари Москвы

Царское Село (АА). Ламский пруд.
Фото М.Величко.

Таруса (МЦ). Ока.
Фото. В.Яншиной.

склонность к САМООБРАЗОВАНИЮ. Последнее особенно характерно для обеих женщин. Конечно, одна – чистая москвичка (МЦ), другая (АА) – после ряда перемещений по российской империи осела в Петербурге.

Однако на их детские годы приходятся и провинциальные впечатления и переживания. Для МЦ – это Таруса и Крым, для АА – Крым, усадьба матери в селе Слобидка–Шелеховская на Украине, Царское село (в первом замужестве ещё усадьба Слепнёво).

Обе в разные годы побывали во Франции и Италии.

Такого рода впечатления для творческих натур бесследно не проходят.

А с кем они обе общались и чью поэзию знали и впитывали?

В разные годы они лично общались с Осипом Мандельштамом и его женой Надеждой Яковлевной, Владимиром Маяковским, Константином Бальмонтом, Валерием Брюсовым, Михаилом Кузминым, Николаем Харджиевым, Максимилианом Волошиным, Георгием Адамовичем, Владиславом Ходасевичем, Ильёй Эренбургом, Софьей Парнок, Шервинскими, Арсением Тарковским, Саломеей Андрониковой–Гальперн, Ниной Берберовой, Фаиной Раневской.

И, конечно же, с Борисом Пастернаком.

Ахматова, Цветаева, Пастернак.
Экслибрис работы художника Н.Кофанова

Г.В. Здесь я скажу, что с Маяковским они не общались.

Ю.З. Общение было, видимо, небольшое, но было: МЦ – встреча Маяковского в Москве на Кузнецком мосту перед отъездом в 1922 году в Европу и однажды, придя на его выставку в РОСТА. В 1928 г. МЦ публично приветствовала его во время его выступления в Париже и подарила Маяковскому свою книгу «После России», написав: «Такому как я – быстроному».

АА пересекалась с Маяковским, когда тот выступал в кафе «Бродячая собака» (Питер).

Обе были знакомы с его творчеством.

Следующий постулат. Обе посвящали стихи своим современникам – Мандельштаму, Пастернаку, Блоку (о Пушкине – отдельный разговор).

Впитывали и хорошо знали русскую и европейскую культуру, например, 19-го века, французский и русский символизм. Обе бунтовали против символизма. Обе были ярчайшими представителями Серебряного века русской культуры, находились в центре этой эпохи.

Потом была революция, которая резко изменила их образ жизни, сломала их судьбы. Где-то в те же годы произошло и резкое изменение их творческого стиля. Всё это надо было пережить, всё это сказалось на творчестве.

Советское время они пережили, конечно, по-разному. Но молот коммунистического и сталинского террора основательно прошёлся по их семьям и их окружению. Их мужья подверглись жестким репрессиям (у АА – Гумилёв и Пунин, у МЦ – Эфрон), они пережили арест своих детей (АА – Льва, МЦ – Ариадны). Обе стояли в тюремных очередях на сдачу передач и получения справок о судьбе своих близких.

А то, что они сами чудом избежали ГУЛАГа, часто опасаясь ареста.

Разве это не общность?

Г.К. Я согласен.

Ю.З. Можно выделить ещё ряд общих для них моментов, которые могут показаться несущественными, однако, они были. В мире нет ничего случайного.

Смотрите.

Сложные натуры с трудными характерами, дворянки по происхождению, обе имели гремучую смесь четырёх кровей (АА – русской, украинской, татарской, греческой; МЦ – русской, польской, немецкой, сербской), обе – роковые женщины. От обеих мужья сбегали из дома (Сергей Эфрон – на фронт Первой мировой войны, Николай Гумилёв – в Африку вскоре после свадьбы и ещё позже). Обе не приносили счастья своим мужчинам.

Обе выражали женское племя, женскую любовь, жалели женщин, научили их не только говорить (АА), но даже не просто говорить, а и кричать навзрыд (МЦ).

*Обе были женственными
(Ахматова слева, Цветаева справа)...*

Обе обладали ясновидением, сверхвозможностями, «резвым, наблюдающим, рационалистическим» (Л.Гинзбург), глубоким и аналитическим умом, ясной и чёткой памятью, твёрдой логикой, прямоотой, краткостью и афористичностью высказываний, «геометрически точным» (К.Чуковский) мышлением (по Лосской, это последнее нечто «незаметно–мужское»).

Они были женственными, гордыми, мужественными, высокообразованными, начитанными, знали несколько языков (по мнению писателя Виктора Ардова, АА «много читала по–английски, по–немецки, по–французски и даже по–итальянски»; известно, что МЦ владела по крайней мере французским и немецким), не терпели слово «позтесса», курили, носили чёлки, имели прямую осанку, зеленоватые глаза и горбинку на носу, писали филигранные, изящные стихи, философски осмысливали жизнь и бытие, считали поэзию трудом, обладали поэтической дисциплиной и само–принуждением. Обе знали себе цену.

Г.В. Согласен полностью.

Ю.З. Много общались, являлись интересными, своеобразными собеседницами, оказывались в центре внимания, дружили, переписывались с евреями, высказывались о евреях, переводили с идиш на русский язык еврейских поэтов, влюблялись в евреев.

Назовём без детализации некоторые имена:

например, Анна Ахматова – Артур Лурье, Осип и Надежда Мандельштам, Борис Пастернак, Эмма Герштейн, Исайя Берлин, Виктор Ардов, Лев Озеров, Иосиф Бродский, Анатолий Найман;

Марина Цветаева – Илья Эренбург, Михаил Слоним, Абрам Вишняк (Геликон), Борис Пастернак, Осип Мандельштам, Евгений Ланн, Никодим Плутер–Сарно, Павел Антокольский, Григорий Альтшуллер, ЛевШестов, Евгений Тагер, Семён Липкин, Эмилий Миндлин (МЦ была также страстной поклонницей актрисы Сары Бернар).

Г.К. Могу добавить. По–моему, Нилендер и Родзевич.

Ю.З. Не уверен.*

* Из дополнительного анализа следует, что, например, отец Константина Родзевича Болеслав Родзевич – поляк римско–католического вероисповедования, мать Мария Григорьевна – православная, русская. Константин был крещён в православную веру. Теперь о Владимире Нилендере. Я был знаком с двумя Нилендерами и с мужем сестры Владимира Нилендера. Роман Алексеевич Нилендер считался русским, занимал очень высокий пост в электронной промышленности (жена при этом у него была еврейка). А его племянник Коля Нилендер учился у нас в институте на моём курсе и был типичным еврейским юношей. Когда ко мне в московский музыкальный клуб стал ходить вдовец недавно умершей сестры Владимира Нилендера. любые разговоры о ней были неуместны. Заглянув на Интернет, я всё же обнаружил такую информацию: Нилендер Владимир Оттонович (1883–1965) – сын потомственного дворянина лютеранского вероисповедания.

Г.В. Хочу сказать по вопросу юдофильства. Марина Цветаева была замужем за евреем и питала глубочайшее почтение к евреям. Среди увлечений МЦ единственным русским был Чурилин. У АА их значительно больше.

Ю.З. А Юрий Завадский, а Владимир Алексеев?

Г.В. Хорошо, что вы их вспомнили.

Анна Андреевна имела многочисленные связи с мужчинами еврейской национальности, в частности, это был Артур Лурье, композитор (наверно, можно вспомнить и увлечение художником Амедео Модильяни. – Ю.З.). Ещё раз скажу, что у МЦ было почти благоговейное (как и у её матери Марии Александровны и сестры Анастасии. – Ю.З.) отношение к еврейству. Как к расе. У Анны Андреевны я не знаю чётких формул на этот счёт. Антисемитизма они не переносили, своим чередом, но влюблённость...

Ю.З. Что касается Сергея Эфрона, то мать его была русская, из старинного дворянского рода Дурново, а отец – крещённый еврей, сын раввина. У В.Лосской есть работа, где она обращает внимание на некоторые «странности» в высказываниях МЦ по еврейскому вопросу. С одной стороны, она гордилась, что у Эфрона есть еврейская кровь. А с другой, возмущалась, когда его называли евреем. Видимо, потому что он был человеком русской культуры. Но людьми русской культуры были многие евреи в России. Я, грешный, из таких же. На Западе любят судить–рядить, «открывать глаза» жаждающим покритиковать и даже осудить гениев, в частности, об отношении МЦ к евреям. Например, в Америке живут два «знатока» (оба бывшие российские технари), которые на основании некоторых стихов и записей МЦ (слава Богу, всё, наконец, опубликовано) говорят об её, якобы, антисемитизме и очень гордятся этим своим «открытием» (один из них обвиняет МЦ даже в ксенофобии).

Г.В. Какая глупость. Это чепуха.

Ю.З. Вообще–то в последние годы появились работы, в которых и другие поэты обвиняются во всех смертных грехах. Делается это с какой–то страстью и как бы с ревностью к их популярности, а в отдельных случаях и со злобой. Может быть, всё это спровоцировано многочисленными восторгами: дескать, смотрите, не так уж они и хороши. Я это называю феноменом неуважения к гениям. Достается не только Цветаевой, но и Пастернаку, Мандельштаму, и Ахматовой. Похоже, авторы таких работ жаждут сенсаций. Им нравится при–нижать талантливых людей. Им очень хочется на себя обратить внимание и порадоваться, как писал А.С.Пушкин, «унижению высокого, слабостям могу–

щего»: «...Врёте, подлецы: он и мал и мерзок – но не так, как вы – иначе...» (из письма П.А.Вяземскому).

К сожалению, такие люди есть и будут всегда.

Я продолжаю перечислять свои продуманные заранее постулаты об общности МЦ и АА.

Обе проявляли особый интерес к смерти, хотя и по-разному (МЦ – многократно, с юных лет и в течение всей жизни: например, из раннего «И дай мне смерть в 17 лет...», АА – в 1916 г. просила Бога «умертвить» её, в 1917 году «хотела испить смертельного вина», много писала о смерти в 1927 году (38-ми лет), а в 1936 г. (47-ми лет; напомним, что МЦ ушла из жизни в неполные 49 лет) АА, например, написала так: «А надо мной спокойный и двурогий/ Стоит свидетель... О туда, туда,/ По древней подкапризовой дороге,/ Где лебеди и мёртвая вода»).

Г.В. Какие божественные слова, Боже мой (в голосе Г.В. ощущается сильное волнение. – Ю.З.)!

Ю.З. Глубоко понимали политику, знали историю, чувствовали музыку, искусство.

Г.В. Надо добавить: понимали политику, но не оправдывали.

Ю.З. Согласен. Когда я говорю «понимали», это не значит оправдывали. Это значит следили, были в курсе, имели своё мнение. Может быть, иногда и ошибались, но не были полностью отрешены от этого. В общем – то правильно понимали сущность советской жизни.

Г.В. Я бы сказал так. Марина Ивановна всегда дистанцировалась от жизни государства.

Ю.З. МЦ не могла полностью дистанцироваться.

Г.В. К сожалению, это так относительно Марины Ивановны..

Анна Андреевна после 1953 года полностью вошла своей жизнью параллельно с жизнью государства. Она радовалась своему признанию и ощущала гордость за условия, которые изменились по её мнению, превратному, как мне кажется. Всегда надо помнить, что прошлое ещё впереди. И вот она этого не чувствовала. Она ездила в город Таормино, на Сицилии, она получала международное признание, что тешило её самолюбие, её значимость поэта, как она его понимала.

Ю.З. АА, по-моему, не приветствовала советскую власть. Она просто говорила, что она хрущёвка только за то, что он выпустил заключённых из лагерей, где находился и её сын Лев Николаевич Гумилёв. Это не приветствие советской власти. Разве мы не благодарны Хрущёву за выход заключённых, невинных людей, на волю? Это не значит, что мы приветствуем советскую власть. (Г.В. сам пробыл в ГУЛАГе 7 лет и был амнистирован в 1953 году. – Ю.З.). Мы и Хрущёва за многие его несуразности не приветствуем. Но за это мы ему благодарны.

Г.В. Высказать своё мнение о Хрущёве Марина Цветаева не успела, что естественно, т.к. она умерла в 1941 г.

Ю.З. Пошли дальше. Я продолжаю высказывать свои постулаты об общности АА и МЦ. Хотелось бы услышать от вас прежде всего возражения и дополнения.

Обе женщины были, как все большие поэты, весьма любвообильными. Состояние влюблённости их сопровождало почти постоянно. Были равнодушны не только к мужчинам, но временами и к женщинам. В молодости любили шумные молодёжные сборища (АА – «сборища ночные» в кафе «Бродячая собака» и кабачке «Привал комедиантов», МЦ – «обормотники» на Сивце Вражке и на Большой Молчановке).

В юности обе были дерзкими, вздорными, крылатыми. Например, АА так говорила о себе юной (что, по-моему, относится в полной мере и к юной МЦ): «Нрав мой вздорный...» и «Я была дерзкой, злой...». Обе в стихах называли себя крылатыми: АА, 1913 г. – «Я с детства была крылатой», МЦ, 1918 г. – «Если душа родилась крылатой».

Их судьбы связаны с некоторыми общими пространствами, где они в разное время жили или бывали: Москва, Петербург, Париж, Сицилия, Крым, Чистополь, Старки под Коломной, ряд мест в Подмоскowie (Болшево, Удельная, Голицыно).

Информация о московской квартире в доме 6/3 по Большой Никитской, где они в разное время жили, представлена выше (см. Хронику за 2006 год).

Фотографии ещё некоторых мест приведены на ближайших страницах.

Обе были сплошь и рядом неприятельны к одежде (платья без покроя), к еде, отрешены от быта, не умели и не любили готовить, боялись лифта, машин, улицы (например, по воспоминанию об АА жены поэта А.И.Гитовича, соседа по Комарово, «в житейских делах она (АА) была беспомощна, ...боялся техники,

Палермо. Сицилия.

Таормина.

Сицилия. Вид на набережную Сиракузы.
МЦ отсюда посылали открытку
в 1912 г. в Москву

Чайпитие в Старках
(около Коломны), где в
разное время у Шервинских
побывали и Ахматова (1936),
и Цветаева (1941).
Фото Л. Горнунга

Посёлок Удельная (Подмосковье).
Старинная деревянная церковь Живона-
чальной Троицы (расписанная братьями
Васнецовыми), расположена по сосед-
ству с санаторием того же названия, где
однажды лечилась Ахматова. Напротив
церкви усадьба Лидии Александровны
Тамбурер, духовной наставницы осиро-
тевших подростков Марины и Аси Цве-
таевых. Фото автора.

Стация Болшево (Подмосковье).
МЦ жила 145 дней в посёлке
«Здоровый быт», а Ахматова лечилась в
реабилитационном санатории.
Фото А. Балакина.

Чистополь (Татарстан).
Пристань на Каме.
Архив Н. Валеева.

не умеет включить проигрыватель, ...поставить пластинку, ...зажечь газ»). О беспомощности МЦ после возвращения в Россию в 1939 г. можно найти в дневниках её сыны Георгия Эфрона (Мура).

Любили Россию, страдали за неё. Конечно, каждая по-своему.

Г.В. Это очевидное утверждение. Даже слишком очевидное.

Ю.З. Незабвенно любили Пушкина и презирали его жену Наталью Николаевну, уделяли им большое внимание в творчестве.

Постоянно искали общения, любили читать свои стихи другим, хотели бы, чтобы их стихи пелись. Конечно, это характерно, естественно, для многих поэтов, но всё же...*

**У АА есть стихи о песне и песенность поэзии она считала важнейшим признаком хороших стихов, а однажды в Ташкенте, услышав пение солдат в строю, сетовала о том, что её стихи петь не будут.*

МЦ сотни раз упоминала песни в своих сочинениях.

Посвящали друг другу стихи, особенно много внимания этому уделяла МЦ.

Им тоже посвящали стихи и делают это до сих пор.

Легко принимали материальную и иную помощь и даже были требовательны (может быть, даже чрезмерно) в этом отношении к окружающим. Бывали и деспотичны. Сами охотно помогали другим нуждающимся при малейшей необходимости, даже при отсутствии своих возможностей.

Их послереволюционной жизни неоднократно сопутствовали нищета и нужда. Обе знали, что такое «разорённый дом», и хорошо ощущали «злую жизнь» свою (ахматовские слова).

Замуж выходили, по-видимому, не по любви (во всяком случае, не от большой любви), а из жалости к своим избранникам (АА – к Николаю Гумилёву, МЦ – к Сергею Эфрону).

Г.В. Очень справедливо, очень.

Ю.З. Мэтр символизма и советский культурный деятель Валерий Брюсов уничижал и Ахматову, и Цветаеву.

Для обеих характерно знание мифологии и склонность к ней.

Г.В. Прекрасно.

Ю.З. Общались в разное время с «хозяйкой» объединения «Никитинские субботники» Е.Ф.Никитиной.

Обе оказались замужем или были близки с просоветскими деятелями (МЦ – с Сергеем Эфроном, НКВД, с Ильёй Эренбургом – советским писателем, обласканным властью, АА – с красными комиссарами просвещения: с Николаем Пуниным – искусство и Артуром Лурье – музыка).

Для обеих дам характерно чувство одиночества и тоски.

Обе родили своих детей в 1912 году (МЦ – первенца Алю, АА – Льва). Их дети были очень одарёнными неординарными людьми.

По Машинской (см. 2003 г. хроники), совпадения в их творчестве происходили в возрасте 24 года для каждой (1913–1916 годы), а смена поэтики у обеих состоялась в 1915 году.

Обе почти одновременно, а именно в период расцвета Серебряного века, издали свои первые книги и создали существенный, если не основной объём своего творчества.

Общие темы в их творчестве, по крайней мере, следующие: море, вопросы жизни и смерти, женская судьба, любовь, разлука, измена, тоска, песенки, поэтическое ремесло. Примеров тому множество.

Обе обладали «чуткостью умного женского сердца» (слова А.Белого о МЦ).

Таковы мои представления об общности АА и МЦ, МЦ и АА.

Г.В. Сейчас, сходу, возражения подыскать мне трудно, хотя у меня есть одно общее замечание. Те пункты, которые вы перечисляли, они присущи не только этим двум поэтессам, но также, по-видимому, и другим и мужского пола тоже. Есть пункты, которые, вообще говоря, можно рассматривать более широко и распространить на всех работников творческого труда, поэтов, в частности.

Ю.З. Ну, конечно, всех, кто жил в это же время, общался и так далее...

Г.В. Это было единственное замечание, которое я сейчас смог сделать вслух.

Ю.З. Согласен. Совершенно справедливо. Многие пункты, которые я упомянул относятся к целому поколению. Даже в заглавии нашего диалога сказано: «АА и МЦ – современницы». Конечно, у них были и другие современницы и современники.

Г.В. Вот ещё что. Трудно, наверное, найти, поэтессу, которая любила готовить.

Ю.З. Такие есть. Например, если я не ошибаюсь, Белла Ахмадулина. По-моему, она об этом говорила где-то в интервью. Наверно, есть ещё примеры, но, естественно, что люди творческого труда, тем более гениальные люди, сосредоточены на творчестве, на своих внутренних переживаниях и мыслях. А вот Пастернак любил работать в саду и содержал в идеальном порядке свой кабинет на даче в Переделкине.

Тем не менее, что точно было характерно для МЦ и АА, то я и отмечаю.

Г.В. Прекрасно.

Ю.З. Теперь некоторые намётки сведений о совпадениях в творчестве.

Г.В. Это интересно.

Ю.З. Приведу примеры совпадений в творчестве, а может быть, и влияний (даже созвучий, что отмечали Надежда Копылова в 1991 г. и Ирина Машинская в 2003 г.).

Например, Ирина Машинская пишет (выделено мною – Ю.З.): «Цветаевские нотки у Ахматовой, ахматовские нотки у Цветаевой, вплоть до словесных и даже интонационных (что самое удивительное) совпадений» (к сожалению, Ирина Машинская в своей рецензии на книгу В.Лосской «Песни женщин» не приводит конкретные примеры в подтверждение своей точки зрения).

А вот некоторые мои примеры совпадений в творчестве (а может быть, и влияний), на которые я в своё время наткнулся, работая над музыкально-поэтической программой «Анна Ахматова. Марина Цветаева. Диалог, который был и не был». Эта программа исполнялась мною в нескольких городах Америки.

Г.В. Жаль, что я, находясь в России, не мог присутствовать на вашем выступлении.

Ю.З. Например, о любви.

АА 1911 г.: Мне с тобою пьяным весело.

1913 г.: Я с тобой не стану вино пить.

1946 г., отдельные строки из стихотворения «Во сне»:

Мы с тобою, друг мой, не разделим

То, что разделить велел нам бог...

...Мне с тобою как горе с горою...

Мне с тобой на свете встречи нет...

(Позже АА первую строфу с верхними 2 строчками, приведёнными здесь, изъела, зачеркнула, возможно, неслучайно).

МЦ (1911 г.):

Мы с тобою лишь два отголоска.

Ты затихнул, и я замолчу.

Мы когда-то с покорностью воска

Отдались роковому лучу...

О разлуке, измене (обида, досада).

АА 1910 г.(?): Ушёл, глядит в глаза другие...

1914 г.:

Вечерний и наклонный

Передо мною путь.

Вчера ещё влюблённый,

Молил: «Не позабудь».

А нынче только ветры

Да крики петухов,

Взволнованные кедры

У чистых родников...

МЦ (1920 г.):

Вчера ещё в глаза глядел,

А нынче – всё косится в сторону!

Вчера ещё до птиц сидел, –

Все жаворонки нынче – вороны!..

...Вчера ещё – в ногах лежал!

Равнял с Китайскою державою!

Враз обе рученьки разжал, —
Жизнь выпала — копейкой ржавою!..

Г.В. Чудесная находка сравнивать эти известные стихи. Прекрасно.

Ю.З. Ещё несколько примеров.

АА: Не будем пить из одного стакана
Ни воду мы, ни сладкое вино,
Не поцелуемся мы утром рано,
А ввечеру не поглядим в окно...(1913)

Вот ещё:
Со мной всегда мой верный, нежный друг,
С тобой твоя весёлая подруга,
Но мне понятен серых глаз испуг,
И ты виновник моего недуга.
Но кратких мы не ущемляем встреч.
Так наш покой нам суждено беречь...(1913)

Г.В. Какие чудные слова.

Ю.З.
МЦ. Попытка ревности, 1924 г.
(первые две строки и последние две строки)
Как живётся вам с другою, —
Проще ведь? — Удар весла! —...

...Как живётся, милый? Тяжче ль,
Так же ли, как мне с другим? (1924)

Обе любили словечко «невстреча» и писали о своей крылатости: АА, 1913 г. — «А с детства была крылатой», МЦ, 1918 г. — «Если душа родилась крылатой». Это что, случайные совпадения или взаимовлияние?

А названия их книг не перекликаются разве?
«Вечер» у Ахматовой и «Вечерний альбом» у Цветаевой,
«Белая стая» у АА и «Лебединый стан» у МЦ,
раздел книги «Тайны ремесла» у АА и книга «Ремесло» у МЦ.

Возможно, всё это оттого что они — современницы, творцы одного времени и одного пространства.

На этом соображении давайте и завершим наш диалог.

Будем надеяться, что интересующемуся читателю не будет очень скучно читать наш диалог, следить за ходом наших рассуждений об Ахматовой и Цветаевой. Наверно, не все согласятся с нашими доводами. Что ж, это естественно.

Спасибо большое, Глеб Казимирович, за участие и внимание к изложенным соображениям.*

** Публикация здесь этого диалога посвящается памяти замечательного, удивительного человека. Человека мощного интеллекта, светлой и доброй души, высокого благородства. Глеб Казимирович Васильев, которого знали и любили все цветаевцы в разных странах. Он поднял «народное цветаеведение» до огромной высоты (здесь имеется в виду серьёзное изучение творчества и биографии Марины Цветаевой и её семьи любителями русской поэзии и культуры). И неслучайно же его взяла в свои друзья Анастасия Ивановна Цветаева и более 20 лет почти ежедневно общалась с ним и его женой, другом и помощницей Галиной Яковлевной Никитиной. 25 апреля 2009 года, через 3 недели после 86-летия, его не стало. Все его друзья и знакомые испытали огромное горе. Вечная ему память!*

Глеб Казимирович Васильев и Галина Яковлевна Никитина.
4 января 2009 года, День Ангела Анастасии Ивановны Цветаевой.
Фото В.В.Яншиной

«КРАТКИЕ ВЫДЕРЖКИ ИЗ ХРОНИКИ ОБ ОБЩНОСТИ И ВЗАИМОВЛИЯНИИ АА И МЦ»

В качестве дополнения к диалогу и для полноты картины приводятся здесь только соответствующие заглавию раздела отрывки высказываний из Хроники.

М.Волошин, 1917:

«...Слияние стиха и голоса зазвучало непринуждённо и свободно в поэзии Ахматовой, Марины Цветаевой, О.Мандельштама, Софии Парнок».

К. Мочульский, 1923:

«... Они – столь непостижимо различные – современницы».

В.Маяковский, 1928:

«Ахматова, Цветаева? Обе дамы. Одного поля <ягоды>».

Н.Я.Мандельштам, 1967–1981 (предположительно):

«В юности...<Ахматова>уже называла себя брошенной... И у Марины есть эта тема: “всегда бросали”».

«Символизм с его практикой и теорией восстановил против себя и трёх объединившихся акмеистов < – Ахматову, Гумилёва, Мандельштама >, Хлебникова, Пастернака, и Цветаеву в Москве».

Н.Я.Мандельштам, 1970:

«И Ахматова и Цветаева – великие ревнивицы, настоящие и блистательные женщины...».

Г.Родионова, начало 1970–х годов (цитируя М.Цветаеву):

«У нас разные читатели и ценители. Но мы оба – поэты. Разные – и одинаковые...».

А.Нейт, 1976:

«Они (Ахматова и Цветаева. – Ю.З.) принадлежали к одному литературному поколению...».

Н.Я.Мандельштам, 1978:

«Цветаева и Ахматова, умели извлекать из любви максимум радости и боли.

Им можно только позавидовать».

Э.Миндлин, 1979:

«А они обе были «всяя Руси» – Марина и Анна».

И.Лиснянская, 1984–1989:

«Я почти уверена, что заимствование <Ахматовой> у Цветаевой музыки для Поэмы<без героя> (из стихотворения «Кавалер». – Ю.З.) и было тем самым «первым слоем, который поэты скрывают почти что от себя самих» (последние слова принадлежат Ахматовой. – Ю.З.).

...Упаси нас, читателей, Бог от споров «ахматовцев» и «цветаевцев», от яростных доказательств, кто из этих поэтов лучше, кто – первой. Обе лучше! Обе первой!».

И.Бродский, 1988:

«...Ахматова, Цветаева, Мандельштам сложились как поэты до наступления новой политической реальности».

А.Саакянц, 1989:

«...Их сближала ревнивая неприязнь к Наталье Николаевне Пушкиной...».

«Обе, как все великие поэты, были причастны к Вселенной – обе многое провидели... И, быть может, особенно роднило их – ОДИНОЧЕСТВО...».

Джейн Таубман, 1989:

«...Поскольку<Цветаева> была женщиной и поэтом, сравнение с Ахматовой было неизбежно...»

К.Ваншенкин, 1990–е:

«...На душе остаётся шрам:
И Цветаева по чужим углам,
И Ахматова по чужим углам...».

В.Корнилов, 1991:

«...<Ахматова и Цветаева> только в одном едины: с одинаковым презрением и гадливостью относились к любым вариантам антисемитизма...».

А.Найман, 1991:

«...Сейчас нас интересует не общая картина русской поэзии первой половины <XX>века, а цветаевско–ахматовские внутренние связи».

Н.Копылова, 1991:

«В их любовной лирике есть созвучье и разнозвучье...».

И.Бродский, 1991:

«Пастернак – поэт центростремительный... В то время как... трое (Мандельштам, Цветаева, Ахматова. – Ю.З.) были поэтами центробежными...».

М.Белкина, 1992:

«Анна Андреевна, как и Марина Ивановна, ненавидела, презирала всякий быт и с полнейшим равнодушием относились к житейским невзгодам...».

И.Друзе, 1993:

«Цветаева и Ахматова не только не отказывались от своей женской природы, но настаивали на ней, опираясь на её субстанциональные, архитипические свойства.

Равновеликость, равноценность, самодостаточность цветаевского и ахматовского миров не снимают, однако, проблемы их противостояния».

«Приход Ахматовой и Цветаевой в поэзию совпал с общепозитическим процессом “преодоления символизма”».

«Очевидно, что взаимоотношения с городом как «сакральным» и у Цветаевой, и у Ахматовой обрели черты духовного самостояния, подвергавшегося испытаниям истории...».

«Относя к “поэтам без истории” А.Ахматову, М.Цветаева, конечно, ошибалась, принадлежа сама больше, чем кто-либо, к этой категории поэтов. Но права она в главном: “В разные устья, из разных истоков, разные в источниках, которые пьют... не разные во всём, а люди разных измерений, – они равны только в одном: силе. В силе творческого дара и отдачи. Следовательно, в силе, по нас, удара”. Эти слова взяты из статьи М.Цветаевой “Эпос и лирика современной России”, где дан развёрнутый парный портрет поэтической личности Маяковского и Пастернака».

«Волне логично перенести это заключение и другую поэтическую «пару» – Цветаева и Ахматова».

В.Сенкевич, 1994:

«Эгоцентризм? – в нём тоже обвиняли Цветаеву. Но разве Ахматова менее

эгоцентрична? Разве мало у Цветаевой стихов о других?».

А.Саакянц, 1995:

«...Из четырёх поэтов две женщины – ПОЭТЫ. А не поэтессы. На этом настаивали обе: и Анна Ахматова, и Марина Цветаева».

«Детство той и другой было печальным».

«Существование Анны Ахматовой после октябрьского переворота является собой страшную картину. То же можно сказать и о Марине Цветаевой...».

«...Их роднила нелюбовь к Наталье Николаевне Пушкиной».

Ф.Искандер, 1996:

«В двадцатом веке наиболее яркая пара: Ахматова – Цветаева. Оба поэта – люди трагической судьбы».

Айза Пессина Лонго, 1996:

«Ахматова и Цветаева в истории русской поэзии были и остаются двумя самобытными и неподражаемыми Поэтами. Никому из других поэтесс, которых много было в мире женской поэзии, не удалось ни раньше, ни после них найти те неожиданные акценты, ту гармонию речи, ту несравненную силу и напряжённую мысль, которые делают бессмертным поэтическое слово, их поэзию, бесспорно, уникальной в мировой поэзии».

«...Этим двум поэтическим голосам, Анны Ахматовой и Марины Цветаевой, судьба уготовила высокую, но трудную задачу – поэтическим языком передать тайный личностный мир чувств и страстей, а также понимание гражданского долга...».

«Насколько непохожи А.Ахматова и М.Цветаева как внешне, так и по творческому почерку и эмоциональности, настолько в одинаковой мере их ужасает пустота слова. Их поэзия завоевала сердца читателей благодаря особой выразительности, достигавшейся своеобразной манерой письма: рассудочная, насыщенная, выстраданная трансформация мыслей в простые слова...».

Л.Аннинский, 1997:

«Обе венценосные – в душе, в глубине души, в сознании своего права...».

Л.Страхова, 1997:

«Обе они могли бы сказать о себе словами боготворимого ими Блока: «Мы дети страшных лет России...».

«Поразительное сочетание женственности и изящества с мужеством и волей, страстности и порывистости с чеканной филигранностью стиха, неподдельная искренность чувства и глубокие философские раздумья о вечных проблемах бытия – вот что объединяет таких самобытных, таких непохожих поэтов – Анну Ахматову и Марину Цветаеву».

А.Саакянц, 1998:

«В творчестве Цветаевой циклы стихотворений к Ахматовой и к Блоку занимают равное место, это – циклы – “близнецы”, ибо образы Блока и Ахматовой, созданные Цветаевой, это образы – “близнецы”».

В.Лосская, 1999:

«У Ахматовой и у Цветаевой было общее, одинаковое и очень тяжелое чувство своей постоянной бездомности».

«...Ахматова и Цветаева могут служить живыми воплощениями пушкинского толкования библейского пророка».

«Ахматова и Цветаева обе прожили всю свою жизнь в уверенности, что у них было одно-единственное призвание, один долг – служить поэзии, потому что обе осознавали себя поэтами».

«...Ахматова и Цветаева были обе уверены в божественной природе своего творчества».

О.Ронен, 2000:

«...Только у двух больших русских поэтов и притом в единичных случаях встречаются слова «серебряный век» или «серебряное время» в применении к началу XX века: у Ахматовой и у Цветаевой».

Вяч.Вс.Иванов, 2000:

«Ритмический эксперимент в кузминском «Георгии», возможно, сказался в последующих метрах эпических сочинений Цветаевой. Метры Кузмина оказываются не только для Ахматовой, но и для других поэтов этого времени источником постоянных новшеств».

Т.Горькова, 2000:

«Цветаева и Ахматова – две крупные поэтические фигуры, которые заполнили собой все «женское литературное пространство», оставив для претенденток место лишь на её окраинах».

«Между Ахматовой и Цветаевой, видимо, существовала какая-то неприязнь, о которой мы пока мало знаем».

«Они...были сёстрами в поэзии, но отнюдь не близнецами».

Н.Копылова, 2002:

«...Для лирических героинь лирики А.Ахматовой и М.Цветаевой любовь – это прежде всего боль...Для обеих одним из основных в любовной лирике является состояние брошенной, разлюбленной женщины...».

«Общим мотивом звучит в лирике А.Ахматовой и М.Цветаевой отношение той и другой лирической героини к сопернице...».

Н.Резникова, 2002:

«Два больших поэта-женщины – Ахматова и Цветаева, любили Некрасова...».

Л.Кертман, 2002:

«Каждая из них воспринимает «Натали» как антиподный себе женский тип, чуждый и неприемлемый...».

С.Романовский, 2003:

«Кого ни возьми: А.Блока, В.Хлебникова, Н.Гумилёва, В.Маяковского, В.Ходасевича, С.Есенина, Б.Пастернака, А.Ахматову, М.Цветаеву, Н.Заболоцкого, О.Мандельштама – всем им революция предъявила один счёт, который они смогли оплатить лишь своей трагической судьбой».

Е.Айзенштейн, 2003:

«Марина Цветаева, как и Ахматова, колдунья из леса. Чернокнижница, чьи стихи зачастую вырастают из страстей и душевных смут».

«...Львиную породу ощущала Цветаева в себе и в сестре по ремеслу – в Анне Ахматовой...».

Л.Кацис, 2003:

«На сегодня ясно, что не только Анна Ахматова, но и Марина Цветаева

“научила женщин говорить”, а проблема “как их замолчать заставить” для поэзии Цветаевой едва ли не более актуальна, чем для стихов Ахматовой».

М.Боровикова, 2003:

«Нам хотелось в общих чертах обозначить цитатное поле, в котором существует последнее цветаевское стихотворение <“Всё повторяю первый стих...”>, и показать, что оно не просто связано с “ахматовским” циклом (в широком значении слова), но связано именно с теми текстами, которые послужили источниками “Поэмы без героя” Ахматовой».

«...Повторное обращение к... сюжету <из “Новогодней баллады” Ахматовой, 1924 г. — “Там шесть приборов стоят на столе...”, осуществлённое> в новом жанре, дало возможность Цветаевой с большей отчетливостью обозначить авторскую позицию: активность ее лирической героини с декларативной прямоот репрезентирует авторскую активность по отношению к чужому слову».

И.Машинская, 2003:

«Цветаевские нотки у Ахматовой, ахматовские нотки у Цветаевой, вплоть до словесных и даже интонационных (что самое удивительное) совпадений...».

И.Чайковская, 2004:

«Ахматова и Цветаева, каждая в своём роде, воплотили представление о женщине-поэте, наделённой высочайшим поэтическим даром и заплатившей за него по самой высокой цене».

И.Ничипоров, 2004:

«...Крупнейшие представители — М.Цветаева, А.Ахматова, Б.Пастернак — на разных этапах творческого пути стали создателями диалогически соотносящихся друг с другом “блоковских” стихов и циклов».

В.Недошивин. 2006:

«...В одной <московской> квартире, не зная об этом, жили <в разные годы> два великих поэта: Цветаева и Ахматова... Эта квартира в доме по Большой Никитской, 6/3...цела».

Э.Файнштейн, 2006:

«И Ахматову и Цветаеву по праву можно причислить к числу величайших поэтов Европы XX века... Обе поэтессы были мучительно несчастливы, и немалую роль в этом несчастье сыграл сделанный ими выбор».

«...Всё же у этих женщин БЫЛО МНОГО ОБЩЕГО (выделено мною. — Ю.З.)».

Ю.Юрович, 2008:

«Среди блистательных имён серебряного века выделяются два женских имени: Марина Цветаева и Анна Ахматова. За всю многовековую историю русской литературы это, пожалуй, лишь два случая, когда женщина-поэт по силе своего дарования ни в чём не уступила поэтам мужчинам...».

«...Можно сказать, что образы двух, несомненно, великих поэтов Ахматовой и Цветаевой есть много общего. Они полностью посвятили свою жизнь творчеству, даря нам свой неиссякаемый талант. Они хорошо известны и любимы... во всём мире. Их имена очень часто стоят рядом. Издаются их совместные сборники. Когда говорят об одной из них, обязательно упоминают вторую».

Н.Копылова, 2008:

«Обе — сильные женщины.

Что у них общего? И та, и другая, как женщина, хотела бы по жизни опереться на мужское плечо. Но достойного, более сильного плеча просто нет<для них>, потому что они сами личности.

Общее. Обе пишут о любви, о размолвке. Они это воспевают. Относятся свысока к сопернице, простой женщине. Они психологи, воспевают психологию женской души. Их имена даже можно объединить в одно: МаринАнна.

Взаимного влияния нет. Если только какое-то бессознательное».

Г.Васильев, 2008:

«Общее у них — только гениальный талант...».

Ю.Безелянский, 2008:

«Обе являются самыми крупными поэтами-женщинами, и слава их, я думаю, будет укрепляться и дальше».

«Общее у них — это судьба людей, родившихся в России».

В.Скуратовский, 2008:

«Общее у них —<это> рефлекс на чрезвычайно сложный, будем откровенными, не просто сложный, а бесконечно драматический, наконец, — трагический XX век. То есть у них одна и та же семантика. В сущности, они видели одну и ту же историю, один и тот же гераклитов поток этой истории. Они входили в этот самый поток, входили по-разному, но в общем их объединяет, не в последнюю

очередь, та же история, которую они видели. И здешняя, и другая. И, прямо скажем, состав человека в XX веке. Вот они смотрели в сторону этого человека, в сторону создаваемых им коллизий и мизансцен и прочее. Они по-разному смотрели на него, но они смотрели на одно и то же явление, на XX век».

«Взаимовлияние происходило, по моему разумению, главным образом, в режиме взаимно отталкивания... Вместе с тем так называемое непосредственное влияние – это для поэтов меньшего ранга. Такие фигуры друг на друга влияют, прямо скажем, несколько по-другому. Чего у одного много, того у другого меньше».

«Некоторым образом они соревновались. Там это, очевидно, было. Но это, конечно, ...не социалистическое соревнование, и не капиталистическая конкуренция... Речь идёт о некоторой диалектике отношений этих двух больших поэтов».

ПОСЛЕСЛОВИЕ АВТОРА.

Не боясь повториться, отмечу, что сумма приведённых в данной работе цитат из архива «Вашингтонского музея русской поэзии музыки», а их существенно больше 500-та, свидетельствует о постоянном и многолетнем сопоставлении двух современниц, двух знаменитых поэтов-женщин – Анны Ахматовой и Марины Цветаевой. И это не случайно. Литературный «поединок» МЦ и АА возник ещё на заре их творческой активности, в десятилетия XX века, когда АА сразу оказалась далёко впереди, хотя МЦ начала издавать свои книги стихов даже чуть раньше. Эту ситуацию отражает представленный ниже рисунок.

Сопоставление АА и МЦ возникло как раз в эти годы и производится до сего времени, т.е. в течение без малого 100 лет. И при этом в самых разнообразных ракурсах и неравномерно. До начала 70-х годов XX века было относительно немного сопоставлений АА и МЦ с отдельными выплесками, а затем вплоть до 2009 года (см. приложение) интерес к их сопоставлению не падает.

Мировая слава АА и МЦ не снижается, интерес к их творчеству и поединку остаются значительными и поныне.

В книге не ставилась задача создания литературоведческого труда и тем более справочника. Тем не менее, книга, видимо, в какой-то степени всё же таковым является.

Надеюсь, что данная Хроника окажется небезынской для любого грамотного читателя и, может быть, побудит исследователей к дополнительному

изучению творчества АА и МЦ в их сопоставлении, особенно в области общности и взаимного влияния, что сложнее (естественно, что их различия лежат на поверхности). Наверное, этому поспособствует и то, что, по моим сугубо субъективным ощущениям и интуиции, маховик интереса к великим поэтам-женщинам XX века будет продолжать перемещаться в XXI веке всё более в сторону энергетики и мощного духа Марины Цветаевой, творчество которой – новаторское, исключительно глубокое, всё ещё до конца не прояснённое, страстное, полифоничное, богатое ритмами, часто близкими современным ритмам жизни. Дочь Марины Цветаевой Ариадна Эфрон в своё время говорила, что творчество её матери недооценено. Об этом говорит и сегодня исследователь творчества и биографии МЦ писательница Ирма Викторовна Кудрова (СПб): «По-настоящему Цветаева недооценена. Она гораздо крупнее. Она поражает благородством, душевной высотой, бескорыстностью, способностью к состраданию и заботе о близких людях» («Новое русское слово», VOL.XCVIII, №336994, 6–7 сентября 2008).

По существу, столкнулись, грубо говоря, обыденность чувств и сдержанные эмоции – у Ахматовой и возвышенность чувств и бурные эмоции – у Цветаевой.

Символично, что даже цветаевское дерево на «Аллее русских поэтов и композиторов» в столице США Вашингтоне как будто бы стало в августе 2008 года немного пышнее ахматовского, хотя посажены эти деревья одновременно 28 апреля 2003 года.

МЦ всегда знала, что настанет её «черёд»: «Моим стихам, как драгоценным винам, настанет свой черёд», 1913 г.. Вот ещё её слова, уже 1921 года: «...Я ведь знаю, как меня будут любить через 100 лет».

Эту литературную тенденцию АА уловила в последние годы своей жизни (она умерла в 1966 г., через 25 лет после смерти МЦ), часто повторяя слова: «Сейчас царствует Марина!» (свидетельство поэта Владимира Корнилова, см. Хронику за 1991 год). Да и в 1945 г. она же сказала английскому учёному Исая Берлину: «Марина – поэт лучше, чем я».

Всё же АА никто не свергал и никогда не свергнет с царственного поэтического престола. Наоборот, в последние годы, возник, как и у Пастернака, бум публикаций книг и фильмов, посвящённых Анне Ахматовой. Она тоже не сомневалась в своей будущей славе («...И всё-таки узнают голос мой. /И всё-таки опять ему поверят», 1959), хотя утверждала, по словам Лидии Чуковской, и то, что «мировая слава уж наверняка мерзость».

Ахматовой, к которой слава и успех пришли раньше Цветаевой, просто пришлось потесниться.

«Двоевластие» поэтов-женщин АА и МЦ продолжается. Марина Цветаева, обращаясь к Анне Ахматовой в стихотворении «О, Муза плача...», обосновала это: «Мы коронованы тем, что одну с тобой / Мы землю топчем, что небо над нами – то же!...».

*Дерево АА (слева) и дерево МЦ
на «Аллее русских поэтов и композиторов»
в столице США Вашингтоне в августе 2008 г.
(посажены 28 апреля 2003 года) и именные плиты перед деревьями.*

Творчество АА и МЦ и отдельно, и в совмещении принадлежит вечности... Наверно, будет логично закрепить эти слова их автографами.

В заключение – слова благодарности.

Спасибо тем, кто дал автору проекта в 2008 году телефонное интервью–импровизацию для уточнения современного взгляда на тему Хроники (интервьюеры отвечали без предварительной подготовки). Это Н.Копылова (Воронеж), Ю.Безелянский (Москва), Г.Васильев (Москва), В.Скуратовский (Киев).

Спасибо тем, кто помогал в течение 30 лет собирать нашу с женой музейную коллекцию, ставшую основой приведённой Хроники. Коллекция началась с трёх книг, которые Светлана купила в Москве из-под полы в 1977–1978 годах. Это были сборники стихов Цветаевой, Ахматовой и Пастернака. Она же постоянно нацеливала меня на расширение коллекции и сама изыскивала интересные источники. Всегда помогают нам наши дети, их супруги и наши внуки и внуки. Всем им находится работа. Тут и техническое обеспечение, и обустройство экспозиций музея, фотографирование, видеосъёмки, веб сайт, компьютерные программы (Илий, Яков, Михаил, Маша Зыслины), переводы на английский язык (Джулия Зыслина), создание буклета музея (дизайн – Вера Зыслина, текст – Илий, Джулия, Ольга Зыслины). Наибольшая нагрузка ложится всё же обычно на мою жену Светлану и на нашего сына Михаила.

Неоценимый вклад в наше музейное собрание сделал, начиная с 1991 года, коллекционер–филантроп Александр Ханаков (Москва). Являясь по существу полномочным представителем нашего музея в России, он постоянно заботится о пополнении нашего собрания уникальными экспонатами и текущими изданиями. С 1999 года к этому благородному делу подключился московский пастернаковед и издатель Борис Мансуров. Сегодня помощников и доброжелателей у «Вашингтонского музея русской поэзии и музыки» немало, может быть, даже десятки. Перечислить их практически невозможно, чтобы при этом кого-нибудь не забыть назвать. Они разбросаны по нескольким странам. Прежде всего, конечно, главные помощники живут в России и США.

Всем–всем–всем низкий поклон. Надеюсь, что они знают, как я их люблю и как я им благодарен.

Отдельное спасибо московской художнице Людмиле Варламовой и её дочери Наталье за специальные иллюстрации к книге и бескорыстие, с которым

это было сделано.

Критику, редактору, музыканту Эрнсту Зальцбергу (Торонто, Канада) мой низкий поклон за постоянное внимание к музею и за просмотр рукописи данной книги, что свелось по существу к её редактированию.

Создание «Аллеи русских поэтов и композиторов» в Вашингтоне, также как бы входящей в состав нашего музея, не было бы возможно без материальной и моральной поддержки Президента Американского Университета в Москве д-ра Лозанского (согласие участвовать в проекте, финансирование посадки деревьев и установки памятных плит), финансистов Бориса и Натальи Фоксман (оплата мемориального камня композиторам), балтиморского художника и бизнесмена В.Лейтуша (дарение памятных плит, изготовление и установка мемориального камня) и благороднейшему американцу, садовнику–общественнику Гай Мэйсон парка, адвокату Милтону Гроссману (переговоры с администрацией парка, оформление разрешений, уход за деревьями). В создании и сохранении Аллеи опять же очень помог наш сын Михаил.

Поэту и переводчице со скандинавских языков Марине Тюриной–Оберландер спасибо за трогательное внимание к Аллее и за творческую поддержку.

Проект состоялся в немалой степени благодаря многолетнему интересу к делам музея и моральной поддержке Вице-президента NBAC Натальи Берман.

С удовольствием и благодарностью напоминаю имена спонсоров издания данной работы: Президент Ассоциации AARCE Светлана Соколова, Первый вице-президент фирмы Morgan Stanley Smith Barney in Washington, DC Виталий Назлымов, Управляющий юридической фирмы «femida.us» Дмитрий Дубограев и Менеджер той же фирмы Светлана Дубограева, Президент Home Inc. Рустам Аливерди, Президент Jessa Medical Supplies Inc. Муслим Алиев.

Особая благодарность организатору спонсорской поддержки проекта – Президенту корпорации NBAC и Председателю совета директоров Ассоциации AARCE Борису Фоксману.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Список цитируемых авторов (и годы их высказываний по сопоставлению АА и МЦ)

Абольянин, Геннадий – 1991.
 Агеева, Лариса – 2006.
 Адамович, Георгий – 1925, 1928, 1966, 1967.
 Айзенштейн, Елена – 2000, 2003.
 Андроникова-Гальперн, С.Н. – 1967.
 Аннинский, Лев – 1997.
 Антакольский, Павел – 1966.
 Ардов, Виктор – 1970.
 Ардов, Михаил – 2000.
 Артёмова, С.Ю. – 2005.
 Ахмадулина, Белла – 1966, 1978.
 Ахматова, Анна – 1921, 1942, 1945, 1957, 1959, 1962, 1963, до 1966.
 Баженов, Марк – 1994.
 Бальмонт, Константин – 1921.
 Бахтин, Михаил – 1973.
 Безелянский, Юрий – 2007, 2008.
 Белкина, Марина – 1992.
 Белый, Андрей – 1922, 1923.
 Берлин, Исая – 2000, 2001.
 Биллингтон, Джеймс – 2001.
 Блок, Александр – 1916.
 Боровикова, Мария – 2003, 2005.
 Бродский, Иосиф – 1974, 1978, 1979, 1980 (до 1990).
 1981, 1982, 1987, 1988, 1990, 1991, 1996.
 Брюсов, Валерий – 1922.
 Будыко, М.И. – 1995.
 Бург, Д. – 1962.
 Бурмистров, Тарас – 1999ю
 Быков, Дмитрий – 1999, 2005.
 Васильева, Лариса – 2008.
 Ванечкова, Галина.
 Ваншенкин, Константин – 1990–е.
 Васильев, Глеб – 2008.
 Вегин, Пётр – 1975.
 Вейдле, Владимир – 1972, 1973.
 Веприцкая, Людмила – 1992.

Виленкин, Виталий – 1987.
 Виноградова, В.Н. – 2005.
 Волков, Соломон, 2008.
 Волошин, Максимилиан – 1917.
 Вольпин, Михаил – 1975.
 Гайсин, Рахимзян – 2008.
 Геворкян, Татьяна – 2001.
 Гильдебрандт-Арбенина, Ольга – 1977.
 Гинзбург, Лидия – 1988, 1989.
 Глен, Ника – 1963, 1965.
 Головкин, Вячеслав – 2001.
 Гольдберг, София – 2002.
 Горбачёва, Н.Н. – 2003.
 Горькова, Татьяна – 2000.
 Громова, Наталья – 2005.
 Грэм, Ирина – 1972, 1973, 1974.
 Гущина, Нина – 1981.
 Дар, Давид – 1964.
 Демидова, Алла – 2004.
 Дзуцева, Н.В. – 1993.
 Друнина, Юлия – 1994.
 Дымшиц, Александр – 1957.
 Евтушенко, Евгений – 2003, 2005.
 Ельницкая, Светлана – 2004.
 Жюзвиль, Жан – 1913.
 Злотникова, Аида – 2001, 2008.
 Зноско-Боровский, З.А. – 1924.
 Зыслин, Юлий, 2005, 2008.
 Иванов, Вячеслав Вс. – 1991, 1995, 2000.
 Иванов, Георгий – 1921.
 Иванова, Е.М. – 1997.
 Иванова, Наталья – 2007.
 Иваск, Юрий – 1972.
 Ильина, Наталья – 1977(1980), 1991.
 Ильинец, Елена – 2008.
 Индриков, Алексей – 2008.
 Искандер, Фазиль – 1996.
 Каган, Юдифь – 1992.
 Катаева, Римма – 1992.
 Катаева, Тамара – 2008.

Кацис, Л.Ф. – 2003.
 Кертман, Л.Л. – 2002.
 Ковтунова, Ирина – 2002, 2003, 2005.
 Кожевникова, Н.А. – 2005.
 Козловская, Галина – 1974, 1991.
 Комолова, Нелли – 2005.
 Контер, Лиян – 1978.
 Копылова, Надежда – 1991, 2002.
 Коркина, Елена – 1983, 1990.
 Корнилов, Владимир – 1991.
 Королёва, Нина – 1989.
 Кралин, Михаил – 1990.
 Кресикова, Иза – 1994.
 Крейд, Вадим – 2005.
 Кудрова, Ирма – 1992, 1994, 2003.
 Кузмин, Михаил – 1912.
 Кулишова, Инна – 2002.
 Кульманова, Зинаида – 2002.
 Курдованидзе, Теймураз и Анна – 2008.
 Кушнер, Александр – 1971, 2007.
 Лаутербах, Энн – 1988.
 Левянт, Майя – 2005.
 Лелевич, Г. – 1924.
 Лиснянская, Инна – 1984 (до 1989).
 Липкин, Семён – 1977–1981.
 Лосев, Лев – 2007.
 Лосская, Вероника – 1999.
 Лонго, Айза Пессина – 1996.
 Лурье, Артур – 1922.
 Максимов, Дмитрий – 1986.
 Мандельштам, Надежда – 1967–1981, 1970, 1990.
 Мандельштам, Осип – 1916.
 Мартыничев, Иван – 2008.
 Маслова, Валентина – 2000, 2004.
 Машинская, Ирина – 2003.
 Маяковский, Владимир – 1928.
 Миндлин, Эмилий – 1979.
 Мнухин, Лев – 2008.
 Мочульский, Константин – 1923.
 Найман, Анатолий – 1991, 1995, 1997, 1999.

Недошивин, Вячеслав – 2005, 2006.
 Неёлова, Марина – 1987.
 Нейт, Аманда – 1976.
 Ничипоров, И.Б. – 2004.
 Новикова, Елена – 1981.
 Обоймина, Елена, Татьянова, Ольга – 2007.
 Одоевцева, Ирина – 1967.
 Огинская, Ольга – 1914.
 Озеров, Лев – 1996.
 Ольшанская, Евдокия – 1994.
 Орлов, Владимир – 1965.
 Осипова, Ольга – 2008.
 Павлович, Надежда – 1992.
 Панков, Виктор – 1958.
 Пастернак, Борис – 1922, 1925, 1926, 1929.
 Петровых, Мария – 1962, 1967.
 Поливанов, Константин – 2006.
 Рассадин, Станислав – 2001, 2006.
 Резникова, Наталья – 2002.
 Рейн, Евгений – 2003.
 Рецепттер, Владимир – 2006.
 Родионова, Галина – начало 1970-х.
 Рождественский, Всеволод – 1977.
 Романовский, С.И. – 2003.
 Ронен, Омри – 1997.
 Рубинчик, Ольга – 2007.
 Рубинштейн, Джошуа – 1996.
 Саакянц, Анна – 1989, 1992, 1995, 1998.
 Савельев, Дмитрий.
 Самойлов, Давид – 1980-е.
 Сарнов, Бенедикт – 2008.
 Седых, Андрей – 1962.
 Синкевич, Валентина – 1994.
 Скуратовский, Вадим – 2005, 2008.
 Слоним, Марк – 1965, 1970, 1971, 1972.
 Страхова, Л.Д. – 1997.
 Сумеркин, Александр – 1989.
 Сурков, Алексей – 1957.
 Тарковский, Арсений – 1983 (1990).
 Тарховская, Елизавета – 1966.

Таубман, Джейн – 1989.
 Терновский, Евгений – 2003.
 Тименчик, Роман – 2005.
 Титова, Елена – 2008.
 Троцкий, Лев – 1924.
 Файнштейн, Элен – 2006.
 Фатеева, Наталья – 2003.
 Фёдорова, Елена – 2008.
 Фейнберг, Ольга – 1998.
 Флейшман, Лазарь – 2000.
 Хазан, Владимир – 2004.
 Харджиев, Николай – 1940.
 Херсонский, Борис – 2008.
 Ходасевич, Владислав – 1918.
 Чайковская, Ирина – 2004.
 Чех, Александр – 2003.
 Чуковская, Лидия – 1941, 1958.
 Цветаева, Марина – 1912, 1915, 1916, 1917, 1918, 1921, 1922, 1924, 1925, 1926, 1936, 1940.
 Цыбульская, Зоя – 2005.
 Шаламов, Варлам – 1956.
 Швейцер, Виктория – 1988.
 Шевеленко, Ирина – 1992, 2002.
 Шенкер, Лариса – 2008.
 Шервинский, Сергей – 1976.
 Шилов, Лев – 1989, 2004.
 Шраер, Максим – 1990.
 Щербина, Владимир – 1958.
 Эренбург, Илья – 1921.
 Этельзон, Михаил – 2006.
 Эфрон, Ариадна (Аля) – 1969, 1970, 1971, 1973.
 Эфрон, Георгий (Мур) – 1942.
 Юрович, Юлия – 2008.
 Якобсон, Анатолий – 1992.
 Яковлев, Н.В. – 1926.
 Benno P. – 1964.
 Feiler Lily – 1994.
 Nasty Olga – 1996.
 Feinstein Elanie – 2007.
 Lemaire Frans – 1994.

МАТЕРИАЛЫ, ПОСТУПИВШИЕ В МУЗЕЙ В 2009 ГОДУ.

2009 г.

Литературовед Любовь Калюжная – во вступительной статье «Меня бы не узнали вы...» к книге доктора филологических наук Светланы Коваленко «Анна Ахматова». – М.: Молодая гвардия, 2009 (ЖЗЛ: сер. биогр.; вып. 1114):

«...Ахматова, поэт поистине античного чувства меры (что только и делает из рифмующей женщины поэта; Марина Цветаева “с этой безмерностью в мире мер” случай особый и трагический)».

2009 г.

Историк и политический деятель Валерия Новодворская – в книге «Поэты и цари». – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009:

«...Только у Марины <Цветаевой>, у Лорки да ещё у Моцарта была...редкая смесь детскости и гениальности...Весёлый и доверчивый Моцарт тоже вполне бездумно выпил свой яд. Блаженство неведения... Хуже всех было Марине. Боярыне Морозовой, боярыне Цветаевой, бедной донне Анне Ахматовой, бедному апостолу Осипу Мандельштаму...Нам здесь, в России, всегда было хуже всех».

«...Марина Цветаева не смогла бросить вызов местным советским богам, хотя бы так, как это сделали А.Ахматова и О.Мандельштам...Дети и гении не умеют терпеть. Всё или ничего».

2009 г.

Писательница Русина Волкова – в повести «Внуки Черубины», «Нева» 2009, №5:

«...<Красавицы Серебряного века> были молоды, красивы и невероятно талантливы, какая-то временная аномалия породила всех этих необыкновенных людей. Ахматова и Дмитриева, Цветаева, Рейснер, Одоевцева, Гиппиус, Сабашникова — я не могу всех сосчитать, но такого никогда не было и больше не будет. Их воспитывали в божьем отрицании, но куда должны были надеваться любовь, страсть, красота? Они и не исчезли, потому что Бог и есть любовь и красота. Только свою душу они приносили на алтарь не Ему, а своим любимым. И даже это не совсем так. Не случайно почти все они интересовались теософией и антропософией, и многие отношения с мужчинами завязывались на основании познания Бога через новых пророков. Я тебе скажу, что мне их соперничество друг с другом напоминает тот дух соревновательности, который царил среди первых апостолов».

2009 г.

Журналист Иван Толстой – в книге «Открытый роман Пастернака: «Доктор Живаго» между КГБ и ЦРУ». – М.: Время, 2009:

«Полностью противоположным <деятелям искусства, принявших революцию с величайшим энтузиастом,> но столь же осозанным был взгляд других – Анны Ахматовой, Осипа Мандельштама, Марины Цветаевой, Михаила Лозинского».

«Начав, безусловно, с первыми, Пастернак в нашем теперешнем сознании явно и прочно связан со вторыми... За что последние полвека Бориса Пастернака устойчиво видят в этой четвёртке – вместе с Ахматовой, Мандельштамом и Цветаевой?».

«<Пастернак> принял большевиков настолько, что, к своему запоздалому ужасу, стал советским поэтом, членом правления Союза писателей, обладателем специальных талонов на «место у колонн» и на такси. Можно ли представить в этой роли Ахматову, вообразить литфондовскую дачу Мандельштама, личного шофёра Цветаевой?».

2009 г.

Поэт Михаил Этельзон (Нью-Йорк) – в телефонном интервью автору проекта 6 мая 2009 года:

«Если совсем коротко, то Ахматова – поэт рассудочный, холодный, а Цветаева – эмоциональный; то, что я называю “горячий”: всё на крике, плаче, мольбе и т.д. – на нерве. Это по духу».

«А по технике: Ахматова классична, применяла наработанную до неё технику для своих тем. Для “холодной”, рассудочной поэзии этого было достаточно.

Цветаева – новый шаг – революционный по технике. До неё так не писали».

«Такой игры звуков и ритмов, которые работают для передачи цветаевской эмоциональности – у Ахматовой или Блока (тоже “холодный” поэт) просто нет».

«Мне близки именно эмоциональные поэты: Цветаева, Есенин, ранний Маяковский, Северянин, Пастернак. Мандельштам – разный. Не сразу понял, что как раз его эмоциональные стихи мне и нравятся (много из “Воронежских тетрадей”)».

2009 г.

Литературовед, критик и редактор Наталья Иванова – в авторской телепрограмме «Пастернак и другие» (Москва, канал «Культура», 18–21 мая 2009 г.):

«Пастернак называл Марину Цветаеву сестрой во время их эпистолярного романа. Также сестрой он называл Ахматову».

2009 г.

Культуролог, переводчик, историк искусства Виталий Вульф – в авторской программе «Серебряный шар. Анна Ахматова». Радиостанция «Культура», 25 июня 2009:

«Перед ней преклонялась Цветаева, которая написала замечательный цикл стихов, посвящённых Ахматовой».

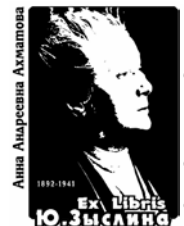
«Она люто ненавидела Наталью Николаевну Пушкину и восторгалась стихами Цветаевой, которая написала убийственные стихи о Наталье Николаевне (далее автор читает эти стихи. – Ю.З.): “Счастье или грусть – /Ничего не знает наизусть,/ В пышной тальме катать бобровой,/ Сердце Пушкина теребит в руках,/ И прослыть в веках – / Длиннобровой,/ Ни к кому несуровой – / Гончаровой./ Сон или смертный грех – / Быть как шёлк, как пух, как мех,/ И, не слыша стиха литого,/ Процветать себе без морщин на лбу./ Если грустно – кусать губу/ И потом, в гробу,/ Вспоминать – Ланского”. Ахматова была в восторге, когда она прочла эти убийственные строчки».

2009 г.

Музыковед, коллекционер, цветаевед, лектор Марина Кацева (Бостон) – в статье «Поверх явной и сплошной разлуки...», ежегодник, «Побережье», №176 2009, Филадельфия:

«Бродский много раз упоминает Цветаеву. Например, уже в первых словах своей Нобелевской лекции он поставил её имя рядом с именами любимых:

2009 г. Эскизы экслибрисов АА и МЦ Сергея Стукалова (Балтимор).

2009 г. Экслибрисы из архива коллекционера А.В.Ханакова (Москва).

Ахматова

Цветаева

Экслибрисы Геннадия Аболянина (Новосибирск)

Осипа Мандельштама, Роберта Фроста, Анны Ахматовой и Уистена Одена. "... Быть лучше их на бумаге невозможно; невозможно быть лучше их и в жизни, и это именно их жизни, скол бы трагичны и горьки они ни были..."

«В цветаевской анкете московской "Литературной газеты" Бродский так в Нью-Йорке ответил на вопрос кто ему ближе Ахматова или Цветаева >: "На этих высотах – Цветаева, Ахматова, Мандельштам, Пастернак – иерархии не существует. Русскому читателю неслыханно повезло: ему даны четыре великих поэта. Выбирать, что ближе – себя обирать" ».

Ex Libris Е.Ольшанской, г. Киев.
Автор Василий Леоненко, г.Чернигов.

Ex Libris А.Ханакова, г.Москва.
Автор Николай Стрижак, СПб.

Клавирные романсы Юлия Зыслина
на стихи Анны Ахматовой и Марины Цветаевой

АА. «Праздник-разлука».

МЦ. «Окно».

МЦ. «Были слёзы».

СТИХИ АХМАТОВОЙ И ЦВЕТАЕВОЙ
В ПРОГРАММЕ АВТОРА ПРОЕКТА

«АННА АХМАТОВА — МАРИНА ЦВЕТАЕВА. ДИАЛОГ, КОТОРЫЙ БЫЛ И НЕ БЫЛ».

Стихи в программе используются попарно,
положены на музыку, исполняются под гитару:

АА: Петроград, 1919 («И мы забыли навсегда...»).

МЦ: Страна, 1931 («С фонарём обшарьте...»).

АА: Творчество, 1936 («Бывает так: какая-то истома...»), где есть такие строки:

«Но в этой бездне шёпотов и звуков/ Встаёт один, всё победивший звук».

МЦ: «Стихи растут, как звёзды и как розы...», 1918, где есть такие строки:

«О мир, пойми! Певцом — во сне — открыты/ Закон звёзды и формула цветка».

АА: Во сне, 1946 («Мы с тобою, друг мой, не разделим... »).

МЦ: «Мы с тобою лишь два отголоска...», 1911.

АА: «Зачем притворяешься ты?...», 1915.

МЦ: Были слёзы, 1923 («В час, когда мой милый брат...»).

АА: «Кое-как удалось различиться...», 1921.

Праздник-разлука, 1959 («Не страшай меня грозной судьбой...»).

МЦ: Разлука, 1921 («Всё круче, всё круче...»).

Старинная песня, 1920 («Вчера ещё в глаза глядел...»).

АА: «Двадцать первое. Ночь. Понедельник...». 1917.

МЦ: «Вот опять окно...», 1916.

АА: Песенка, 1911 («Я на солнечном восходе...»).

МЦ: «Полюбил богатый — бедную...», 1918.

АА «Двадцать первое. Ночь. Понедельник. Очертанья столы во мгле...» (фрагмент старой открытки).

МЦ. «Вот опять окно, Где опять не спят...» Из цикла «Бессонница», посвящённого жене А.Скрябина. Дом-музей А.Н.Скрябина (современный вид).

Автор программы
АА+МЦ.

ИЗБРАННЫЕ СТИХИ АВТОРА-СОСТАВИТЕЛЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ АХМАТОВОЙ И ЦВЕТАЕВОЙ.

(По цветаевской и ахматовской тематике
Юлий Зыслин осуществил более 60-ти публикаций)

ВО ДВОРЕ ФОНТАННОГО ДОМА. 1980-Е ГОДЫ.

*Я всем прощение дарую
И в Воскресение Христа
Меня предавших в лоб целую,
А не предавшего в уста.*

Анна Ахматова

Фонтанный Дом. Я подхожу,
Дрожит струна под сердцем где-то.
Что я Ахматовой скажу
И правомочно ль будет это?
Знаком был с Домом лишь заочно
Уже давно (не помню дня),
Ошеломлён насколько точно
Струна настроена моя.
Какой здесь воздух, чем дышала,
И двор какой, что под окном.
Люблю всё с самого начала –
Ведь мне другого не дано.
Ах, двор, как парк зеленокудрый,
Где детки шлёпают в тиши,
Где Амундсен грустит премудрый,
Как будто слушает стихи.
И здесь же тихо, величаво,
Как строил Бах свои лады,
Поют поэту птицы славу,
В сердцах чтоб вызрели плоды.
Плоды смиренного желанья
И неосознанной мечты
Понять души святую тайну
Всечеловечной доброты,
Что всем прощение дарует
И в Воскресение Христа
Её предавших в лоб целует,
А не предавшего в уста.

Фонтанный Дом
(Шереметевский дворец),
главный фасад.

Фонтанный Дом, южный флигель
и двор. АА прожила здесь ~30
лет. Ныне музей АА.

Вход к южному
флигелю со
стороны Литейного
проспекта.

БОРИСОГЛЕБСКИЕ ОКОНЦА. 1982.

К 90-летию Марины Цветаевой

Марину помнит старая Москва –
Трёхпрудный переулочек и Волхонка,
И Сивцев Вражек, и Тверской Бульвар,
Борисоглебские оконца.

Марину помнит Кремль золотой,
Москва-река в одеждах неизбитых,
И монастырь на площади Страстной,
Сейчас и сам едва ли забытый.

А Пушкин с той же шляпою в руке
Стоит теперь лицом к ее бульвару
И смотрит, как по улице-реке
Плывет поток тверской, как и бывало.

Борисоглебский пер.,
1914г.

Дом Марины Цветаевой. 1992.
Фасад. Фото П.Шаронова.
МЦ прожила здесь 8 лет.
(1914–1922)
Ныне музей

Боковой фасад
Дома Марины Цветаевой,
где наверху видны
святившиеся окна её квартиры
(«борисоглебские оконца»).

Теперь в Москве кружится голова
От вальса средь планет-микрорайонов.
В них потонула старая Москва,
Едва слышны холмов заветных стоны...

Но дух московский все еще живет.
Его не смять. Светлы его скрижали.
Он не ржавеет. Он всегда поет
О тех поэтах, кто Москву прославил.

И потому запомнила Москва
Трехпрудненское маленькое солнце,
И Сивцев Вражек, и Тверской Бульвар,
Борисоглебские оконца.

ИНФОРМАЦИЯ О «ВАШИНГТОНСКОМ МУЗЕЕ РУССКОЙ ПОЭЗИИ И МУЗЫКИ».

(www.museum.zislin.com 1-301/942-2728 museum@zislin.com)

Музей расположен в пригороде Вашингтона (Rockville), открыт осенью 1997г., реконструирован в 2002 г. (за 12 лет фонды музея увеличились в не-сколько раз).

Музей основан на 30-ти коллекциях Юлия и Светланы Зыслиных, собранных ими примерно за 30 лет.

Перед посетителями, входящими в музей, открывается панорама оригинальных портретов великих русских поэтов Пушкина, Цветаевой, Пастернака, Гумилёва, Мандельштама, и два прижизненных портрета Ахматовой, с её автографом на одном из них, что она делала только, когда портрет ей нравился. Все эти портреты подарены музеем художниками или их друзьями. Здесь же и в других местах и разделах музея можно на стенах, в книгах и в альбомах увидеть многочисленные репродукции и фотографии огромного числа русских поэтов, причём часть фотографий ещё не опубликованы.

Музей имеет коллекцию редких книг, касающихся названных выше и других русских поэтов 19 и 20 веков.

Среди них отметим двухтомник сочинений Михаила Лермонтова 1891 года издания, малоразмерные книги стихотворений Гумилёва, Блока, Брюсова, Волошина, осуществленные в лагерях перемещённых лиц (DP) в Германии в сороковые годы 20 века, редкие книги 1909, 1919, 1921, 1922, 1924 годов, а также 30-х, 40-х, 50-х годов того же века.

Пушкиниана музея весьма обширна и разнообразна. Отдельно назовём бронзовую Пушкинскую медаль 1899 года и её гипсовую копию 1999 года, Пушкинскую открытку 1910 года, Пушкинский календарь 1937 года.

В музее имеются:

- коллекция антологий русской поэзии,
- коллекция мемуаров и воспоминаний о русских поэтах,
- коллекция биографий русских поэтов,
- коллекции литературоведческих работ, включая исследования американских и французских авторов, о русской поэзии (отдельно по Серебряному веку).
- коллекция справочной литературы, общих и тематических энциклопедий по русскому языку, музыке, литературе, зарубежной русской культуре.

Серебряный век русской культуры отражён в коллекциях авторских работ деятелей этой эпохи и последующих исследователей поэзии, музыки, живописи, театра, философии, истории культуры.

Музей гордится коллекцией подлинных личных вещей некоторых деятелей Серебряного века и соответствующими фотографиями, автографами и рукописями.

Обширные видео- и аудио-теки содержат записи литературных фильмов, многочисленных поэтических, философских и культурологических сюжетов, голосов многих поэтов, читающих свои стихи.

Следует отметить и такие коллекции музея, как:

- коллекция материалов о поэтических музеях в России,
- коллекции поэтических значков, медалей, открыток, конвертов, плакатов, экслибрисов, мини-книжек, календарей,
- коллекции музыкальных и литературных грамм-записей, компакт-дисков русской поэзии и музыки,

– уникальные коллекции, посвящённые пяти русским поэтам

Серебряного века – Пастернаку, Цветаевой, Мандельштаму, Ахматовой, Гумилёву,

– собрания книг и других материалов, касающихся больших групп поэтов золотого, серебряного и бронзового веков русской культуры,

– коллекция материалов международных поэтических симпозиумов и конференций,

– коллекция переводов русской поэзии на английский и другие языки,

– коллекция видео- и аудио-интервью по теме русской поэзии,

– коллекция изображений памятников русским поэтам,

– коллекции книг стихов русских поэтов Америки.

Музыкальное собрание музея содержит, кроме названных выше коллекций, книги, статьи, ноты и разнообразные записи вокальных сочинений на стихи русских поэтов, включая архив российских бардов (музей также инициировал создание в Вашингтоне «Аллеи русских поэтов и композиторов», открытие русского отдела в новом здании публичной библиотеки в северном пригороде Вашингтона и проведение Всеамериканского фестиваля авторской песни на стихи Марины Цветаевой).

Музей посетили любители русской поэзии и музыки из 32-ти городов 21-го штата США, 31-ти городов (14-ти стран) остального мира, в том числе, 16-ти Российских городов.

Музей провёл в Америке серию тематических литературно-музыкальных выступлений разной продолжительности и тематики (всего более 400, в том числе, 30 на телевидении и радио Нью-Йорка, Вашингтона, Балтимора, Бостона).

По материалам архива музея осуществлено более 150 публикаций в США, России, Украине, Израиле.

Музей явился инициатором:

- Аллеи русских поэтов и композиторов в Вашингтоне (заложена 28

апреля 2003 г.);

– Создания «Американского музея – исследовательского центра русской культуры» (идея проекта, 2006 г.)

– Ежегодных Цветаевских костров в Вашингтоне (начаты в 1996 году) и Всемирных Цветаевских костров 2002 и 2007 годов (к 110-летию и 115-летию МЦ);

– Первого Всеамериканского Фестиваля авторской песни и романса на стихи Марины Цветаевой, 2002–2003 гг. (9 вечеров в 5 городах США);

– Русских сезонов камерной музыки в Вашингтоне (1997–2000 гг.);

– Русского отдела в новой Публичной библиотеке Большого Вашингтона (2006–2007 гг.).

Фрагмент музея

Фрагмент аллеи

Цветаевский костёр

Библиотека

ОТДЕЛЬНЫЕ ОТЗЫВЫ О МУЗЕЕ И ЕГО ОСНОВАТЕЛЕ ЮЛИИ ЗЫСЛИНЕ

Доктор искусствоведения, музыковед, писатель Владимир Зак (Нью-Йорк, 2000г.):

«...Композитор и исполнитель – Юлий Зыслин нашёл свой путь укрепления Союза Музыки со Словом. Много лет выполняя благородную миссию просветителя, он приближает к сердцу каждого Великую Русскую Поэзию»

Поэт, писатель, публицист, врач Лариса Гумерова (Балтимор, 2001г.):

«...Юлий Зыслин не просто интересный бард, исполнитель своих песен, но и настоящий большой артист...»

«...Всё впечатляло: и рассказ Юлия об истории создания его музея, о других музеях Серебряного века в России и Америке, и видеоматериалы, и песни на стихи Цветаевой и других поэтов...»

Старшая внучка Анастасии Цветаевой Рита Трухачёва–Мещерская, переводчик

(Сан–Франциско, подпись под фотографией, 2002г.):

«Милому, доброму Юлию Зыслину за его нежные мелодии, за чувство мягкости в музыке, за волнующий тембр голоса. Лирика стиха следует за мелодией, а мелодия не искажает ритм стиха».

Младшая внучка Анастасии Цветаевой Ольга Трухачёва, бизнесвумен (Москва, автограф на публикации её воспоминаний о бабушке, 2005 г.):

«Дорогому Юлию Михайловичу Зыслину... Вы свою песнь пели и поёте в законах гармонии...Вы делаете очень много для... памяти вечности».

Кандидат филологических наук, журналистка Ирина Панченко (Филадельфия, 2002 г.). Из статьи «Музей русской поэзии в Америке»:

«Здесь спрессованны Время, Память, Благоговение».

Газета “The Washington Post”, November 24, 2000 by Garry Lee

“My tour of the place was a journey through contemporary Russian literary history. Zislin gave shot biographical speeches about each of the poets, pointed out letters they wrote or letters written to them. He waved his hand over hundreds of books by and about the poets and pointed out portraits or photographs of each..”

Газета. “Washington City Paper”, February 4, 2005 by Joe Dempsey

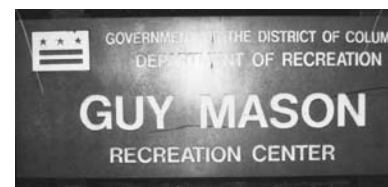
“When hosting Americans, he always starts with a song about snow, he says, because “in Russia, winter is much more lengthy than here, so it’s much more significant.”

«ВАШИНГТОНСКИЙ МУЗЕЙ РУССКОЙ ПОЭЗИИ И МУЗЫКИ» КУРИРУЕТ

RUSSIAN CULTURAL MEMORIAL in GUY MASON PARK, NW, DC 20007

Мемориальный комплекс русской культуры в Вашингтоне, D.C.

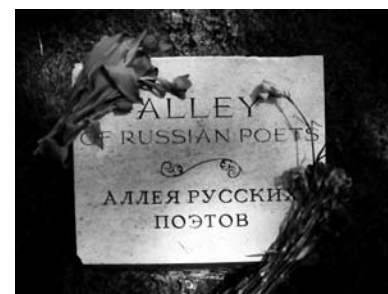
3600 Calvert St., Washington NW, DC20007 (between Wisconsin Ave. and US Naval Observatory)

Вывеска парка.

Алея русских поэтов

Заглавная плита Аллеи

Композиторский камень

Мемориал русской культуры в столице США состоит из «Аллеи русских поэтов» и «Поляны русских композиторов». Так сложилось исторически. Эти культурные символы примыкают друг к другу и по существу составляют единый комплекс, который можно назвать, как «Аллея русских поэтов и композиторов». Не исключено, что в будущем Мемориал будет расширен, по крайней мере, за счет русских художников.

Мемориал разместился в Guy Mason Park, что расположен в северо-западной части Вашингтона на ул. Calvert Street недалеко от Кафедрального Собора (кстати, 3-й Лорд Балтимора Charles Calvert ещё в XVIII веке заботился о строительстве дороги на город Фредерик, которая проходила здесь и далее на север через Бетесду). Guy Mason Park находится в вашингтонском микрорайоне Glover Park и занимает территорию между US Naval Observatory и Wisconsin Ave. В начале XX века банкир Charles C. Glover подарил городу большие земельные участки в этой зоне. Он был энтузиастом создания развитой парковой системы в Вашингтоне. (Он также активно помог в строительстве Кафедрального Собора).

Guy Mason Park является по сути культурно-спортивным и развлекательным Центром микрорайона. Здесь имеются спортивные и детские площадки, зона отдыха, обширные газоны, большая стоянка для машин. Если от Wisconsin Ave. пройти в сторону Обсерватории по ул. Calvert Street, то справа откроется кирпичное здание Центра микрорайона Glover Park. В этом здании (ему уже более 100 лет) находятся аудитории для занятий и развлечений, мастерские и зал с небольшой сценой. Парк и Центр носят имя видного американского чиновника администрации Франклина Рузвельта, журналиста и адвоката Гай Мейсона (Guy Mason, Commissioner). Он 7 раз назначался в городской совет (каждый раз на трёхгодичный срок). В его ведении находилась северо-западная территория Вашингтона.

Перед зданием Центра – большой зелёный газон (можно сказать, поляна) с вековыми деревьями, клумбой и скамейками. От улицы к зданию ведут две асфальтированные дорожки. Одну из них было предложено музеем обсадить деревьями, образовав «Аллею русских поэтов». Представители паркового хозяйства Вашингтона предложили для посадки Стрельчатые грабы (Columnar European Hornbeam из семейства европейских берёз). Вдоль здания Центра посажены деревья, обрамляющие «Поляну русских композиторов».

Аллея русских поэтов

Закладка «Аллеи» произошла в 2003 году. Идея создания «Аллеи русских поэтов» возникла у хранителя «Вашингтонского музея русской поэзии» Юлия Зыслина после одного из проводимых им мемориальных Цветаевских костров.

Президент Американского университета в Москве и хозяин «Russia

House» в Вашингтоне Эдуард Лозанский одобрил эту идею и согласился быть спонсором по её осуществлению. Он обратился за содействием к Президенту общества «Friends of Guy Mason Recreation Center» адвокату Милтону Гроссману, который провёл необходимое оформление.

Левый ряд «Аллеи», посаженный 28 апреля 2003 г., посвящён поэтам Серебряного века. Это Б.Пастернак, М.Цветаева, О.Мандельштам, А.Ахматова, Н.Гумилёв. Именно на этих наиболее талантливых и ярких поэтов XX века обрушился особенно мощный идеологический и репрессивный молот коммунистического режима.

Правый ряд (посажен 26 апреля 2004 г.) отражает Золотой (XIX) век русской поэзии – А.Пушкин, М.Лермонтов, Ф.Тютчев, А.Фет. Здесь же и А.Блок, который как бы связывает Золотой и Серебряный периоды развития русской поэзии.

Все 10 поэтов – великие лирики. Это их объединяет. Это их и возвеличивает.

Каждому поэту предпослана мраморная пластина. 10 именных пластин и одну заглавную

(Alley of Russian Poets) изготовил и подарил Музею для «Аллеи» художник и бизнесмен Владимир Лейтуш (Балтимор, Chesapeake MONUMENTS).

ПОЛЯНА РУССКИХ КОМПОЗИТОРОВ

По соседству с двухрядной «Аллеей русских поэтов», посвящённой десяти выдающимся русским поэтам XIX–XX веков, весной 2006 года возникла «Мемориальная поляна русских композиторов» (мемориальный камень установлен 25 марта этого 2006 года).

Ещё в 2000 году Президент «Американского университета» в Москве Эдуард Лозанский в ходе организованного им очередного ежегодного Форума «Россия–США» посадил перед зданием Guy Mason Center три дерева. После закладки «Аллеи русских поэтов» (куратор Юлий Зыслин), появилась идея и желание посвятить те первые деревья памяти русских композиторов. В 2005 году к этим трём деревьям были посажены ещё два и, таким образом, вдоль здания Центра возник целый ряд из пяти деревьев. Перед этими «композиторскими» деревьями расположен обширный газон–поляна.

Для преобразования этой поляны в мемориал памяти русских композиторов «Вашингтонский музей русской поэзии и музыки» заказал соответствующий памятный монумент (изготовление и установка «Chesapeake MONUMENTS», Балтимор; спонсоры – финансисты Борис и Наталия Фоксман, Гейзерсбург).

На передней панели красноватого мраморного камня выписаны золотом пять имён выдающихся русских композиторов, особенно популярных в Америке:

Piotr Ilyich Tchaikovsky	1840–1893
Sergei Rachmaninoff	1873–1943
Igor Stravinsky	1882–1971
Dmitri Shostakovich	1906–1975
Sergei Prokofiev	1891–1953

Мемориальный камень русским композиторам установлен в конце «Аллеи русских поэтов», рядом с деревом Гумилёва, и примыкает к пяти «композиторским» деревьям, высаженным поперёк «Аллеи поэтам»

Как дерево Александра Блока соединяет на «Аллее» XIX и XX века русской поэзии, так красный мраморный монумент объединяет в комплекс два мемориала – поэтический и музыкальный. Музыка и поэзия близки друг другу, что очень характерно для русской культуры.

Таким образом, в Вашингтоне создан музыкально-поэтический мемориальный комплекс, или Мемориал русской культуры. Газета The Washington Post включила Мемориал в одно из основных литературных мест Вашингтона. Теперь на Вашингтонщине есть место, куда при желании и при любом удобном случае, или в соответствующие мемориальные дни (Дни рождения и Дни памяти), можно прийти и положить живые цветы русским поэтам на их «Аллее» и русским композиторам на их «Поляне»...

Постепенно возникла и укрепляется добрая традиция приходить к Мемориалу русской культуры, возлагать цветы, читать стихи. Люди что-то вспоминают, поют, обмениваются мнениями, мечтают. И среди них не только бывшие жители России и республик вокруг неё, а и коренные американцы. Причем здесь бывают гости из разных стран и из нескольких штатов Америки. Появились желающие благоустроить территорию Мемориала, сажать здесь кусты и цветы.

Неплохо бы, чтобы некоторые туристические маршруты по Вашингтону охватили посещение исторического места в микрорайоне Glover Park с Мемориальным комплексом русской культуры в Guy Mason Park, со зданием Guy Mason Center (3600 Calvert St., Washington NW, DC 20007), которому более 100 лет, с символами памяти погибших 11 сентября 2001 года. Тем паче, что здесь совсем недалеко находятся Кафедральный Собор, Обсерватория, русская и греческая церкви, старинная и современная синагоги.

В «Вашингтонском музее русской поэзии и музыки» возникла в 2006 году идея по созданию на основе его коллекций «Американского музея русской культуры».

Новый музей призван способствовать взаимодействию и взаимопроникновению культур, донося широкой американской публике духовные ценности русской культуры, являющейся важной составляющей мировой культуры.

ПРИГЛАШЕНИЕ К СОТРУДНИЧЕСТВУ И ПОДДЕРЖКЕ ГУМАНИТАРНОГО ПРОЕКТА:

СОЗДАНИЕ В США

«Американского музея – научного центра русской культуры – поэзия, музыка, философия, театр, кино, etc.»

С предложениями и вопросами обращаться:

1–301/942–2728 museum@zislin.com

«Вашингтонский музей русской поэзии и музыки» (1997)

«Аллея русских поэтов и композиторов, D.C.» (2003)

Куратор д-р Юлий Зыслин

www.museum.zislin.com

ИНФОРМАЦИЯ О ХУДОЖНИЦЕ ЛЮДМИЛЕ ВАРЛАМОВОЙ (МОСКВА)

E-mail: ludmila_artist@mail.ru Номер телефона: 903/113-136

Московская художница Людмила Варламова окончила институт Культуры им. Н. Крупской, член Союза художников, член Международного Художественного Фонда, член творческого объединения женщин-художников «Ирида». Её работы находятся в частных коллекциях в России и за рубежом.]

Людмила Варламова обаятельна, импульсивна и искренна как в жизни, так и в творчестве. Она, легко осваивая разные временные пласты и культуры, по вдохновению работает то прозрачной акварелью, то плотными масляными красками, а в последнее время — легкой сыпучей пастелью. Художница любит экспериментировать с материалами: драгоценная рисовая бумага, тончайшая микалентная с различными цветными подложками и даже кора экзотического дерева обоа — вот основы ее картин.

Одной теме Людмила Варламова посвящает, как правило, несколько работ. Их количество варьируется в зависимости от интереса художницы к теме и полноты самовыражения.

Творчество Людмилы Варламовой — это красочная и разнообразная мозаика, объединенная сквозными темами и изобразительными приемами. Это — попури из мечтаний и впечатлений художницы.

Участие в выставках

- 1980 Ежегодное участие в Московских осенних и весенних выставках
- 1987 Женщины-художники Москвы — Всемирному конгрессу женщин
- 1989 Групповая выставка в Подольске
- 1992 Франция. Center National D'art et D'essat
- 1993 Рим. Salarte San Lorenzo
- 1993 США. Indiana Midwest Museum of American Art
- 1993 Москва. Весенний салон «Ирида»
- 1993 Бельгия. Brugge
- 1994–1999 Участие в выставках объединения «Акваживопись»

- 1994 Москва. ВВЦ. Международная выставка
- 1995 Александрия. Русский культурный центр
- 1995 Москва. Весенний салон «Ирида»
- 1996 Москва. Внешнеполитическая ассоциация. Персональная в-ка
- 1996–1997 Москва «Вдохновленные тобой, Москва». Галерея Тушино
- 1997 Москва. Галерея «Раменки». Персональная выставка
- 1997 Москва. Галерея «Тушино». Персональная выставка
- 1997 Москва. Галерея «Чертаново». Персональная выставка
- 1997 Москва. ЦДХ. «Театр начинается с художника»
- 1998 Франция «Пушкин и Россия»
- 1998 Москва. «И прошлое воскресло предо мною»
- 1998 Москва. Весенний салон 98 (призер выставки)
- 1998 Новгород. Выставка Московских женщин-художников
- 1998 Москва. Галерея «Тушино». Выставка «Изограф»
- 1998 Москва. Музей декоративно-прикладного искусства. Персональная выставка
- 1998 Москва. Фотоцентр. Выставка «Пушкин и Россия»
- 1998 Москва. «Галерея на Песчаной». Участие в семейной выставке (засл. деят. искусств Е.А. Расторгуев, засл. художник России Т.П. Гусева, Л. Варламова, Н. Варламова)
- 1999 Москва. Музей декоративно-прикладного искусства. «Интерьер игры для взрослых». Персональная выставка.
- 1999 Москва. Весенний салон 99 (призер выставки)
- 1999 Москва. Московский фонд культуры. «К 200-ю А.С. Пушкина». Персональная выставка
- 1999 Москва. Московский Государственный социальный Университет. «А.С. Пушкин». Персональная выставка
- 1999 Камерун. Yaounde. Персональная выставка, посвященная 200-летию со дня рождения Пушкина.
- 1999 Ферапонтово. Музей фресок Дионисия. Участие в выставке, посвященной 200-летию со дня рождения Пушкина.
- 1999 Франция. Галерея Vill st Benoît, выставка-конкурс (призер выставки).
- 2000 «О, этот юг, о, эта Ницца!». Персональная выставка.
- 2000–2001 Москва. Галерея «Кросно». Персональная выставка.
- 2001 Москва. Росзарубежцентр. «Из Италии с любовью».
- 2002 Каунас. Русский культурный центр. Персональная в-ка.
- 2002 Прага. Русский культурный центр. Весенний салон. Персональная выставка.
- 2002 Москва. Союз Женщин России. Персональная выставка.
- 2003 Весенний салон «Ирида».

- 2003 Франция. Шербур.
- 2003 Москва. Галерея «Тушино». Персональная выставка.
- 2004 Москва. Галерея «На Каширке». Выставка художников издательства «Изограф».
- 2004 Санкт-Петербург. Международное биенале графики.
- 2004 Франция. Арасс.
- 2004 Москва. Галерея «Росизо». Совместная в-ка с художниками из Анголы «Новая встреча двух культур».
- 2005 Москва. Персональная выставка в посольстве Новой Зеландии.
- 2005 Франция. Париж. Галерея «Свет и Тень».
- 2005 Москва. Персональная выставка в посольстве Новой Зеландии, посвященная старой Москве и особняку Миндовского.

СОБЫТИЯ 2007 ГОДА

- Март «Салон ЦДХ 2007»
- Апрель Галерея «13-ти» ЦДХ
Персональная выставка в банке «Холдинг-Кредит»
- Май Выставка «Обнаженный мир» «Эрос. Москва 2007» Выставочный комплекс «Тишинка»
Выставка «Арт-Деко», Малый манеж
- Июнь Галерея «Ардена», участие в групповой выставке
- Сентябрь Персональная выставка в кафе «Персона» на Котельнической набережной
- Ноябрь Персональная выставка в Российском культурном центре в Праге
Участие в художественно-антикварном аукционе в Карловых Варах
- Декабрь ЦДХ Выставка, посвящённая 75-летию МОСХа

СОБЫТИЯ 2008 ГОДА

- Февраль Выставка, посвящённая А.Пушкину (Комитет по культуре Москвы)
- Май Италия, Верона. Галерея ARTELLINA
Музей Л.Н.Толстого Выставка «Салон 19 века»
Оформила книгу «Поэтические легенды России» (о женских салонах 18-19 вв.) иллюстрациями-монотипиями
- Сентябрь Венгрия, Будапешт. Персональная выставка

В 2008 году изготовила серию графических рисунков для оформления книги Юлия Зыслина (Вашингтон), посвящённой сопоставлению А. Ахматовой и М. Цветаевой.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АССОЦИАЦИИ AARCE

www.aarce.org

AARCE – это American Association for Russian Language, Culture and Education. Ассоциация также известна под русским названием ААРКО, или Американская Ассоциация русского языка, культуры и образования.

Первые девять человек-волонтеров, которые были у самих истоков Ассоциации: В.Браилица-Бонелли (первый Президент), М.Даллниг, М.Девис, Е.Овчаренко, О.Райнс, Е.Решетникова, С.Соколова, Б.Фоксман, Е.Черномазова.

Главной целью Ассоциация AARCE (ААРКО) является организационное и информационное объединение и поддержку учреждений, культурно-образовательных центров и организаций, русскоязычных СМИ, действующих на территории США, реализующих задачи развития, сохранения и распространения русского языка и культуры, способствующих интеграции и формированию самосознания членов нашей диаспоры в условиях двуязычия.

В 2005–2007 гг. Ассоциация провела две международных конференции и издала два научно-методических сборника «Русский язык в США» по проблемам и опыту развития и сохранения русской культуры и языка в Америке.

Создание Ассоциации AARCE было логическим завершением работы первой конференции 2005 года.

За время существования Ассоциации русского языка, культуры и образования были проведены различные мероприятия для детей и юношества, семинары для родителей и педагогов, круглые столы и праздники.

AARCE – это творческий союз взаимной помощи и сотрудничества во имя ценностей русского языка и русской культуры.

«Вашингтонский музей русской поэзии и музыки» зарегистрирован в составе AARCE.

ИНФОРМАЦИЯ О СПОНСОРАХ ПРОЕКТА

Организатор спонсорской поддержки проекта – Президент NBAC Corp,
Председатель совета директоров Ассоциации AARCE **Борис Фоксман**.

National Business & Accounting Consultants Corporation
www.nbaccorp.com

Финансист Борис Фоксман

Экспертиза компании NBAC Corp:

- Структуризация компаний и деловых сделок с целью оптимизации налогообложения,
- Бухгалтерское обслуживание для иностранных компаний ведущих бизнес на территории США,
- Налогообложение иностранных граждан в США,
- Налогообложение американских граждан работающих за границей,
- Представление интересов клиентов в спорных ситуациях с налоговой службой США,
- Оформление и учет заработной платы для иностранных компаний ведущих бизнес в США,
- Финансовое управление компаниями,
- Пенсионное планирование,
- Полный спектр банковских услуг.

Офисы NBAC Corporation:

700 12th Street NW, Suite 700
Washington, DC 20005
ph. 202-904-2434
fax. 866-593-3451

15 East Deer Park Dr., Suite 201
Gaithersburg, MD 20877
ph: 301-977-0090
fax: 301-977-5199

СПОНСОРЫ ПРОЕКТА:

Президент Ассоциации American Association for Russian Language, Culture and Education AARCE **Светлана Соколова**.

www.aarce.org Tel. 1-240/372-3343
15 East Deer Park Dr Suite 201 Gaithersburg, MD 20877

Ассоциация известна и под русским названием ААРКО: «Американская Ассоциация русского языка, культуры и образования».

Ассоциация AARCE (ААРКО) призвана осуществлять организационное и информационное объединение и поддержку учреждений и культурно-образовательных центров США с целью развития, сохранения и распространения русского языка и культуры (подробнее об Ассоциации см. предыдущий раздел Приложения «Информация об ассоциации AARCE»).

Светлана Соколова внесла большой вклад в создание и функционирование Ассоциации AARCE.

Светлана Соколова, организатор образования русскоязычной общины Большого Вашингтон.

Первый вице-президент фирмы Morgan Stanley Smith Barney in Washington, DC
Виталий Назлымов, CFA, CFP.

Bethesda, MD. *Vitali.nazlymov@ms.com* Tel. 1-301/961-2642

Виталий Назлымов, управляющий портфельными инвестициями, руководитель группы специалистов по инвестициям.

Инвестиции представляются компаниям/корпорациям, благотворительным фондам, состоятельным семьям и физическим лицам, например, крупной строительной компаниям США, Национальной Академии США, пенсионному фонду на территории Вашингтона и штатов Вирджиния и Мериленд, семье одного из политических лидеров США, олимпийским чемпионам, профессиональным спортсменам и тренерам в США и в странах бывшего СССР.

Управляющий юридической фирмы «femida.us» **Дмитрий Дубограев** и менеджер той же фирмы **Светлана Дубограева**.

www.femida.us *dd@femida.us* Tel. 1-202/835-0966

Дмитрий и Светлана Дубограевы, Управляющий партнер и Менеджер юридической фирмы «femida.us.»

Юридическая фирма femida.us (a/k/a Int'l Legal Counsels PC) в Александрии (Штат Вирджиния), с офисами в Вашингтоне, Париже и Москве предлагает широкий диапазон юридических услуг по корпоративным и технологическим сделкам. Корпоративная практика фирмы ориентируется как на юридическое обеспечение корпоративных транзакций, так и на оказание услуг относительно корпоративного управления, структурирования, и регистрации, а также в сделках по слиянию и приобретению компаний и операциях по финансированию предприятий. Технологическая практика сосредоточена на международных сделках по трансферу технологий и интеллектуальной собственности в сферах телекоммуникаций, программного обеспечения, индустрии развлечений и информационной безопасности. Фирма femida.us оказывает правовые услуги по переговорам, касающимся лицензионных и дистрибьюторских соглашений, по защите интеллектуальной собственности (патентование, товарные знаки, авторские права) и по вопросам, возникающим при лицензировании, покупке и продаже на Западе технологий, разработанных в бывшем Советском Союзе.

Президент Агентства Home Inc. **Рустам Аливерди.**

Home Care Agency. Gaithersburg, MD 20877.
Home_inc@netzero.net Tel.: 301/519-8611, fax: 301/519-8633.

Агентство оказывает услуги на дому по уходу за пожилыми и больными, кто нуждается в посторонней помощи.

Home, Inc. – licensed Residential Service Agency is the perfect choice for someone who wants to remain independent, but needs some assistance with daily routines.

Президент Jessa Medical Supplies Inc. **Муслим Алиев.**

JESSA Gaithersburg, MD 20878 Muse Aliev
Медицинские оборудование самого разного назначения
(продажа и прокат)

www.Jessamedical.com
Tel.: 301/990-8706 1-888/495-3772 Fax: 240/631-7113

At Jessa Medical Supplies, our trained sales representative and mechanical engineer are committed to provide you excellent customer services and high quality medical products at the prices you can afford. Our wide selection of acceptance of major insurance providers will make your medical supplies and equipments shopping experience an easy and pain-free one. Browse our online catalog or stop by our showroom today to learn more about our selection of products.

Turning Leg Caddy RENT THIS FOR ONLY \$45 A WEEK!

A Turning Leg Caddy is for:

- People with foot or ankle injuries
- Individuals having foot/ankle surgery
- Diabetics with Charcot joint disease, ulcers or other complications
- Patients with bunionectomies, achillies tendon problems or foot reconstruction
- Patients with neuromuscular problems, arthritis, or amputations

A Turning Leg Caddy Allows You To:

- Return to normal activity quickly
- Avoid injury to wrist, arm and shoulder from crutches
- Use of your hands freely when in a parked position
- Protect your injured foot/ankle
- Have maximum mobility

Features:

- Meet doctors' requirements for 'total non-weight bearing'
- Easily adjustable to patient heights
- Available in two sizes for patients from 4'11» to 5'8» and 5'9» to 6'6» tall
- Accommodates weight up to 350 lbs.
- Easy front steering allows for most effective maneuverability and stability
- Helps transport the user over uneven surfaces and slight inclines
- Large 8» wheels help you maneuver over curbs or steps up to 6»
- Parking brake allows you to stay put and complete daily activities (such as food preparation, personal care)
- Lightweight and foldable for easy transportation and storage

АННА АХМАТОВА (1889–1966) —
МАРИНА ЦВЕТАЕВА (1892–1941)
ХРОНИКА СОПОСТАВЛЕНИЯ ЗА 1912–2008 годы

Литературно–художественное издание
Печатается в авторской редакции

ПРОЕКТ ЮЛИЯ ЗЫСЛИНА.
Идея, текст, архитектура книги.
Вашингтон.

Специальные иллюстрации Людмилы Варламовой, Москва.
Цитаты, фотографии, силуэты, экслибрисы
из материалов «Вашингтонского музея русской поэзии и музыки»
www.museum.zislin.com

Design & Layout: Irina Solovieva
Copyright © 2009 by author
Chicago, USA 2009
Published by «KONTINENT»
www.kontinent.org